
Анатолий Блинский
ПОКЛОНИСЬ
МУГОДЖАРАМ

Анатолий Блинский

ПОКЛОНИСЬ МУГОДЖАРАМ

повесть

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЖАЗУШЫ»
Алма-Ата — 1977

Р 2
Б 69

Б $\frac{70302-147}{402(07)77}$ 126—77

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Степная дорога слегка курилась. Светило солнце — тусклое, оледенелое.

Впереди, у самой кромки горизонта, выгнулись подковой Мугоджары. Сквозь белесую морозную дымку вершины казались заиндевелыми верблюжьими холками, а буровая вышка в ущелье напоминала обелиск. В стылом голубоватом воздухе плавали легкие снежинки.

Тягач шел ходко. В кабине пахло соляркой, табаком. Сергей Овражный, старший геолог партии, распахнул меховую куртку, сдвинул на затылок шапку, искоса глянул на храпевшего сбоку Коварму. Даже в этой неудобной, сломанной позе буровой мастер Коварма оставался великаном. Рядом с ним и Сергей, не жаловавшийся на свой рост, и шофер Наянов казались подростками.

— Эк тебя надрывает,— заворчал костлявый Наянов и ширнул Коварму локтем в бок.— Слышь, что ли?

Коварма поднял квадратное лицо, с трудом открыл припухшие глаза, закинул назад спутанные волосы.

— Чего привязался?— спросил он, позевывая.

— А то, что храпишь, будто давят тебя...

По дубленому лицу Ковармы поползла, разгоняя остатки сна, благодушная улыбка. Он тяжело бросил огромную руку на колено шофера, отчего тот передернулся, и заговорил:

— Эх, Максимыч, Максимыч. Отсталый ты, брат, человек, совсем отсталый. Ведь умные люди что говорят: храп мужику силы прибавляет...

— Вот и шуруй к этим самым умным и храпи там на здоровье,— беззлобно огрызнулся Наянов.— Убери-ка руку, чай не девка — лапаешь.

— Руку оно, конешно, убрать можно,— ухмыльнул-

ся Коварма.— Только ведь от этого, Максимыч, мужиком ты все равно не станешь. Храпеть не умеешь, а какой это мужик без храпа? Так, название одно.

...Года два назад, слушая впервые подобные «перепалки», Сергей решил, что эти двое — тертые, бывалые — не переносят друг друга. И был немало удивлен, когда случайно узнал, что Коварма и Наянов старые, еще фронтовые друзья и вот уже двадцать лет вместе кочуют по свету. Сразу после войны работали грузчиками. Попав к геологам, окончили курсы буровых мастеров. И с тех пор в Сибири и Каракумах, на Камчатке и здесь, в Мугоджарах, вкалывали на одном буровом станке. Недавно только Максимыч из-за болезни ушел крутить баранку. Но и теперь редкий день они не встречались. А при встречах не могли обойтись без взаимных подначек, хотя победа неизменно оставалась за Ковармой.

Рассказывали, будто связала их судьба в один узелок на Курской дуге: будто Наянов спас Григория Степановича Коварму от верной гибели.

Однажды Сергей услышал бесхитростное повествование самого Ковармы:

— Было это году в сорок третьем. То ли в августе, то ли в сентябре — не помню точно. Служили мы тогда с Максимычем в разведке. Он в сержантах, петухом ходил. Ну, а я все никак не мог из рядовых выбиться,— Григорий Степанович подмигнул окружившим его буровикам и полез в карман за папиросами.

— И вот как-то под вечер,— продолжал он рассказ,— вызывают нас пятерых в штаб. Так, мол, и так, ребята, дозарезу нужен «язык». На вас, мол, вся надежда. Ну и, как водится, объяснили по карте, что и где. Старшим Максимыча назначили,— Коварма закурил.— Принарядились мы соответственно и, как стемнело совсем,— подались. Часа, наверно, три носами землю ковыряли. Куда ни сунемся — осечка. Наконец наткнулись на один блиндаж...

Стоял он на отшибе, лесок рядом. Залегли, значит, ждем. Расчет верный: должен же кто-нибудь по нужде выйти,— Коварма глубоко затянулся и, выпуская изо рта и носа клубы дыма, швырнул папироску через головы слушателей.— Часа полтора ждали. Вдруг слышим: скрипнула дверь. Смотрим: выползает фриц — здоро-

венный такой. Остановился, потянулся, прислушался. Мы и дышать перестали. Постоял он, постоял и пошел прямо на нас. Самую малость не дошел, под кустом пристроился. Толкнул я в бок Максимыча — пошли, мол. На наше счастье на передовой пулеметы затарахтели, посыпались в лесочке ветки. Подкрался я к фрицу сзади и прыг верхом.— Григорий Степанович задумался, растерянная улыбка промелькнула на лице.— Вот и сейчас не знаю, как промазал. Прием самый что ни на есть верный, а получилась хреновина... Только значит, я на него, а он как вскочит, подхватил меня под ноги, забросил за спину и прет в блиндаж. Я ему до глотки пытаюсь добраться, а он поймал меня зубами за палец, да как хрястнет, я чуть не взвыл. А блиндаж — вот он, рядом, пять шагов, не больше осталось. Ну, думаю, Коварма, амба, оседлал ты, Гришка, не того иноходца. Только это так подумал, чую — вцепился в меня кто-то железной хваткой. «Максимыч»,— мелькнула мысль. Затоптался фриц на месте, а Максимыч тем временем его прикладом по башке — раз! Подхватили мы его и бегом в лесок. А тут уже суматоха поднялась, всполошились фрицы... Вот осталось мне на память от того «языка»,— Григорий Степанович задвигал култышкой большого пальца,— отгрыз, сволочь!

Ползущая с запада черная туча закрыла полнеба. В одно мгновенье степь перемешалась с небом, вездеход обступила кипящая тьма.

— Ну, кажется, влипли,— хмуро бросил Максимыч, сбавляя скорость.

— Чего там влипли, жми! Пурги, что ли, не видел?— пробасил Коварма.

Мощные дворники не успевали прочищать лобовое стекло. В двух шагах обрывалась видимость. Шофер то и дело открывал боковушку, высовывался по пояс, но и это не помогало. Тягач шел на ощупь, поминутно теряя набитую дорогу.

Сергей думал о своем. Он до сих пор не решил окончательно, что делать? В кармане лежал приказ о снятии с работы, подписанный заместителем управляющего трестом Синеглазовым. Четвертушка тонкой бумаги, сложенная вдвое: «За грубейшее нарушение технической и финансовой дисциплины, организацию коллективных пьянок, неумение руководить коллективом, личную мо-

ральную нечистоплотность старшего геолога Карасуатской партии Северо-Мугоджарской геологической экспедиции т. Овражного С. Д. освободить от занимаемой должности».

Слова-то какие!

...А началось все в понедельник, тринадцатого.

«Так и суеверным станешь»,— мысленно усмехнулся Сергей.

Вечером в воскресенье пришла радиограмма: вызывал начальник экспедиции. Выехали с Наяновым в полночь, к девяти утра были на базе. У входа в контору Сергея перехватил начальник отдела кадров Стахов. Это был маленький вертлявый человек с застывшим выражением испуга на лице. Он поддерживал Овражного на всех совещаниях, как мог помогал геологической партии людьми. И тем не менее при встречах Сергей старался побыстрее отделаться от Федора Васильевича.

— Минуточку, Сергей Дмитриевич,— придержал его Стахов.— Здравствуй, во-первых. К начальнику торопишься?

— К нему. К девяти вызывал,— Сергей глянул на часы,— так что извините, спешу.

— Подожди, Сергей Дмитриевич,— Стахов вцепился в рукав его куртки.— Не кажись ты сегодня ему на глаза. Дед (так называли начальника экспедиции) люто сердит. Задаст он тебе жару, обязательно задаст. Переждичуток, пусть охолонет...

— А что случилось, Федор Васильевич?

— Тебе это лучше знать.

Сергей обошел Стахова и решительно направился в контору.

Начальником экспедиции был Михаил Иванович Тулупов. Сергей еще студентом, на практике, работал под его началом. Старый геолог, исходивший на своих двоих полсвета, он не переваривал людей нерешительных, слабовольных, верил в свое дело и не терпел даже малейшего пренебрежения к работе. Тулупов умел ценить чужое мнение, если оно даже в корне противоречило его собственному, умел признать себя неправым.

К разносам и проработкам прибегал редко. Но если уж шерстил, то в выражениях не стеснялся.

Ходили слухи, что семейная жизнь у него не задалась. Детей не было. А жена отказалась уезжать из Москвы, где он работал в министерстве, и вот уже лет пятнадцать жила надеждой на то, что рано или поздно

Тулупов остепенится. «Остепеняться», однако, Тулупов не спешил.

Переступив порог кабинета начальника, Сергей тут же отметил про себя, что Стахов прав — будет разнос. Михаил Иванович смерил его холодным взглядом, указал на стул и начал без всяких предисловий:

— Ну что — под суд тебя отдать прикажешь?!

— За что, Михаил Иванович? — растерялся Сергей.

— Ты святошу из себя не строй и казанской сиротой не прикидывайся.

— Да объясните, что произошло?

— Это ты мне будешь объяснять, сукин сын,— бухнул кулаком по столу Тулупов. Пластмассовый стаканчик с карандашами подскочил и покатился, тарахтя по толстому стеклу.— Ты что же думаешь, если меня нет, так можно творить все, что угодно? Не выйдет! Кто тебе позволил нарушать проект буровых работ, кто давал право переводить картировочные скважины в поисковые?

У Сергея будто гора с плеч свалилась. Он улыбнулся.

— Позвольте, Михаил Иванович...

— Не позволю! Запомни раз и навсегда: никому не позволю разбазаривать государственные деньги! И Лобову передай, я с вас по семь шкур сниму за каждую самовольно заданную скважину.

— И все-таки послушайте меня, Михаил Иванович.

— Выкручиваться станешь?

— Нет.

— Если нет, давай,— Михаил Иванович выбил трубку о край массивной пепельницы, достал из стола табак.

— В нынешнем проекте буровых работ допущена ошибка. Кто в этом виноват, не важно,— начал Сергей.— Факт есть факт. Рудное тело падает на восток. В проекте же показано западное падение. И в связи с этим ошибочно заданы все скважины.

— Не может быть!

— Проверьте.

Тулупов вытащил из сейфа геологические разрезы поисковой площади, бегло просмотрел их.

— Откуда ты взял западное падение?

— А вот присмотритесь, Михаил Иванович. На востоке и юго-востоке мы бурим в общей сложности десять скважин,— Сергей пересчитал их карандашом на разрезе.— Из них только шесть поисковых, остальные — картировочные. На западе и юго-западе закладываем восемь скважин, но теперь уже семь поисковых и только

одну картировочную. Так где же мы ищем рудное тело — на западе или на востоке?

Острые скулы Тулупова побелели, широкий лоб рассекли глубокие морщины.

— Да-а-а. Надо, видно, бежать на пенсию,— заговорил он глухо.— Как же ты мог подсунуть мне на подпись такую липу?

— Зачем вы так, Михаил Иванович? Окончательный вариант проекта составлял Борзицкий. А ошибку я обнаружил совсем недавно.

— Борзицкий?— Тулупов раскурил трубку, набычил голову и тяжело зашагал по кабинету.— Ладно. Ты уж прости, сорвался.

Еще когда были заложены первые поисковые скважины в Карасуатской впадине, главный геолог экспедиции Борзицкий, основываясь на устаревших геофизических данных, настойчиво доказывал, что рудное тело простирается далеко на запад. Вместе с главным инженером треста Синеглазовым, в недавнем прошлом начальником геофизической партии, производившей аэрогеофизические съемки этого района, Борзицкий опубликовал статью в республиканской газете — обвинял руководство экспедиции, в первую очередь Тулупова, в близорукости и в том, что он идет на поводу у молодых малосведущих специалистов, затрачивает огромные средства на пустые скважины. Статья должна была обсуждаться на коллегии Министерства геологии. Но «пустые» скважины одна за другой оказались рудными. На радостях обсуждение отложили.

Некоторое время спустя по информации того же Борзицкого о том, что карасуатцы подсекли богатейшие залежи меди, экспедиции затвердили на новый год такой план прироста запасов, что Тулупова чуть удар не хватил.

«Какой дьявол тянул тебя за язык,— ворчал он в сердцах,— посадил на мель всю экспедицию».

План по приросту запасов провалили. И вообще после того, как была оконтурена и обсчитана медная линза, на Карасуатскую партию посыпались неудачи. Большая медь (а в том, что она большая, никто в экспедиции не сомневался) улизнула. Куда повернул пласт? И пласт ли это? Возможно, отдельные рудные тела, разбросанные по всей многокилометровой впадине. Кто знает?

Вот этим и воспользовался Борзицкий. Идти в открытую на сей раз он не решился. Но, составляя проект бу-

ровых работ на следующий год, он заложил в него свою идею — и хитро: создал видимость масштабности поисков, не всякий и не враз поймет суть. Расчет прост: выгорит дело, значит, он будет ходить в героях-первооткрывателях: я, мол, еще тогда доказывал, что большая медь на западе. Ну, а если прогорит, авось не заметят, а заметят, что ж,— ошибся.

Иногда обстоятельства оказываются сильнее людей. Перед отъездом в заграничную командировку Тулупов подписал этот злополучный проект. Докажи теперь, что тебя провели. Кто поверит? А проект министром утвержден, нарушать его не дозволено...

— Мы дважды, пока вас не было, писали об этом Валерию Павловичу, трижды просили его по рации перевести шестьдесят первую и шестьдесят седьмую скважины в поисковые, но он ни разу не ответил. Пришлось все сделать на свой страх и риск,— закончил Сергей.

— Ну что ж, ладно. С этим мы как-нибудь распутаемся. Надо будет, до министра дойдем. Докажем. Анонимка на тебя в трест пришла.— Тулупов подошел к сейфу.— Вот, глянь,— он с брезгливостью швырнул на стол толстый конверт, залепленный марками...

Тягач неожиданно нырнул в овраг. Наянов инстинктивно прибавил газу. Машину тряхнуло раз, другой, третий... Сергей едва успел ухватиться за поручень. Коварму подкинуло с сиденья. Широко растопырив руки, он цеплялся за воздух.

— Тише ты, дрова, что ли, везешь?— прохрипел Григорий Степанович и, потирая ушибленную голову, проворчал:

— Долбану вот по загривку, будешь знать, как людей возить.

— Я те долбану,— вскипел Максимыч,— что ты весь свой цыганский род перезабудешь! Тоже мне спальный вагон нашел. Не нравится, вытряхивайся к чертовой бабушке,— шофер распахнул дверку,— ну?

— А я-то все думал,— скосил на него черные глаза Коварма, переходя на свой обычный полуиронический тон,— почему ты, Максимыч, такой худющий: мослы да кожа, и та местами рваться начинает. Теперь вот только понял, это у тебя от недостатка нервов происходит. Нервы, они вещь тонкая. Это уж ты мне поверь.

— Верю, отвяжись только, христа ради.

— Ну вот, веришь, а сам опять кипятишься. На-ка лучше закури.— Григорий Степаиович протяиул Наяиову измятую пачку папирос.

Максимыч взял папироску, кииул ее в рот, прикурил, открыл боковое стекло и демоистративио высуиул голову навстречу кромешной метели.

— Вот бы его на место мотора,— хохотиул Коварма, кивая иа Наянова и поворачивая свое квадратиое лицо к Овражиому.— Заводится с полуоборота. Не кочегарить, не подогревать — крутиул, и вспышка. Слушай, Митрич, а правда это у иас болтают, что ты в Усольске грузчиком был?

— Был. А что?

— Врешь ты, иаверио. Сейчас ведь модио под работяг подделываться. И потому ие верю я тебе.

— Дело хозяйское.

— Оио, коиечио, так.— На лице Ковармы появилась хитриика, он многозиачительно хмыкиул.— Ну уж если ты был грузчиком, то ответь мне, какой товар грузчик считает проклятым?

— Цемеит, известку, сахар.

— Ишь ты, угадал,— поразился Коварма.

А Сергей, вглядываясь в пургу, вспомнил себя лопоухим мальчишкой, с тонкой шеей и густыми весиушками на лице — оии ие сходили даже зимой, только слегка светлели. За эти веснушки на улице звали его «чубарым». Войиа разметала их большую шумную семью, точио ветер сухую листву. Отец н два брата ушли иа фроит; Сергей отчетливо увидел самодельные тупоиосые сапоги отца, слышал его последиюю фразу, брошенную с подножки вагона: «Расти, сынок, и будь хозяиином...» На этом память об отце обрывалась.

Отец ушел на фроит на пятый деиь войиы. Вестей о ием не было до самой осеии. Потом пришло письмо. Закадычиый друг отца Михаил Косырев писал: «Митрий Лексеич погиб смертью храбрых. Было это на рассвете. Фашисты валили валом, что саранча. Митяй косил нх из пулемета, а я подавал ему ленты. Когда я отполз за иовым ящиком, пулемет замолк.— Дальше две строчки были густо замараны тушью.— Ои лежал, раскинув руки. Крови нигде не было. Только иа виске — малеиькая царапина. Тут пришла команда отступать. Я поцеловал его, забрал пулемет и ушел. Буду мстить за Митяя, пока жив...»

Вслед за письмом пришла похоронка, первая в селе.

К землянушке Овражных сбежались все от мала до велика. Хмурились, курили беспрестанно мужики, причитали на разные голоса бабы, теснились стайками притихшие ребятишки.

— Чаво уж теперь выть-то,— горбился дед Лизвой.— Не возворотишь... Экое напастье, такого мужика уходили. Я так себе прикидываю, будь то на честном бою, устоял бы, поди, наш Митяй и супротив пяти фрицев.

— Мелешь, ты, дед, неразумное,— вмешался в разговор Сенька-одноглазый, в латанной-перелатанной косоворотке, подпоясанный тонким ремешком с медными, тронутыми зеленью, бляшками.— Вот уж невидаль — против пяти, да он бы и десятерым в руки не дался. Забыл, што ль, как он, бывало, цельные волокуши сена одним разом на скирду закидывал? Трещат вилы, сталь не терпит, а ему хоть бы хны.

— И то верно,— соглашался дед Лизвой.— Не дался бы.— Он стянул с головы старенький картуз и широко перекрестился.

Мать часто и подолгу болела. Просыпаясь по утрам, Сергей мучительно раздумывал, где добыть денег. По дороге в школу он детально обследовал все канавы и подворотни. Ему почему-то казалось, что кто-то обронил кошелек и он непременно найдет его. Деньги нужны были край — врач уже выписал с десяток рецептов на лекарства, а выкупать их не на что.

Так, с неоплаченными рецептами в кармане, он и пришел на погрузочный двор. Повезло — подработал. Не раз случалось, когда профессионалы, подгуляв, наотрез отказывались разгружать «гробы с музыкой» или «жмуриков», то есть вагоны с цементом, известкой или сахаром, и тогда экспедиторы бросали на прорыв таких, как Сергей.

Цемент забивал нос, уши. Скрипел на зубах, выедал глаза. Не спасали никакие повязки. Люди в вагонах задыхались, во вред себе открывали окна. Поющие по-комариному сквознячки не приносили прохлады, зато поднимали тучи мельчайшей пыли. Работали вслепую.

Сахар кляли по другой причине. Каждый мешок сахарного песка весил сто килограммов. А если в дороге вагон попадал под дождь, то еще набегало на мешок килограммов пятнадцать за счет влажности. Походить с такой ношей восемь-десять часов кряду — тут одной силы недостаточно, нужна еще выдержка, или, как говорили грузчики, надо притукаться.

Страшен первый час работы. Все мысли цепляются за одно — не упасть. В такие минуты Сергей закусывал до крови нижнюю губу и шел, тяжело переставляя подламывающиеся ноги. Временами казалось, что мешок подминает под себя, что внутри что-то рвется и немеющее тело отказывается повиноваться. Тогда он на миг приостанавливался, набирал полную грудь воздуха и, не выдыхая, рывком бросался к штабелю.

На сахаре, как правило, работали не спеша, почти без перекуров. Потому что даже минутная передышка расслабляла перенапряженные мышцы.

Но больше всего Сергей ненавидел погрузку муки. На то была своя причина.

Как-то в начале июня забежал к нему запыхавшийся Володька, по кличке Пан. Белобрысый, крученый, точно вязовый пенек, был он года на три старше Сергея, пронырливый, цепкий, как шип. В эвакуацию, при бомбежке потерял родителей, раз пять, по его словам, «отрывался из детдомов», пока наконец не осел на погрузочном дворе, где слыл среди грузчиков «своим в доску». Кличку Пан получил за то, что в разговоре почти в каждую фразу к делу и без дела вставлял: «пан или пропал».

— Слушай, Чубарый, телега подвалилась, во! Троих я уже нашел, идешь пятым, толкнем за сутки. По семь с половиной сотен на нос отхватим.

— Не выйдет. Экзамен послезавтра.

— Да ты што, пан или пропал? Такая телега раз в сто лет подваливается. Подумаешь, экзамен... Успеешь.

— Готовиться же надо,— возразил ему Сергей.

— Да брось ты, готовиться! Сдашь на тройку. Все равно профессором не будешь.

— А что за телега?— поинтересовался Сергей, закрывая учебник по геометрии.

— Муку надо в баржу забросать скоренько. Двести пятьдесят тонн. По пятнадцать карбованцев за тонну.

— Э-э-э! Была не была, идем,— Сергей бросил на сундук геометрию, нашел свой старенький шлем, вывел из сарая велосипед и прыгнул на сиденье. Володька пристроился на багажнике.

— Крути прямо на пристань, пан или пропал,— скомандовал он,— ребята небось уже там.

Погрузку закончили под утро. Расчет получили тут же, наличными. Сергей, после тридцатичасовой работы, лишь добрался до койки, свалился подстреленным воробьем.

— Сынок, на экзамен опоздаешь,— слышал он сквозь сон голос матери и никак не мог оторвать от подушки голову.

— Второй час, Сережа,— предупреждала она, а он натягивал на себя одеяло и отчаянно брыкался.

Наконец матери с грехом пополам удалось раскачать его.

— Ух, дьявол,— спохватился Сергей,— а сколько времени?

— Три уже доходит... Постой, куда же ты?— остановила его мать.— Поди-ка глянь на себя в зеркало.

— А что такое?— Сергей бросился к зеркалу и опешил. Его роскошный черный чуб был грязно-серым. Волосы торчали в разные стороны, словно накрахмаленные. На лоб из-под них сползала толстая мучная корка.

— Что же делать, мам?

— Я воды приготовила, помой.

Сергей сунул голову в таз — и тут же она превратилась в клубок липучего теста. Отмыть волосы не было никакой возможности. А время торопило, экзамен, по всем расчетам, уже подходил к концу. Наспех размазав тесто полотенцем, он натянул на самые уши кепку и помчался в школу. У дверей класса, как обычно, толпились счастливые болельщики — те, кто уже сдал экзамен. Растолкав их, он в кепке вошел в класс.

— Это что за новости?— поднял очки старенький математик Красин.— Почему вы, голубчик мой, кепку не снимаете?

— Не могу я, Владимир Федорович,— взмолился Сергей.

— А вы через «не могу» попробуйте.

— Да поймите же...

— Нет, вы уж попробуйте, голубчик мой, попробуйте,— настаивал учитель.

Сергей сорвал кепку и бросил ее на парту. Члены экзаменационной комиссии с недоумением уставились на его голову. Несколько секунд спустя за столом зашелестел легкий смешок, а за дверью грянул дробный хохот.

— Где это вы, голубчик мой,— давясь смехом, спросил Владимир Федорович,— уж не в кувшин ли с тестом головой, как та лиса, перед экзаменами попали?

— Хуже,— зло бросил Сергей.

— Нет, все-таки любопытно, что же это такое?— допытывался добродушный старичок.

— Мука.

— Какая еще мука?

— Та сама, из которой вы лепешки едите, а мы грузим,— не помня себя, рубанул Сергей и повернулся к двери.

— Минуточку, голубчик мой, минуточку,— перехватил его Владимир Федорович.— Лепешки, скажем прямо, и вы едите. Но смешное от этого не перестает быть смешным.— Владимир Федорович взял Сергея под руку и потянул к столу.— К тому же экзамен для вас никто не отменял. Берите-ка билет...

В билете стоял один вопрос: «Теорема Пифагора». И две задачи. Если с последними он справился в несколько минут, то доказательство начисто вылетело из головы. Сергей пытался вспомнить — и не мог. Видел мысленно страницу учебника, кляксу на чертеже, чертика, нарисованного внизу, а доказательство забыл. Подошел Владимир Федорович:

— Как у вас, голубчик мой, дела?

— Ничего я не знаю. Ставьте двойку,— мрачно заявил Сергей.

— Ну-ну, подумайте. Непременно знаете.

— Да знаю: пифагоровы штаны во все стороны равны.

— Совершенно верно,— согласился с ним Владимир Федорович,— а теперь попробуем это доказать.

Он взял чистый листок, набросал чертеж. Сергей, сам того не замечая, начал доказывать теорему и даже ввязался в спор, когда учитель то ли случайно, то ли с умыслом попытался увести его на ложный путь доказательства.

— Так, так, голубчик мой, задачи вы решили правильно, так что на четверку твердо знаете.— Владимир Федорович завернул колпачок авторучки и сунул ее в нагрудный карман гимнастерки.— А волосы теперь придется, пожалуй, того,— он задвигал пальцами, как ножницами.— Ничего. Это в вашем возрасте не страшно, отрастут. А характер останется...

Сергей улыбнулся, вспомнив все это. И тут же одернул себя: какой резон ворошить прошлое?

А резон был.

Характер... Сергей не раз, не два слышал подобное. Вот и вчера, в тресте...

Ои виовь подумал о приказе, лежащем у иего в кармаие. Четвертушка тонкой бумаги, подписаииая Сниеглазовым. Скорый суд!

Почему все так обернулось?

Характер... Увереи в своей правоте — вот н характер!

Ои и дальше будет стоять иа своем, потому и едет, хотя и уволеи, обратио в партию, к другу Аидрею Лобову... Едет вопреки приказу Сииеглазова.

К вечеру пурга разыгралась с новой силой. Осатанелый ветер рвал в клочья сугробы, поднимал в воздух серые лавины сиега.

Сергей уже давио заметил, что Максимыч потерял дорогу. Судя по времеии, они должиы быть где-то в пятнадцати-двадцати километрах от лагеря. Всматриваясь до боли в глазах в мутиую круговерть, ои пытался отыскать зиакомые приметы, ведь где-где, а тут им исхожены каждый бугорок, каждая впадиия. Но вокруг, как это ии страиио, лежала совершеиио иезиакомая, чужая степь.

Неожидаиио вездеход круто развериулся и осел на одии бок.

— Кажется, приехали,—безразличио проговорил Максимыч, открывая дверцу.— Точио, приехали.

— Чего там еще?— завозился Коварма.

— Разулся...

— У тебя вечио все не слава богу. Чего теперь-то?

— Загорать, и только.

— Время для загара самое подходящее. К утру как раз и в ящик сыграешь. Что сидишь-то, вылезай — натягивай гусеиицу.

— Иди-ка ты...— ругнулся Максимыч, выбираясь из кабииы.— Как ты ее здесь натяиешь?..

Необъятным котлом кипела, густо парилась степь. Пурга валила с ног, хлестала наотмашь по лицам, слепила. Увязая по колеио в сугробы, поминутио теряя друг друга, Сергей, Максимыч и Коварма бродили вдоль вытянувшейся ковровой дорожкой гусеницы. Одии конец ее оказался намертво прижатым развернувшимся и осевшим иа бок вездеходом — без мощных домкратов нечего было и думать о том, чтобы поставить ее иа место. Все поиимали, что любая их попытка — иичто. И молчали. Сказать правду — зиачит, убить надежду...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ольге снится ночь — голубая, таинственная... Узкая тропинка ведет ее к дуплистому разлапистому осокорю. Она прячется в его тени, осторожно раздвигает ветки и замирает.

Он опять здесь. Но где, где она могла его видеть? Она ходит за ним следом, неслышно крадется по мокрой вязкой траве и все пытается рассмотреть его лицо. А видит только широкую спину, плотно обтянутую клетчатой рубашкой, да взъерошенные ветром волосы.

...Ослепительно вспыхнув, катится, падает звезда. Парень тянет ей навстречу загорелые руки. Кажется, что он вот-вот оторвется от земли...

Боже мой! Да ведь это Сережа Овражный!

— Сережа!— кричит она, не помня себя от радости... и просыпается.

Ольга долго-долго лежит, боясь открыть глаза и пошевелиться, слушает прерывистые удары сердца. Каждая клеточка, каждый нерв дышат счастьем.

«Сережа»,— шепчут губы.

— ...Нынешняя перестройка в управлении социалистической экономикой — исключительно своевременна, исторически необходима. Она ликвидирует всякий параллелизм, всяческое дублирование в руководстве всех отраслей народного хозяйства. Советы народного хозяйства, или так называемые совнархозы,— в промышленности, производственные управления — в сельском хозяйстве — это наиболее жизненные, наиболее перспективные формы управления экономикой. Они непосредственно соприкасаются с производством, развязывают руки хозяйственникам, способствуют повышению их инициативы, деловитости и ответственности в решении стоящих задач.— Кудделькин оторвался от конспекта лекции, снял очки, отчего его маленькое дряблое лицо стало еще беспомощнее, достал из карманчика жилетки платок и начал протирать их.

— Простите, Алексей Нилович, а кто же раньше связывал руки хозяйственникам?— раздался за Ольгиной спиной басовитый голос Овражного.

Аудитория встрепенулась.

— Что-что?— спросил в недоумении Кудделькин, шаря близорукими глазами по огромной аудитории.

— Я спрашиваю, кто раньше связывал руки нашим хозяйственникам?— Овражный поднялся с места, привычным движением руки откинул со лба тяжёлые кольца волос.— В вашей лекции ничего об этом не сказано...

— Вы, молодой человек, говорите, да не заговаривайтесь,— грубовато оборвал Овражного Кудelькин.— Я не позволю искажать мои мысли.

— А я и не искажаю. Тут и искажать нечего...

— Эк вас заносит,— пробормотал Кудelькин.— Как ваша фамилия, молодой человек?

— Овражный.

Кудelькин достал из кармана записную книжку в коричневом переплете, раскрыл ее и аккуратно записал туда фамилию Сергея.

— Не надо меня пугать,— Овражный слегка побледнел, глубокая поперечная складка рассекла его лоб.— Я хочу одного — получать исчерпывающие ответы на возникающие вопросы. А вы их не даете...

— Значит, мои лекции вас не устраивают?

— Да. Не устраивают.

— В таком случае, я не стану возражать, если вы не будете посещать их. Потому как спорить с вами и доказывать вам у меня нет ни времени, ни желания. Думаю, что так на будущее и договоримся. Согласны?

— Согласен. Разрешите уйти?

— Не смею вас задерживать,— съехидничал Кудelькин.

Едва успел выйти из аудитории Овражный, как по этажам покатился вприпрыжку звонок. Двери аудиторий распахнулись, и коридор, точно весенний луг, запестрел цветами. Ольга взяла под руку свою подружку, капризную Ленку, и потянула ее в конец коридора. Сергей стоял возле курилки. Вокруг теснились ребята.

— Чего ради ты меня сюда тащишь?

— Добежим до буфета.

— Почему обязательно нужно бежать мимо этих куряк?— возмутилась Ленка.

А Ольге хотелось послушать, о чем говорят с Сергеем мальчишки. Овражный пришел в их группу недавно — перевелся из другого политехнического института, и хотя многие девчонки восхищались им, особого впечатления он на Ольгу не произвел. Рослый, широкоплечий, немного сутуловатый, ходит по-медвежьи, вразвалочку. Лицо продолговатое, веснушчатое. Нос рубленый, горбатый, глаза темные с рыжими точками — упрямые.

Словом, парень, как парень. Ничего особенного. Но вот сегодня, во время этого спора с Куделькиным... Нет, она не разделяла его убеждений насчет перестройки управления и в свои двадцать лет не успела вообще задуматься над этой проблемой. Перестраивают, значит, так надо... Ее поразили, если не напугали, штыковая прямота и удивительное хладнокровие Овражного. И сам по себе появился необъяснимый интерес к нему. Хотя, во время спора, она осуждала Сергея за резкость: зачем так расстраивать старичка? Он же хороший. Ольга была в том возрасте, когда все люди кажутся милыми, когда истинное открытие человеческих отношений и страстей только-только начинается.

— Зря ты впутался в этот спор, Серега,— донесся до нее ломкий басок Славки Боброва.— Куделькин тебе этого не простит.

— Вредный старикан,— поддержал его пятикурсник.— Известный флюгер — своего за душой на копейку, зато самомнения мешок. А что ни спроси — в ответ цитата. В книжечку-то записал?

— Записал,— обронил Сергей.

— Поздравляю... Можешь, старик, в будущем семестре на стипендию не рассчитывать. По себе знаю — зарежет.

— Перебьемся,— ответил Овражный, стряхивая пепел в урну.

Лена дернула Ольгу за руку.

— Ну идем же!— и, бесцеремонно расталкивая курильщиков, потащила за собой Ольгу.

Кругленькая, пухленькая Зинка Чернова кипела от негодования.

— Уму непостижимо,— захлебывалась она.— И это еще называется парень,— последнее слово она растянула, пытаясь вложить в него все свое презрение.— Я, как дура, полдня толкалась в очереди. У кассы какие-то типы чуть не задавили. Приношу билеты, и на тебе. Товарищ Овражный не желает идти в театр. У него, видите ли, нет денег. Трех рублей! Смешно!

— Ничего смешного,— попыталась урезонить ее Ольга.— Три рубля — тоже деньги.— И тут же с досадой подумала: не мог, что ли, другой причины придумать?

— Подумаешь, деньги! Послезавтра стипешка.— Зинка закатила глаза и, хлопнув себя по бедрам, зашеп-

тала:— А знаете, девчонки, эврика! Подойду я сейчас к нему и предложу: я, мол, уплачу за твой билет, а ты меня за это проводишь домой из театра. Пусть за трешку прогуляется по всему городу.

— Глупая ты, Зинка, ей-богу,— снова одернула ее Ольга.

— А ты умная?!—взбеленилась та.— Умная? Да? Так вот тебе билет Овражного и продавай. Все, значит, как люди, в театр пойдут, а я буду бегать у подъезда: «Кому билетик?» Дудки...

За спором не заметили, как подошел Сергей. Ольга почувствовала его присутствие первой. Она круто повернулась, натолкнувшись на его спокойный взгляд, смутилась. Зинка присмирела и, едва ли отдавая себе отчет в том, что делает, достала из модной сумочки билет. Сергей молча взял его и тяжело, по-мужичьи пошел на свое место. И долго потом Ольга чувствовала на себе его пронзающий взгляд.

Снежинки суетились вокруг уличного фонаря. Одна — огромная, мохнатая и, наверно, очень нахальная — с разгона стукнулась о яркую лампу и, быстро опалившись, стремительно полетела вниз.

Часы под фонарем показывали без четверти восемь. Широко распахнутые двери театра, казалось, заглатывали людской поток. Ольге стало зябко, она засунула поглубже руки в карманы своей меховой шубки. Вечно эта Ленка опаздывает...

— Разбей меня гром, растерзайте меня мыши, ничего прелестнее до сих пор я еще не видел,— долговязый подвыпивший парень с красным шарфом навыпуск остановился напротив нее и стал нагло выпученными рачьими глазами «раздевать» ее. За спиной у него толпились еще человек пять, таких же захмелевших и неопрятных.— Нет, вы только посмотрите, халдеи, какие глазки, какой ротик. Ах, а какие губки,— он зацокал языком.— За сто последних лет у меня появилось желание поцеловать. Вы, конечно, мадам, не против?

— Гы-гы-гы,— заржали его дружки.

— Конечно. Какая девушка не жаждет поцелуя,— он царственно положил ей на плечи руки и потянул к себе.— Вот так, умница...

Ольга хотела закричать, но крик комом застрял в горле, хотела оттолкнуть наглеца и не могла вытащить

из карманов рук, будто они окаменели. Она с ужасом видела, как мокрогубое, разящее перегаром лицо склоняется к ней все ближе и ближе: вот-вот коснется щеки...

— Осторожно, кореш, обожжешься,— Овражный выпустил концы его шарфа и брезгливо глянул на свою руку.

— Што сие значит?— скорчил изумленную мину долговязый.

— А то, что надо извиниться перед девушкой,— спокойно проговорил Сергей.

— Вы шютите, младой челвек,— оскорбился тот.

— А ну-ка извинись! Ну-у?!

— Пардон, мадам, бонжур, мусье,— испуганно залопотал долговязый и попятился.

— Ладно. Топай отсюда, мусье, пока по шее не схлопотал.

— Пардон, пардон,— долговязый трусливо поднял руки и, с опаской поглядывая на тяжелые кулаки Сергея, поспешно ретировался за угол вместе со своей компанией.

Ольга теперь только пришла в себя. Запоздалые слезы брызнули из ее глаз, она судорожно ухватилась обеими руками за локоть Сергея.

— Не надо... Не связывайся с ними... Я прошу...

Из толпы вынырнула Лена.

— Заждалась? Мое хобби — опаздывать,— пояснила она с капризной ноткой в голосе.— Что это с тобой, Ольга? Ты плакала? С какой стати? Почему вы молчите?

— У меня к вам, девчонки, просьба,— прервал ее Сергей,— передайте, пожалуйста, Зине деньги за билет,— он вложил в руку Ольги три рубля.— Всего наилучшего.

Сергей не оглядываясь пересек площадь, подошел к крытому грузовику. Несколько пар крепких рук потянулись ему навстречу. Мгновенье — и он скрылся под брезентом.

— А ты знаешь, он мне нравится,— провожая его глазами, задумчиво проговорила Лена.— За таким как за каменной горой.

Ольге стало почему-то неприятно от этих слов.

Спектакль ей казался надуманным, неинтересным. То, что восхищало Лену, ее, наоборот, злило. С последнего действия, сославшись на головную боль, она ушла.

Дома, в своей комнате, долго стояла перед зеркалом, разглядывала себя, будто впервые видела. Конечно, куда ей до Ленки. Нос задран. Да и волосы — точно старуха прилизала. Разве это прическа? «Ну, а глаза?» — спрашивал кто-то внутри нее. «Что глаза?— ответила Ольга.— Опять же голубые, а мне бы синие...» Окидывая взглядом свою тонкую хрупкую фигуру, сравнивая ее с Ленкиной, она снова и снова делала для себя горькие выводы...

Ревность пробуждается раньше любви.

Третий день Овражный не появлялся в институте. Ольга ходила потерянной — а вдруг с ним беда? Может быть, тот долговязый со своими «халдеями» подкараулил?

Уже в который раз она собиралась подойти к Феде Новикову. Он староста и, конечно же, знает, куда запропастился Сергей. Но в последнюю минуту ей отказывало мужество. Федя хороший парень, не трепач, но он обязательно спросит, зачем ей вдруг понадобился Овражный?

Место Сергея было постоянно занято. Это уж точно забота Феди, видно, побаивается, как бы не засекли отсутствие Овражного. Вот и сегодня на вопрос куратора группы Ивана Степановича Качинского, где запропал Овражный, Федя, запинаясь, ответил, что Сергей — член бытовой комиссии и только что ушел на проверку в общежитие.

Ольга вздрагивала, когда доносились шаги по коридору. Но шаги удалялись, унося с собой надежду. На одной из перемен она наконец решилась и, отозвав в сторонку Новикова, тихо спросила:

— Где Овражный?

Федя растерялся, захлопал под очками длинными ресницами и приложил к губам палец:

— Тсс.

— Где он? Может, человек в больнице лежит, а мы все молчим,— ухватилась Ольга за первую пришедшую ей в голову мысль.

— В какой еще больнице? Чего ты придумываешь,— отмахнулся от нее Новиков.

— Я тебя спрашиваю, где он?

— Чего привязалась? Тебе не все равно, что ли?

— Нет, не все равно,— настаивала Ольга.

— Да-а...— Феде, видно, не хотелось врать, да и не умел он этого делать.— Тут, понимаешь, какая петрушка,— он почесал кончик острого носа.— Впутался Сергей в одну историю. Он же библиофил прожженный, последнюю копейку за книжку отдаст. Вот и поймала его на крючок одна бабка. Да не просто бабка, а бабка, видать, с мозгой...

— Ты покороче можешь?— взмолилась Ольга.

— Короче так,— продолжал Федя,— раскопал наш Сергей у какой-то старушенции энциклопедический словарь Брокгауза-Эфрона. А та не будь дурой запросила за каждый том по полтора червонца. А их там семьдесят или восемьдесят томов. Представляешь, какая сумма?— Новиков округлил глаза.— Сначала так договорились, что он с ней будет рассчитываться в течение года, а потом бабка, видно, решила сделать бизнес. Гони, говорит, деньги, не то другим продам — охотников, мол, много. Сергей и выложил ей сразу степешку, да разве этого хватит! Вот он и подался на погрузочный двор...

— И все?

— А что тебе еще? Грузит... Только ты смотри,— предупредил Федя,— ни гу-гу. А то, знаешь, прослышат в деканате, со стипендии с ходу слетит. И придется ему тогда делать стойку на ушах, чтоб желудку сытнее было.

...Сергей пришел на последнюю пару. Вид у него был измученный, отрешенный. Шершавая обветренная кожа плотно обтянула скулы; губы запеклись, полопались, под глазами — темно-фиолетовые круги. Он устало положил на стол большие, покрытые свежими ссадинами руки и прикрыл глаза, будто задремал. Ольга несколько раз поворачивалась к нему, двигала стулом, но Овражный не замечал ее.

Оторвав уголок листа от тетради, она крупно написала: «Ты очень устал?»— и положила ему на край стола. Через некоторое время Сергей вернул ей записку. «Очень. Спать хочу».

Ольга представила себе, как он спит. Спит, широко разметав руки. Шевелит во сне губами, а может быть, и чмокает от удовольствия.

Она улыбнулась.

Ребята оказались правы. Кудейкин не простил Сергею вольнодумства. Больше часа продолжался поединок. Овражный без запиночки ответил на билет, Алексей

Нилович предложил ему новый. Сергей не готовясь ответил и на этот. Тогда посыпались вопросы каверзные, с подвохом. Всем было ясно, что Куделькин пытается запутать Сергея, сбить с толку. Не дослушав до конца, он просил повторить сначала, переспрашивал. Овражный спокойно повторял, цитировал на память источники, сыпал цифрами, цитатами. Чувствовалось, что материал он знает отлично.

— Похвально, похвально,— начал было сдаваться Куделькин.— Хотя кое в чем не совсем твердо. Покажите-ка мне конспекты, пожалуйста.

— Я же не ходил на ваши лекции...

— Ах, да... Запамятовал... В таком случае еще один вопрос, будем считать последний.

— Последний?— переспросил Сергей и усмехнулся.— А вы знаете, Алексей Нилович, мне надоело. Я вам больше отвечать не буду.

— Как это надоело? Как это не...— возмутился Куделькин.— Вы куда пришли?

— На экзамен. Но отвечать вам не желаю...

— Не желаете?

— Нет.

— Давайте зачетку. Поставлю вам за нежелание тройку.

Сергей подал зачетку и, казалось, совершенно равнодушно наблюдал за тем, как Куделькин старательно выводит: «посредственно». Но вот Ольга заметила, что он напружинился, точно подготовился к удару.

— Сергей!— крикнула она.

Он вздрогнул, разжал кулаки и, обернувшись к ней, поблагодарил ее глазами.

— Прошу,— Куделькин протянул ему зачетку.— О вашей выходке я доложу кому следует.

— Я, пожалуй, тоже доложу,— Овражный сунул в карман зачетку.— Пойду сейчас к ректору, расскажу ему все и потребую, чтобы создали комиссию. Пусть она примет у меня этот экзамен. Вот тогда и посмотрим, во что она оценит мои знания... А впрочем, нет. Жаловаться я не стану. Оставлю это право за вами. Всего хорошего,— Сергей аккуратно прикрыл за собой дверь.

— Какой наглец! Какой...— бормотал ошарашенный Куделькин.— Я этого дела так не оставлю... Кто следующий? Новиков, идите.

Федя положил зачетку на стол, покраснел и залился потом.

— Вы мне, Алексей Нилович,— проговорил он запинаясь,— поставьте неуд.

— Это еще что?— поднял на него глаза Куделькин.

— Я, знаете, и половины того не читал, о чем тут рассказывал Овражный.

— Мне тоже,— зачетка Славки Боброва легла рядом.

— И нам,— Ольга, Зина и Лена подали свои зачетки.

— Бунтовать изволите?— Куделькин, подхватив под мышку затасканный портфель, рысцой помчался к декану.

Минут через пять в аудиторию мячом влетел кругленький Качинский.

— Как же это вам не стыдно?— запричитал с порога Иван Степанович.— Я везде и всюду нахваливаю вас, а вы тут бунт учинили.

Вслед за ним вошел декан Баев. Статный, красивый, с любовно уложенными волосами.

— Так, так,— декан забарабанил пальцем по столу.— Оскорбили всеми уважаемого человека и сидят, как ни в чем не бывало.— Где Овражный? Сбежал?

— Овражный здесь ни при чем,— поднялся Славка Бобров.— Он к тому же не из тех, которые сбегают.— Славка взял со стола карандаш и завертел его в руках.— Во всем виноват Куделькин. На наших глазах засыпал Овражного. А поскольку он считает, что Овражный больше, чем на тройку, не знает, пусть тогда всем нам ставит двойки.

— Кто тебя уполномочил говорить за всех?— подал голос Качинский.

— Мои товарищи,— спокойно отпарировал Славка.

— Это мы сейчас посмотрим,— декан прошелся по аудитории.— Тех, кто желает сдавать экзамены, Алексей Нилович ждет в шестьдесят шестой.

В аудитории стало тихо. Так тихо, что слышно было, как тонко потрескивает от мороза сосулька за окном. Степан Петрович ждал, но никто не поднимался с места.

— Степан Петрович, разрешите?

— А-а-а! Староста? Давайте.

— Эк-за-ме-ны Куделькину,— пуще прежнего запинаясь, проговорил Новиков,— мы сдав-вать не будем.

— Как это не будете?

— А так,— уточнил Федя.— От имени группы я прошу назначить нам другого экзаменатора, а Овражному

разрешить пересдать, потому что без стипендии он учиться не сможет.

— А вы сможете?— поинтересовался декан.

— Хватит, ребятки, подурили, и все,— попытался восстановить мир Качинский.— Экзамены будете сдавать Алексею Ниловичу.

— Не будем!— ответила группа хором.

— Не будете?— выждал Степан Петрович.— Тогда все останетесь без стипендии.

— Что вы нас пугаете?— неожиданно поднялась Лена.— Стипендию нам платит государство, а не вы. И никому не дано право лишать студента стипендии только за то, что он имеет на какой-то счет собственные убеждения. Кудельким поступил нечестно. Он отомстил Овражному за то, что тот имел смелость задать ему вопросы, на которые он не смог ответить. И мы это отлично знаем.

— Да что тут разговаривать,— подскочила Зинка,— идемте, ребята, к ректору, пусть он во всем этом разберется. А не поможет, напишем жалобу в министерство, в «Комсомолку».

— Даешь ректора!— крикнул кто-то с заднего ряда, и все, словно по команде, поднялись.

Такой оборот дела явно не устраивал ни куратора группы, ни тем более декана факультета. Они переглянулись и, видно, поняли друг друга.

— Минуточку, товарищи,— поднял руку Баев.— Я, собственно, не исключаю мысли, что Алексей Нилович мог ошибиться в оценке знаний Овражного. Мне, например, многие преподаватели говорили, что это очень серьезный, думающий парень, и вполне возможно, что здесь произошло досадное недоразумение.

— Чего там недоразумение,— проворчал Бобров,— засыпал, и точка.

— Ну, знаете ли, с этим я не могу согласиться,— Степан Петрович провел рукой по своей безукоризненной прическе, будто хотел убедиться, на месте ли она, и нетерпящим возражений тоном продолжал:— Все, конечно, случилось без злого умысла. Овражный нагрубил, отказался отвечать на вопрос, вот Алексей Нилович... Я понимаю вашу солидарность, но в данном случае она неуместна, так как вы неправы.

— Ах! Неправы,— снова взвинтилась Зинка.— Давайте, ребята, докажем, что правда на нашей стороне.

— Правильно. Докажем,— зашумела аудитория.

— Товарищи! Товарищи!— поднял теперь уже обе руки Баев.— Да успокойтесь, да сядьте, ну вы же не дети. Хорошо, допустим, что вы правы. Мы, я обещаю вам, обсудим этот случай на самом высшем уровне. И если установим, что Алексей Нилович намеренно занизил оценку Овражному, строго накажем его. А теперь, я прошу вас, идите на экзамен, время-то уходит.

— К Куделькину не пойдем!— ответила аудитория.

...На следующий день экзамен по политэкономии принимала комиссия во главе с профессором Козловым. Перед самым началом он вышел в коридор, постучал своей черной суковатой палкой и, сделав страшные глаза, пригрозил:

— Берегитесь, бунтовщики, я из вас сегодня душу вытрясу. А Овражному вашему особо достанется...

И тут только выяснилось, что никто из ребят даже приблизительно не знает, где живет Сергей. Обегали полгорода, но так его и не нашли.

Мать Ольги бродила по комнатам, прикладывая руки к батареям, а потом объявила:

— Не иначе как у нас новый кочегар. От каждой батареи прямо огнем пышет.

— Посмотрим, что к утру будет,— резюмировал отец, прячась за газетой в своем кресле-качалке.— Как бы не пришлось идти снова будить.

Дому не везло на кочегаров — пьяницы или лодыри. С наступлением зимы начинался сущий ад. По вечерам отец ставил у своей койки тупоносые подшитые валенки и, когда становилось невмоготу, одевался и шел в кочегарку, в подвал соседнего дома. Возвращался оттуда злой.

— Что там опять?— спрашивала мать.

— Обычное дело... Напился, ползает у котла на карачках, где уж ему кочегарить.

Утром отец звонил в домоуправление, доказывал, что при таком отоплении раньше срока выходят из строя дома, а они денег стоят, что он, как врач, не может мириться с тем, что люди мерзнут и простывают, грозил позвонить председателю горисполкома, секретарю горкома партии. Ему обещали разобраться, навести порядок, заменить пьяницу Семена. На место Семена приходил Иван, и все начиналось сначала...

Ночью Ольга долго не могла уснуть. В соседней ком-

нате ворочался отец и время от временн перекидывался фразами с матерью.

— От душн жарит... Пойтн, что ли, посмотреть, кто там.

— Спи уж... За пять лет не находился. Вот завтра заявится другой, не то что пойдешь — побежишь.

Утром, по дороге в магазин, Ольга обратила вниманне на то, что окна кочегаркн, вечно закопченные и занавешенные разным тряпьем, чисто вымыты и открыты. На обратном путн она решила поглядеть на нового кочегара.

«Это женщина,— подумала она,— мужчину не заставишь дрант стекла».

Поравнявшись с котельной, Ольга глянула в окно и чуть не вскрикнула: у распахнутой топкн, обнаженный по пояс, стоял Сергей. Рыжие отблескн пламенн бродили по его крепкой груди и бугристым плечам, а когда он нагибался, ловко подхватывая лопатой уголь, то казалось, что пламя охватывает его голову.

Ольга торопливо обошла дом и нырнула в узкнй проем лестннцы, ведущей в кочегарку. Нащупав в темноте дверную ручку, она постучала. Никто не ответил. Ольга потянула на себя тяжелую дверь. В нос ударил едкий запах серы, лицо обдало жаром.

— Вот это встреча!— Сергей растерялся.— Ты как сюда попала, Оля?

— В гости пришла,— улыбнулась она.

— Шутишь?

— Отчего же?— храбрея от его растерянности, весело продолжала Ольга.— Шла мнмо, заглянула ради любопытства, кто нас так усердно всю ночь обогревал.

— Молодчина! Я тут с непривычки одичал совсем. Всю ночь с кошкой болтал, вндно, так ей надоел, что она под утро в окно сиганула. Проходн вот сюда, к окну.

Он умылся, растерся докрасна полотенцем, сел напротив Ольги н, будто продолжая давно начатый разговор, сказал:

— Ты уж нзвинн, Оля, что я тебя даже не поблагодарил за то... на экзамене. Не окликни ты меня, ох и натворил бы я дел. Понимаешь, не тройка обндела, пустое это. У тебя такого не бывает?

— Нет.

— Странно. А мне почему-то казалось, что у всех людей в какне-то моменты возникают вот такне малообъяснимые желания.

— Может быть,— ответила Ольга, думая о том, что еще несколько минут назад она и не предполагала оказаться в этой прокопченной, зноййной кочегарке, а вот оказалась.

— У меня, знаешь, порой как бывает?— продолжал Сергей.— В детстве, помню, одно желание не давало покоя: хочу подоить корову, и баста. Как-то ночью взял подойник и отправился потихоньку в сарай. Да в темноте вместо коровы под телку подсел. Как она меня по зубам двинула, так сразу это самое желание и пропало,— усмехнулся он.

— А мы тебя после экзаменов группой искали,— она рассказала ему о том, что произошло, когда он вышел из аудитории.— От кого-кого, но от Феди Новикова я не ожидала такой резвости. Поставьте мне, говорит, двойку, потому что я не читал и половины того, о чем здесь рассказывал Овражный. Кудельկин аж посерел от злости, когда мы сложили ему на стол зачетки,— развеселилась она.— Ну, а Зинка, ты даже представить себе не можешь, как она напустилась на декана! «Мы,— кричит,— самому министру напишем!..» Как ты теперь без стипендии будешь?

— Ничего! Много ли мне одному нужно?

— Как одному?— не поняла Ольга.— У тебя что, родных нет?

— Были... Отец и два брата с войны не вернулись. Сестра умерла. Три года назад маму схоронил...

— И никого-никого больше?— округлила глаза Ольга.

— Есть где-то дядьки, тетки. Только я их никогда не видел, и они меня тоже.

— А где же ты живешь?

— Тут у одной старушки, комнату в подклети по соседству с курами снимаю. Петух у нее,— он попытался улыбнуться,— поднимается ни свет ни заря и кричит, будто его режут...

— Как ты теперь жить будешь, Сергей?

— Обыкновенно. Может, даже и лучше,— спокойно ответил он.— Сутки отработал — двое свободен. Времени тут хватает, закидал топку и сиди читай. С четвертым курсом я, можно сказать, покончил. Осталась политэкономия. Буду нажимать на пятый, если разрешат — весной все сдам и поеду на преддипломную практику.

— Странный ты человек,— вздохнула Ольга.— Дру-

гой на твоем месте добился бы стипендии. Все знают, что Кудelькин просто-напросто засыпал тебя.

В топке гудело пламя. Котел сердито клокотал, шипел и вздрагивал. За раскрытым окном кочегарки шли валенки, ботинки, туфли, сапоги.

— Ой, Сережка!— спохватилась Ольга и зарделась от смущения. Впервые назвала его так — Сережка.— Засиделась я у тебя. Меня же к чаю ждут, ворчат: ее только за смертью посылать. Побегу я, ладно?

Сергей потускнел. Во всем облике его резко обозначилась усталость, видно, бессонная ночь давала о себе знать. Он молча проводил ее до двери.

— Я к тебе буду заглядывать,— пообещала Ольга и застучала каблучками по ступенькам.

Несмотря на горячие настояния ребят, Сергей переэкзаменовки не требовал и стипендии не добивался. С помощью профессора Иванова, который был в его глазах альфой и омегой, Сергей добился другого — разрешения на досрочную сдачу зачетов и экзаменов за пятый курс. И теперь сутками просиживал за книгами. А в институте тем временем ходили о нем самые нелепые слухи. Одни утверждали, что Сергей был исключен из московского института, подделал документы и перевелся сюда. Другие вполне серьезно утверждали, что он связан с темными людьми и потому не нуждается в стипендии.

Может, потому и пригласили его в партком?

Ольга не знает... Она стояла в нерешительности у двери парткома и думала:

«Вот соберусь с мыслями, войду и скажу, что все это неправда, чистейшие наговоры, сплетни. И докажу! Обязательно докажу»...

Неожиданно в обитых дерматином дверях появился Сергей. Он на секунду зажмурился от яркого бьющего в окно солнца, а потом, заметив Ольгу, широко улыбнулся.

— Что там? Рассказывай!

— Ничего особенного. Поговорили.

— О чем?

— Да так, обо всем. Вначале об учебе. Потом Виктор Тихонович, секретарь парткома, начал расспрашивать: кто я и что? Как бы между прочим завел разговор о нынешней перестройке в управлении. Я сразу догадался, откуда ветер дует. Не иначе, как Кудelькин нажало-

вался. И прямо сказал ему, что мне, как будущему специалисту, совершенно не безразлично то, что происходит; что я хочу понять целесообразность и разумность всех последних перестроек и не моя вина, что кое-кто не может или не хочет вразумительно отвечать на возникающие вопросы. Он, конечно, поинтересовался, какие вопросы? И не в пример нашему Кудселькину, многое растолковал мне. Видать, подкован здорово. А под конец спросил:

— Скажи,— говорит,— Сергей, есть у тебя сокровенная мечта в жизни?

— А у кого ее нет,— отвечаю.

— Если не секрет, какая?

— Я, как всякий геолог, мечтаю найти свою Мать-жилу.

— Мать-жилу?— переспросил и усмехнулся.— Ты,— говорит,— извини, я дилетант в геологии, объясни, пожалуйста, что это такое?

Тут уж я постарался. Рассказал ему про золотую лихорадку в Калифорнии, про то, как в конце прошлого века старатели обнаружили там золотоносную кварцевую жилу, которая протянулась с некоторыми перерывами на двести девять километров и имела мощность от 0,3 до 10 метров. Это самая длинная из известных золотых жил в мире, и потому ее назвали Матерью-жилой. Слушал с интересом. А потом поднялся и протянул мне руку: «Что ж, ищи свою Мать-жилу, будем надеяться, что найдешь ее обязательно». На этом и распрощались...

...Теперь она и представить себе не могла, как это можно хоть день не видеть Сергея, не чувствовать его рядом, не слышать его голоса. На правах хозяйки она зачастую командовала в его полутемном подвальчике, бегала с авоськой в магазин, стряпала на закопченной керосинке нехитрые блюда. Дома бывала все реже и реже, ссылаясь на то, что готовится с подружками к экзаменам. А у подружек не могла высидеть и часа, мчалась к Сергею и, если его не было дома, забиралась с ногами на скрипучий диван и читала книги.

Библиотека у Сергея — все стены от пола до потолка забиты книгами. Книги — это все, что у него было.

Со временем Ольга перезнакомилась с друзьями и товарищами Сергея. А их у него, как и книг, было немало. Чаще всего собирались у Сергея грузчики — балагу-

ристый Володька Паи, пожилой, с грустиыми глазамп Семеиович и иевозмутимый, как каменный идол, Мирон. Оии прнходили прямо с работы — замурзанные, запылеииые, пропахшне потом и табаком. Долго плескалнсь под водопроводной колонкой, обливали друг друга с головы до пят, хохотали, беззлобно бранилнсь. Сначала Ольга откровенио побанвалась этой бесшабашной грубоватой компаиии. Потом как-то незаметно свыклась с ней и даже полюбила эти веселые вечера.

А еще приезжал дед Лизвой. Сухонький, согнутый годами чуть ли ие вдвое потешный старнкашка, он всегда появлялся со своим кованым суидучком, в котором тарахтели миска, ложка, кружка. Пахло от деда лесом, травой, рекой, рыбой.

— Мир дому сему!— восклицал он обычио, протискиваясь в узкую дверь.— Как живете-можете?

— Спасибо, дедушка,— вскакивала с дивана Ольга и обнимала деда.— Хорошо живем...

— Одна сидишь-то? Сереги опять иет?

— Он скоро будет. Присаживайтесь, дедушка. Я сейчас чайку поставлю.

— Спаси Христос, Олеиька. Натрясся я ныиче, аж костн ломит. Вы тут свадьбы ишо ие сыграли?

— Да что вы, дедушка!— вспыхивала Ольга.

— Это я так, к слову. Нам, старнкам, делать нечего, вот и катаем в голове всякое-разное. Серега-т здоров?

— Здоров.

— Ну и слава богу. А со свадьбой успеете. Да н мой вам совет: не гоинте вы с ней. Оно, конешно, хорошо мужнка под боком нметь. Но и хлопотно.— Дед жевал бесцветнымн губами. Чахлеиькая бороденка его, похожая на затрепанный веннк, беспрестанно двигалась.— Мы вот со своей Духарой слова грубого не успели сказать друг дружке до свадьбы. Пошли ребятенки — однн, другой, третий, а с ними нехватки да недостатки. Ну, а раз такое дело, жеиа корнт мужа, муж жену, и все наперекосяк идет,— дед махал рукой, морщился.— Я вот ворочаюсь по ночам, сон-то свой давно уж проспал н все кумекаю: как же это несурьезно получается? Пока молод человек, нет у него частым бываиием ни гроша за пазухой. Копейку к копейке склнкает. Только обхозяйничался малость, повернулся, а жнсть уж прошла,— горестно вздыхал дед.— Ну, скажи ты мне, на кой шут нам теперь с Духарой те одеянья и разные всякие тряпкн, иа которые мы столько лет зарились? Ни иа какой

совсем. Все у нас есть. Ныиче я специальио заехал,— заявлял он всякий раз,— уговаривать Серегу и тебя заодно, Оленька: приезжайте-ка к иам на лето. Интересного у нас, конешно, мало, ио отдохнуть — во как можно. А Сереге-то стыдио должио быть, столько лет на отцову тропу ноги не кажет...

— А вы знали его отца, дедушка?

— Мы друзьями были. Характер, главное, имел железный. Пообещал — умрет, а сделает. Человека за зря ие обидит, но и своей обиды — ие простит. А горячий был, не приведи бог. Мать вот, та была ираву тихого. Ровная, спокойная, как свеча у божиицы в пасхальный день.

— А на кого Сергей больше похож?

— Серега-т? Сам, поди, на себя. По характеру на отца смахивает. В жизни таким завсегда трудно...

Дед приезжал с гостинцами. Слушая его ручьистый говорок, Ольга с нетерпеиием ждала, когда он наконец подтянет к себе сундучок и даст команду: «Попьем, Оленька, чайку! Запропал где-то Серега». Пока она накрывает на стол, дед достает лакомства. Чего здесь только иет!

— Соменка третедни поймал,— говорил он разворачивая домотканую холстину.— Бабка, значит, его целиком зажарила. А ну-ка пробуй, что у нее получилось.

— Вкусиятина, дедушка!

— А это грибки. Вчерась иасобирал. Пропасть их нынче в лесу. На сметанке их бабка поджарила. Тоже должны быть скусны. А тут,— он выставлял литровую стеклянную банку,— медок — осинник потревожил. Так осы, язви их, чуть было не загрызли. А эту,— дед хитро щурил глаза и доставал из уголка завернутую в вылинявшую газетку бутылку самодельиой сливянки,— из бабкиных запасов прихватил.

Сергей всякий раз радовался приезду старика.

— Здорово, дед!— кричал ои с порога и подхватывал старика на руки.

— Экий ты, Серега, ведмедь. Да отпусти, христа ради, дух зашелся...

— Бабка Дуся здорова?— спрашивал Сергей.

— Спаси Христос, здорова. Кланяться приказала.

— Так кланяйся,— дурачась требовал Сергей.— Чего же ты приказаиий не выполняешь?

— Молод ишо, чтоб я перед тобой кланялся,— в тон ему отвечал дед Лизвой.— Бабка на тебя сердита.

— Это за что же?

— За то самое, что носа не кажешь.

— Приеду, дед, приеду. Готовься, вот как-нибудь с Олей нагрянем.

— Так я тебе и поверил,— сердился дед Лизвой.

Тем временем Ольга наливала старику крепкого душистого чая, но он отодвигал от себя кружку и продолжал поругивать и город, и горожан.

Старик выпивал рюмку, кривился, охал, быстро хмелел и менял тему разговора:

— Ты, Серега,— он стучал потресканным пальцем по краю стола,— не тронь загодя девку.

— Будет тебе, дед.

— А ты меня не учи,— петушился старик.— Молод ишо. Говорю те, до свадьбы и не помышляй даже. Жизнь, она, что окрошка, не сразу и не враз все разберешь. Коль сужена она тебе, так конем не объедешь, коли нет — и на тройке не скачи, потому как попусту...

Больше месяца Сергей сдавал экзамены за пятый курс. Вымотался до предела. А завтра он уезжал. И хотя Ольга знала, что профессор Иванов рекомендовал его на преддипломную практику в геологическую экспедицию, которая работает где-то в малоисследованном районе Мугоджар, она вдруг расплакалась.

— Что с тобой, Оля?— перепугался Сергей.

— Не знаю, Сережа... Мне почему-то кажется, что мы больше с тобой не встретимся.

— Не надо, Оля. Все у нас будет, честное слово, будет. Ну, успокойся. Может, сбежим на природу, а?

Вечернее солнце клонилось к закату, когда они вышли к реке. Зеленую лужайку со всех сторон окружали густые кусты терновника и шиповника. Сергей натаскал сушняка, распалил костер, и комариные полчища отступили, рассеялись. Спустившись к реке, он вымыл картошку, вытер ее насухо пучком травы и побросал в костер. Ольга нарезала хлеба, колбасы, сыра. Попыталась было открыть банку консервов, но чуть не порезала руку. Сергей отобрал у нее нож. Картошка поспела быстро. Выкатив из костра две черные картофелины, он торопливо обдул их и сунул одну в руки Ольги.

— Ешь скорее.

— Она же грязная...

— Какая грязь, она же только из огня. Ешь!

Ольга нерешнтельно отломнла черную корочку и броснла в рот.

— Сережа!— тихо позвала она, катая в ладонях горячую картофелину.— Ты никогда не задумывался над тем, как люди находят друг друга?

— Нет. Мне кажется, мы всегда мечталн о встрече, потому и встретились...

— Нет, Сережа. Мы мечтали вообще. Ты мечтал о девушке. Может быть, она чем-то напоминала меия, а может, тебе грезилась совсем другая. Ведь ты и сам сейчас не знаешь, правда же?

— Наверно, правда, Оля.

— И я не сразу угадала тебя. А вдруг,— оиа испуганно посмотрела на Сергея,— это не иаша встреча?

— Как не иаша?— не понял Сергей.

— Могло же случнться, что ты шел не ко мне, а к другой девушке, и оиа ждет тебя. А я... я всего случайность. Поннмаешь, случайность?

— Не надо, Оленька.

— Ты знаешь, как я боюсь.

— Ну, чего ты боишься?

— Всего. Просиусь ииогда ночью, сяду на койке, и такие дикне мыслн лезут в голову. То вдруг померещнтся, что мы разругалнсь с тобой н ты уехал куда-то, то покажется, что тебя Семенович н Володька несут на носнлках, а дед Лизвой плетется со свечкой следом н плачет, то еще что-нибудь в том же духе. Снжу вот так, снжу, а потом н разревусь.

Сергей притяиул ее к себе. Она положила ему на колеии голову н закрыла глаза. Густые реснпцы ее то и дело вздрагнвали, словно она плакала иевндимыми слезами. Потом она, кажется, задремала и сквозь чуткую дрему слышала, что он сндит напружнннвшнсь, боясь шевельиуться, чтоб не спугнуть ее сон.

Солнце село. От реки потянуло прохладой. Сергей осторожно прнкрыл Ольгу курткой, она подобрала ноги н сжалась в комочек.

Блеснулн первые звезды.

— Оля!

Она открыла глаза. Вспыхнула и покатнлась по вечернему небу звезда.

— Оля!

— Я люблю тебя, Сережа.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Длинные шершавые языки пурги лизали вездеход. Казавшийся в вечерних сумерках пеплом снег уже наполовину засыпал гусеницы, припорошил зачехленный капот и кружился тучной мошкарой у лобового стекла.

Темнело быстро. Мороз не спеша расписывал стекла кабины, цветы-узоры вплетались в общий венок легко и непринужденно. Коварма долго, с детским интересом наблюдал за работой таинственного художника — даже рот приоткрыл от удовольствия.

— Вот дает!— воскликнул он.— Чуешь, Максимыч,— толкнул Коварма дремавшего Наянова,— венок уже готов, а к утру пурга нам и памятник поставит и отходную отпоет.

— Ладно ты, не каркай,— сердито оборвал его Максимыч.

Сергей меж тем думал:

«Вот они — и Коварма, и Наянов, как они спокойны, как верят в то, что все образуется! И метель, и моя работа в партии — а что? Вернется из загранпоездки Амиров, управляющий трестом, и отменит приказ Снегозова. Коварма и Наянов — они крепко, уверенно ходят по земле. Словно им ничего уже не страшно. А может, и в самом деле не страшно? И потому не страшно, что у них все уже определилось в жизни. А я только приоткрыл для себя Мугоджары. И вот — осечка. Но все равно на всю жизнь запомню их. Еще бы!»

В тот день он возвращался из дальнего маршрута. С ним был старый рабочий партии Серов. Вторые сутки сеял мелкий, нудный дождь. Под ногами и в разбитых сапогах чавкала вода. Тяжелый рюкзак с образцами, намокшим спальным мешком и палаткой жег плечи, валил с ног. До лагеря еще оставалось километров сорок. Обещанная на вчера машина где-то запропастилась.

— Не будет, видать, машины-то, вон оно как раскиселило,— высказал предположение Серов, вытирая рукавом крупное мокрое лицо.— Теперь, почитай, и ГАЗ-63 нигде не пролезет. Куда ему по этим солонцам!— Он оттянул врезавшиеся в крутые плечи лямки рюкзака.— А потому я думаю, может, махнуть нам через Карасуатскую впадину, оно и поближе чуток, да и дружок-чабан у меня там есть — Султан. Чайком у него побалуемся,

пообсохнем, отдохнем и дальше двинем. Как ты на это смотришь, Сергей Дмитриевич?

— Да можно, пожалуй...

Серов забрал вправо и размашисто зашагал в направлении вырисовывающейся сквозь частую сетку дождя сопки.

— Места тут не чета тем, где мы загорали. Курорт, я те скажу! Вот только катуна пропасть.

— Чего-чего?

— Катуна, говорю. Или как он там по-вашему, по-научному, дай бог память,— старик потер ладонью жарко прокопченный солнцем лоб,— ведь выскочило из головы.

— Качим Патрэна,— подсказал Сергей.

— Вот вот, он и есть, качим этот преподобный. Шельма, я те скажу. К осени как двинет с насиженного места — орда да и только. Шурфы и капуши так закупорит, не раздерешь, хоть плачь. Огнем и то не спасешься, выжжешь его нынче, а он окаянный назавтра опять набьется.

С вершины сопки открылся неожиданный пейзаж. Сергей невольно замедлил шаг, залюбовался. Крутыми уступами сбегали вниз омытые дождем сизые гранитные террасы. Маленькие корявые березки, будто случайно зацепившиеся девичьи косынки, пестрели по расщелинам. Вокруг них горели созревшие гроздья шиповника вперемешку с черной россыпью волчьей ягоды. Далеко внизу кривым лезвием холодно сверкала узкая, но, вероятно, строптивая речушка — вон как разделала скалы, лучше всякого ножа. На берегу ее, приткнувшись к гранитному утесу, чернела зимовка: саманный дом с плоской азиатской крышей, новая кошара под шифером и плетневый загон.

— Красота,— выдохнул Серов, достал из-за пазухи сигареты, долго чиркал отсыревшими спичками, пока наконец не затрепетал желтый лепесток пламени.— Ты вон туда глянь, Сергей Дмитриевич,— старик указал рукой на восток.— Видишь, две горки рядом? Это Кыз-Емшек, что значит — девичьи груди. Похожи, правда? Султан мне как-то легенду об этих горках рассказывал, да забыл я.— Серов метнул в лужу окурок и неторопливо стал спускаться по еле приметной крутой тропинке.— Правда сказать, нашего брата он не жалует.

— Это почему же?

— Дак как тебе сказать?— отозвался из-за рюкзака

Серов.— Убежден, есть здесь, во впадине, медь. А мы копались тут и ничего путного не нашли. А он на своем стоит: плохо, говорит, искали. Шут его знает, может, он и прав. Искали-то действительно неважно. Я тут два сезона загорал: сначала с «академиками». Они, я так считаю, отдохнуть сюда приезжали: позагорать, покупаться, удочками побаловаться. Старшим у них какой-то большой человек значился. Василием Тимофеевичем величали, но он всего лишь раз тут появился, и больше никто его не видел. Всем, по сути, командовал Потап Федорович. Неприятный такой мужичишка — махонький, задиристый. Страсть как любил — и в дело и без дела — именем Василия Тимофеевича козырять...

По скользким мшистым камням Серов шел легко и уверенно, как по хорошо прото则енной дороге. Сергей едва успевал за ним. Громоздкий рюкзак то и дело толкал его в спину, ноги скользили и разъезжались, точно на льду. Особенно неуверенно он чувствовал себя на каменных завалах. Пытаясь подражать Серову, Сергей так же твердо ставил ногу на камень, но она тут же съезжала, подворачивалась, и тогда рюкзак тащил его вбок, грозя опрокинуть. Соленый пот заливал глаза.

Наконец крутизна кончилась, потянулся пологий спуск, усыпанный каменными осколками.

— На следующий сезон я приехал сюда с Валерием Павловичем Борзицким,— рассказывал Серов.— Он тогда у нас начальником партии был. И тоже, я те скажу, не понравилось мне, как мы искали. Валерий Павлович, конечно, душа-человек. Не знаю только, что с ним в тот сезон случилось: то ли «академики» ему мозги затуманили, то ли еще что, только смотрел он на нашу работу как на пустое дело. Придет, значит, к шурфу. Покопается так, для виду. «Да и что искать?— вздохнет, бывало.— Там, где Василий Тимофеевич с Потапом побывали, нам делать нечего».

— А бурить здесь не пробовали?— не отставал Сергей.

— Пробовали, как же. Торчала тут и самоходка месяца два, да что-то у них там не ладилось. Не знаю, до чего добурились. Но только положили на эту впадину большой-пребольшой крест и вот уже третий год сюда носа не кажем. Толковал я как-то об этом с Султаном — слушать не хочет. Есть, говорит, медь, и все тут.

По склону потянулись шурфы и капуши, забитые ку-

раем. Торопливые ручейки со звоном катились в них, подпирая и поднимая разбухший катун.

— Вот они, мои кормилицы,— повел рукой Серов.— Эти вот, направо, «академикам» копал, а вон те — Валерию Павловичу. Ты только глянь на породу — железо, сущее железо.— Он поднял с земли два обломка породы и постучал ими друг о друга.— Слышь, звенит? Претвердая порода, зубами не укусишь.— Серов стукнул посильнее.— Не поддается, треклятая.— Стукнул еще, один камень треснул и разломился. Блеснули желтые вкрапины с подтеками медной зелени. «Медный колчедан!»— обожгла догадка.

Сергей сбросил рюкзак, выхватил молоток и начал крошить породу. Сомнений не оставалось: почти в каждом куске Сергей находил вкрапленность медного колчедана.

— Давай, Гаврил Пантелеймонович, запасной рюкзак.

— Ты что в самом деле?— взмолился старик.— Эти едва волокем... А потом, зачем нам образцы отсюда, мы их в те раза возами возили.

— Давай, старина, рюкзак.

— Как знаешь, мне рюкзака не жалко...

Султан встретил у дома. Он долго, казалось, без всякого интереса рассматривал их, приложив руку козырьком ко лбу. Потом его тонкие губы тронуло подобие улыбки.

— Здоров, здоров, Гаврюшка,— старик протянул Серову костлявую, разрисованную черными венами руку.— Заходи, конак будешь.— Султан дотошно расспрашивал Серова о его здоровье, о здоровье его жены, детей, о доме и хозяйстве.— Так-так, баба тоже здорова?— в который раз спрашивал аксакал.

— Здорова. Чего ей будет-то, на печи небось не каплет.

— Так-так. А ты, значит, шалтай-балтай, мешок вместо мерина таскаешь!

— Таскаю, Султан, таскаю.

— Зачем таскаешь? Работы разве совсем нет?

— Вот это и есть моя работа.

— Ай, какая это работа! Айда ко мне помощником, зачем зря ноги бьешь?

— Нет, Султан, твоя работа не по мне. Ты вот лучше покажи-ка нам камешки,— попытался заговорить о дру-

гом Серов,— помнишь, Валерию Павловичу показывал?

— Сначала чай пьем, потом камни смотреть будешь,— отрезал старик.— Я на тебя и на начальника твоего в суд подавать стану,— сердито закончил Султан.

— Помилуй, это за что же?

— Сам разве не знаешь?— старик выжидательно посмотрел на Серова.— Вчера опять овца на твоей яме ногу сломала. Кто отвечать будет? Султан?— и строго скомандовал:— Давай руки мыть, ругаться после станем...

За чаем старик подобрел: глаза по-молодому поблескивали, вислые усы он закрутил в стрелочки. Кивком головы подозвал к себе девочку-подростка, сказал ей что-то по-казахски, и она исчезла из комнаты... Через несколько минут принесла толстый волосяной мешок. Султан долго распутывал сыромятную завязку и наконец высыпал на кошму горку камней.

— Смотри, пожалуйста,— обратился он к Сергею.— Вот это разве не джез[1]?— Старик окаменелым ногтем выкорчевал из породы зернинки колчедана.— Я не ученый и то знаю, что это джез. А вот вы — ученые, за что вам только деньги платят, никак определить не можете.

Образцы были действительно редкими, о таких можно только мечтать.

— Скажите, аксакал,— спросил Сергей,— где вы их взяли?

— Как где? Вот он, Гаврюшка, копал, а я собирал.

— Можно, я возьму у вас несколько образцов?

— Зачем несколько, бери все.

— Слушай, Султан,— вмешался в разговор Серов,— помнишь, ты как-то мне рассказывал о Кыз-Емшеке?

— Как не помнить? Рассказывал.

— Понимаешь, шли мы к тебе, увидел я эти горки, хотел рассказать о них Сергею Дмитриевичу, да забыл...

Султан допил чай, степенно вытер усы, взял негнувшимися пальцами сигарету из портсигара Серова и, слегка раскачиваясь, начал издалека:

— Не знаю точно, когда это было. Только давно, совсем давно. Карасу тогда слезой бежала, а шатуна (так старик называл перекати-поле) в наших местах не было. Жил здесь старый-старый казах, наверно, постарше меня будет. Была у него дочка, совсем красавица. Со всех

[1] Джез — медь *(каз.)*.

аулов скакали сюда и молодой и старый, только чтоб посмотреть на его дочь. Только обещала оиа любить того, кто подиимет вои ту скалу,— старик указал в окио иа дыбившийся замшелый утес,— и достанет из-под иее медиое ожерелье. Миогие пробовали, ио ие было такого сильиого джигита. А может, и был, кто знает, степь большая, сотни коией загонишь, пока любимую иайдешь. Так и ждала девка своего джигита. Может, и дождалась бы. Но тут на беду бай проезжал. Увидел ее — ум потерял. «Отдай,— сказал бедияку,— дочь, большой калым платить стаиу». А тот ему: «Полюбит она тебя — держать ие будем. Пусть идет».— Султан затушил о ладоиь сигарету, отхлебиул из пиалы остывшего чая.— Позвали девку, и сказала оиа баю: «Подвииь утес, достаиь ожерелье, буду твоей женой». Долго ходил бай около утеса, и так и эдак — ие поддается. Подрал все руки, халат порвал, рассердился и приказал своим слугам брать девку силой. Связали ее и иа коней. Совсем иемного отъехали, позвала девка бая и сказала ему, что будет его жеиой. Развязали ее, идет оиа к баю, а тот земли под собой не слышит. Только хотел обнять ее, она выхватила у него из-за пояса кинжал и прямо в грудь себе, в сердце. А иа этом месте две горки появились, Кыз-Емшек, зиачит, а ручка киижала камнем стала. Увидел это аллах, крепко осерчал иа бая и превратил его и всех слуг в шатун-траву, которой иет иа земле приюта.

Старик умолк, но долго еще раскачивался по инерции в такт своим словам...

Мощиые сиопы света распороли метельиую тьму, словно пуховую подушку. Это Максимыч включил иа минутку фары, перед тем как запустить мотор. В кабиие похолодало. Давно уже ие балагурил Коварма, видно, хмель окончательно выветрился из головы. Как старый нахохлившийся воробей, сидел Наяиов, положив иа баранку руки. Говорить ие хотелось. Да и о чем говорить, если впереди долгая, полиая иеизвестиости ночь? Сергей глянул иа освещенный щиток приборов. В баке оставалось ие больше тридцати литров беизина. Если через каждый час прогревать двигатель — до утра, пожалуй, хватит. А там? Не будет же эта ошалевшая пурга продолжаться вечно. Как знать? Ну а будет, так придет подмога — их уже иаверияка ищут. Вот только неиз-

вестно, куда их завез Максимыч. Ребята непременно, как и в тот раз, когда они с Серовым загостились у Султана, в первую очередь будут прочесывать дорогу...

...Борзицкий тогда встретил радушно. Вышел из-за массивного стола, крепко пожал руку, посетовал, что с машиной вышла неувязка, усадил в кресло. С нескрываемым интересом расспрашивал о маршрутах, рассматривал образцы, интересовался личными впечатлениями. Его голубые глаза, приятный голос, белозубая улыбка располагали к откровенности, и потому Сергей охотно отвечал на вопросы, выложил на стол образцы, взятые у Султана. Борзицкий опытным взглядом специалиста сразу же выделил их из общей массы, взял обломок гранита и стал внимательно рассматривать.

— Где подобрали?

— В Карасуатской впадине...

— А-а-а,— лицо Борзицкого как-то сразу потускнело.— И вы, уважаемый коллега, не избежали искушения?— Валерий Павлович поправил запонки на белоснежных манжетах и все так же приятно улыбнулся.— А напрасно. Мы два года потеряли на этой впадине, забили в нее уйму денег и сил, а в результате: совершенно бесперспективный район, не представляющий даже мало-мальской ценности. Вы, наверное, слышали?— Борзицкий взял сигарету из резной шкатулки, подвинул ее к Овражному,— курите,— достал из стола зажигалку, протянул ее сначала Сергею, а потом уж прикурил сам.— Конечно же, слышали, что там полный сезон работала партия Академии наук под началом небезызвестного вам доктора наук Василия Тимофеевича Скворцова. По его методике велось опоискование этой площади. Представляете? И ничего не обнаружено интересного. Не знаю, как для вас, но для меня лично Скворцов — бог разведки.— Сергей попытался возразить, но Валерий Павлович предупредительно поднял руку и всем видом дал понять, что он еще не кончил.— На следующий сезон я делал там детальную геологическую съемку, убил время впустую.

— Извините, Валерий Павлович,— не вытерпел всетаки Сергей. Насколько мне известно, Василий Тимофеевич лишь однажды, мимоходом, был на Карасуате. И вполне понятно, за свой недолгий визит он не мог определить, что впадина перспективна на медь.

— Дорогой мой коллега,— Борзицкий снисходительно улыбнулся, подчеркивая тем самым, что не обратил внимание на грубоватость последней Сергеевой фразы.— За него это превосходно сделали другие — его правая рука Потап Федорович Смирнов. Это, поверьте, прирожденный разведчик, он всякую руду за версту чует. Вот так-то, коллега. Все мы в молодости думаем, что месторождения у нас валяются прямо под ногами, стоит только толкнуть камешек носком ботинка, и пожалуйста, как пишут в газетах: подземная кладовая...

— Но согласитесь, Валерий Павлович,— не сдавался Сергей,— в данном случае все говорит за то, что месторождение где-то рядом. Образцы, которые лежат перед вами, Качим Патрэна, обильно растущий по всей впадине, типичные меднорудные окислы по бергам Карасу и на родниках Кыз-Емшека и, наконец, казахская легенда...

— Позвольте мне с вами не согласиться,— спокойно возразил Борзицкий.— Вы наслушались сказок чабана Султана. А время пастушьих находок бесследно ушло в прошлое. То, что лежало на поверхности, давно открыто и переоткрыто. Нам с вами выпала доля искать то, что природа надежно запрятала, то есть смотреть вглубь и еще раз вглубь.— Валерий Павлович взял из стаканчика стопку разноцветных карандашей, рассыпал их с шумом по столу и не спеша принялся собирать.— Что касается Карасуатской впадины, я думаю, туда мы больше не вернемся. А если вернемся, то не скоро.— Борзицкий сделал паузу, внимательно наблюдая, какую реакцию вызывают его слова у Сергея.— Поймите меня правильно, уважаемый коллега,— продолжал он,— ни специалисты академической партии, ни ваш скромный слуга никогда не отрицали и не отрицаем, что на этой площади есть медь. Но запасы ее настолько ничтожны, что в настоящее время при современном уровне горнодобывающей и цветной промышленности эта медь не представляет большой ценности. Для полной ясности вы можете покопаться в нашем фонде, там хранятся отчеты. Не лишне будет, если просмотрите в пятом номере журнала «Геолог Казахстана» за прошлый год статью главного инженера нашего треста Евгения Самуиловича Синеглазова. Он тоже касается этих вопросов.

Три дня просидел Сергей в библиотеке, перелистывая пропыленные папки. Отчет «академиков» был составлен наспех, не содержал детального анализа, но зато и

ие отрицал, что меднорудные проявления имеются по всей площади. Правда, была и оговорка, о которой упомянул Борзицкий: дескать, проявления эти слабые и едва ли дают основания рассчитывать на крупные залежи. Отчет Валерия Павловича отличался кажущейся обстоятельностью, скрупулезностью. Однако чем внимательней читал и перечитывал его Сергей, тем чаще приходила мысль о том, что составлялся он ради формы. При дальнейшем изучении оказались в нем и существенные изъяны: из пяти запроектированных картировочных скважин пробурено только три, и лишь одна доведена до проектной отметки. Это первое, что настораживало. Далее, в отчете не было сказано о том, что площадь впадины сплошь покрыта Качимом Патрэна, растением в большинстве своем селившимся на медных рудах или вблизи них. Умалчивалось о меднорудных окислах, которые Сергей видел на лысоватых сопках. Весьма расплывчато звучала и заключительная часть отчета, все сводилось к низкому содержанию руды и уровню современной горнодобывающей промышленности, а отсюда и к малоперспективности Карасуатской впадины. В статье Синеглазова были расставлены все точки над «и». На площадь эту, как выразился Серов, был поставлен «пребольшой крест», основные надежды возлагались на Джамаи-Кайракту.

В десятый раз перебирал Сергей собранные образцы, размышляя над тем, что же ему теперь делать? Он был убежден, что медь рядом. Может быть, это и есть та самая Мать-жила, о которой он мечтал? Но кто поверит ему? Если «корифеи» разведки сказали «нет».

Из головы не выходило напутствие профессора Иванова: «Не доверяйте слепо авторитетам. Во всем и всегда имейте собственное мнение. В геологии есть один непревзойденный авторитет — поиск, его результаты. В каком бы районе вам ни пришлось работать, прежде всего составьте о нем собственное представление, сделайте собственные выводы о его геологической перспективности и только потом забирайтесь в архив, садитесь за изучение материалов ваших предшественников...»

За этими невеселыми размышлениями и застал его Андрей Лобов, начальник Джамаи-Кайрактинской партии.

— Привет, студент! Ты чего это не весел, буйну голову повесил, не хочется, небось, после воли-волюшки снова за книжки садиться?

— Есть немного. Но не в этом, Андрей, дело.

— А в чем же, если не секрет?

Сергей рассказал Лобову о своих догадках и предположениях.

— Как быть, посоветуй.

— Да. Непростая история.— Лобов бросил на стол свою замурзанную фуражку, затарабанил пальцами по столу. Тут, брат, «академики» впутаны, а с ними тягаться, сам знаешь...— Лобов рассмеялся горько.— Теперь каждый встречный-поперечный, когда речь заходит о Карасуатской впадине, именем Скворцова прикрывается. Как же, по его методике работали и ничего не выявили. Мы же привыкли, что ошибиться могут только простые смертные, а выдающиеся — упаси бог... Иди к Деду. Расскажи ему все, как есть. Он мужик решительный. Тем более, что эти хваленые Джаман-Кайрактинские площади уже третий год пашем, и пусто. Абсолютный вакуум!

— Ага. Ждет он меня с распростертыми объятиями...

— Это мы сейчас устроим. Пошли,— Лобов подхватил Сергея под руку и потащил в приемную начальника экспедиции.— Таечка! Я вас категорически приветствую.

— Я вас тоже,— принимая игру, отозвалась секретарша Тулупова.

— Михаил Иванович у себя?

— Да. Но он занят.

— Таечка! Обещаю полюбить вас. Брошу жену, уедем с вами в Персию,— дурачился Андрей.— Только одно условие, Таюша, вот этому парню нужно позарез попасть к Деду. Сейчас и не минутой позже. Выручай, позарез надо...

— Проходите,— пригласила секретарша.

Сергей вдруг оробел. Ноги почему-то отказались повиноваться. Лобов подтолкнул товарища и закрыл за ним дверь.

— Слушаю вас, Овражный. Чем могу быть полезен?— Тулупов отодвинул от себя бумаги, разыскал среди них короткую обкуренную трубку и принялся набивать ее табаком.

Сергей волновался и чувствовал, как комкает свой рассказ, но ничего не мог с собой поделать.

— Так, так,— выслушав его, сказал Тулупов.— Насколько я понял, вы считаете, что на Карасуатской площади мы прохлопали медное месторождение. Так, что

ли? Возможно, возможно. В геологин, к сожаленню, все возможно. Давайте глянем на образцы.

Сергей выложил на стол наиболее показательные.

— Любопытно, не скрою. Даже очень любопытно.— Мнханл Иванович надавнл кнопку звонка, н на пороге выросла секретарша.— Пригласите-ка, Танюша, Валерия Павловнча.

Через несколько минут в кабннет вошел Борзицкий. Он с достоинством опустился в мягкое кресло, положил ногу на ногу и закурнл.

— Вот, Валернй Павлович, наша смена обвнняет нас, стариков, в том, что мы прохлопалн крупное месторожденне,— полушутя, полусерьезно проговорнл Тулупов.— Что ты на этот счет скажешь?

— Сергей был у меня. Я высказал ему свое мнение: эта впадина для нас пройденный этап.

— Я не о том, Валерий Павловнч. Образцы он подобрал чрезвычайно ннтересные. Может быть, и вправду мы наломалн там дров?

— Не думаю, Миханл Иванович.

— А я не скрою, засомневался. Может, и впрямь бросить туда пару самоходок, пробурнть несколько дырок для верности?— Сергей чуть не подпрыгнул от радости. Борзицкий заметил это н, как показалось Овражному, ехндно ухмыльнулся.

— Сейчас это невозможно, Миханл Иванович,— спокойно проговорнл он.— Во-первых, эти работы не значатся у нас в проекте, необходимо получить на них разрешение треста, во-вторых, у нас годовой план бурения под угрозой срыва н сннмать станкн мы не нмеем права, в-третьнх, по нынешннм раскнсшнм дорогам туда ни одна самоходка не пройдет. И, наконец, вы меня нзвините, Миханл Иванович, но я все-таки больше доверяю авторитетному мнению специалистов Академни наук н Васнлня Тнмофеевича Скворцова, нежели горячим доводам нашего молодого коллеги.

— Экий ты право,— поморщился Тулупов.— Что ты, Валерий Павлович, прости меня за грубость, заладил: академики, академнки. Я не меньше тебя уважаю н цеию Василия Тимофеевнча, н в фартовый талант Потапа Смирнова на все сто верю, но ведь медью-то он, Потап Федорович, ннкогда не занимался, так что все может быть. Конь о четырех ногах н то спотыкается... Ладно, нет у меня больше к тебе вопросов.

— Вот оно как, товарищ студент, получается,— про-

говорил в раздумье Тулупов, когда за Борзицким закрылась дверь.— Куда ни кинь, все клин. С одной стороны план, с другой авторитет, с третьей — дорога,— Михаил Иванович поскреб блестящую, с коричневым отливом лысину.— Так так... Ты, если не ошибаюсь, дипломник?

— Да...

— Вот и отлично. Давай с тобой так договоримся. Дело это не горит. Получай диплом и приезжай к нам на работу, тогда что-нибудь и придумаем. По рукам, что ли?

— По рукам...

...Полдня они бегали по магазинам. Сергей уже перемерил десятка два костюмов, но все они чем-то не нравились Ольге.

Наконец костюм был куплен. Куплены и черные шикарные полуботинки.

— Все,— решительно заявила Ольга.— Бежим в гастроном. Ух ты! Чуть не забыла. Надо же родичам позвонить, что я задержусь.— Она нашла в сумочке двухкопеечную монету и нырнула в будку телефона-автомата.

— Мама, это я,— донесся до Сергея ее чистый счастливый голос.— Да. Да. Да, это Сергей, он только что вернулся из партии... Ну и что?— бросила она с вызовом.— Какой уж есть. Да. Да. Короче, я спешу и задержусь.— Ольга опустила на рычаг трубку и теперь стояла не поворачиваясь, будто ее пригвоздили к стенке.

— Что произошло, Оля?

— Ничего. Не обращай внимания. Она видела нас в магазине...

— Ну и что?

— Давай, Сережа, не будем говорить об этом сегодня. Сегодня наш день.

Ольга взяла его за локоть, прижалась головой к плечу и тяжело вздохнула. Молча они дошли до дома, в котором Сергей снимал комнату. А как только спустились в подвальчик, Ольга обвила его шею и стала целовать.

— Сережка! Милый мой Сережка,— шептала она.— Мне не верится, что ты наконец приехал. Мне все казалось, что мы больше не встретимся. Но все это чепуха.

Ты приехал. Это главное. И чего я раскисла, ты же есть хочешь. А ну-ка быстренько все на стол.

Шампанское оглушительно выстрелило. Пробка врезалась в низкий потолок. Ольга побелела и зябко повела плечами.

— Испугалась?— улыбнулся Сергей.

— Да,— тихо ответила она.— Я же говорила, что боюсь...

— Чего ты боишься?

— Потерять тебя. Обещай мне, что ты никогда не уйдешь от меня, Сережа,— она провела ладонью по его руке,— не уедешь, правда же?

— Правда, Оленька, правда,— он пододвинул ей стакан и налил себе.— За нас с тобой, за нашу Мать-жилу.

— Спасибо, Сережа. Но только не у всех, наверно, есть она, Мать-жила,— продолжала Ольга в раздумье.— Не всякому, видно, она открывается.

— А я убежден, что всякому. Тут все от человека зависит.

— Не так уж много от человека зависит,— все так же задумчиво проговорила Ольга.— Больше от обстоятельств и от окружающих людей.

— Не должен быть человек игрушкой обстоятельств. Какой же он тогда человек!

— Высокие слова, Сережа. Вот тебе простой житейский пример. Окончила моя сестра пединститут, вышла замуж за начальника отдела снабжения завода и четвертый год сидит в домохозяйках. Где же ее Мать-жила? Может быть, в том, чтобы встречать и провожать мужа да болтать по целым дням с поклонницами? А ведь ей все завидуют. У нас в доме только и слышишь: ой, Верочка, какая ты счастливая! Опять Владик новый костюм Верочке привез! Ах, какая ты у нас, Верочка, нарядная. Приходят к нам в гости, мама прямо-таки не знает, куда усадить этого самого Владика и чем его накормить. А я смотрю на сестру и думаю: тоска зеленая. Попробовала как-то сказать ей об этом, так куда там. Владик для нее самый удобный муж: в средствах не стесняет, детей не требует, к другим не ревнует.

Сергей внимательно всмотрелся в лицо Ольги. Он представлял себе Олину семью идеальной, и вдруг такое неожиданное признание. Поразила его и резкость суждений Ольги о родной сестре.

Профессор Иванов, казалось, задремал в мягком кресле. Желтые, словно пергамент, веки прикрыли усталые глаза; белая борода на груди; тонкие худые руки свисали с подлокотников.

«Все это ему неинтересно»,— подумал Сергей и замолчал.

Иван Севастьянович тут же с недоумением глянул на него: что же вы, мол, продолжайте.

— Одним словом,— закончил свой рассказ Овражный,— я убежден, что Карасуатская впадина перспективна на большую медь.

Профессор рывком поднялся с кресла. Прошелся раз, другой по кабинету, тесно заставленному стеллажами с книгами и застекленными шкафами с образцами пород. Остановился у геологической карты.

— Все может быть,— наконец подвел он черту и вернулся к журнальному столику.— Образцы вы подобрали интереснейшие,— Иванов навел на керн большую лупу в блестящей оправе.— Вкрапины — чистейший медный колчедан, это вне сомнения. И тем не менее разделить вашу убежденность насчет большой меди, к сожалению, не могу.

Такое заключение обескуражило Сергея. По правде говоря, он шел к профессору с уверенностью, что тот непременно встанет на его сторону и поможет привлечь внимание геологов к Карасуатской впадине. Ну, а теперь? Да что теперь... Все ясно — отказ. Овражный поднялся.

— Секундочку, куда же вы?— профессор загородил ему дверь.

— Пойду я, Иван Севастьянович...

— Позвольте, как это пойдете? Я вас больше часа слушал, а вы меня и послушать не хотите. Знаете ли,— он покачал головой,— это, во-первых, невежливо с вашей стороны, а во-вторых, черт вас возьми,— неожиданно вскипел он,— какой же вы геолог, если... если... Садитесь,— скомандовал Иванов.

Дверь кабинета бесшумно распахнулась, и на пороге встала полногрудая блондинка лет сорока, с подведенными черными бровями. Она окинула Иванова мягким ласкающим взглядом:

— Я прошу, Ваня... Тебе нельзя волноваться...

— Да... Да...— согласился профессор.— Спасибо... Моя жена,— представил он ее Сергею. Овражный раскланялся.— Знаешь что,— обратился к ней Иван Сева-

стьянович,— было бы превосходно, если бы ты организовала кофейку. Только,— он поднял палец,— покрепче.

Профессор еще раз прошелся по кабинету, сел в кресло напротив Сергея, закинул ногу на ногу и обхватил острое колено жилистыми руками.

— А теперь давайте разберемся, почему я не вполне разделяю ваши убеждения. Те доводы, которые вы только что привели, бесспорно, верны. Скажу наперед: плох тот геолог, который не желает считаться с народными приметами, топонимикой, флорой и фауной. Но не забывайте и другого — одних этих, чисто внешних признаков, недостаточно для научного прогнозирования.

В кабинет неслышно вошла жена, поставила на столик поднос с кофейником. Профессор пододвинул чашечку Сергею, отпил из своей и продолжал:

— Было время, когда меня и подобных мне считали чудаками, когда тектонические построения, которые мы делали, чтобы связать нахождение месторождений с какими-либо нарушениями в строении земной коры, объявлялись недоказанными, необоснованными и, больше того, вредными. Разумеется, жизнь внесла существенные поправки и в нашу первоначальную теорию. Последние работы геологов не отрицают в принципе названную теорию, но зато несколько видоизменяют или, лучше сказать, углубляют ее.

«С какой стати,— думал Сергей,— он мне все это рассказывает? Буду я знать все эти теории или не буду, путь к разгадке Карасуатской впадины от этого не станет короче».

Иванов точно прочитал его мысли. В глазах его мелькнуло подобие улыбки.

— Очень вам советую, займитесь изучением строения земной коры этого района. Убежден, что тектоника укрепит ваши догадки и сделает нынешние доводы более весомыми и убедительными. Как вы на это смотрите?

— Вполне положительно, Иван Севастьянович.

— Я так и знал.

Иванов рывком поднялся с кресла и пригласил Сергея к книжным стеллажам. Он безошибочно отбирал нужные книги и откладывал в стопку.

— Этого, пожалуй, на первый раз достаточно, забирайте.

Возвращаясь от Иванова, Сергей увидел у ворот своего дома худенькую остроносую девчонку. Она мет-

нула на него растерянный взгляд, потупила в землю глаза.

«Ждет, что ли, кого?» — подумал он, открывая калитку.

В комнатке горел свет. Значит, Ольга пришла. Он вприпрыжку помчался по ступенькам. Толкнул дверь прихожей и услышал раскатистый басок Володьки Пана:

— Я, Оленок, так понимаю: холостяк — это, пан или пропал, тот же завязанный мешок, место в складе занимает, а толку от него, пока не развяжут, никакого. А потому твердо решил: пропадай моя свобода — все четыре колеса...

Пан был разодет. Серый дорогой костюм в мелкую клеточку, кремовая нейлоновая сорочка, к которой совершенно не шел черный блестящий галстук. Видно, непривычный наряд сковывал его, и он дергал плечами, поправляя галстук, совал палец за тесный воротник.

— Слушай, жених,— перебил его Сергей,— это не тебя ли девушка у ворот дожидается?

— А почему бы и не меня?— усмехнулся крайне довольный Пан.

— Ну, как тебе не стыдно, Володя!— возмутилась Ольга.— Сидишь здесь уже больше получаса... Неужели не мог пригласить?

— Да приглашал я ее,— смущенно залопотал Пан.— Не идет. Боюсь, говорит. Что же ее на руках нести, да?

— Да!— Ольга нахмурилась.

Пан метнулся из комнаты и через несколько минут появился вновь, ведя за руку девчонку, и стал суетливо разыскивать по карманам папиросы.

— Может, познакомишь нас, Володя?— пришла ему на выручку Ольга.

— Ага... Познакомлю. Это, значит,— он положил руку на плечо девушки,— Ира. А это,— он заглянул своей возлюбленной в глаза,— Оленок и Сергей, я тебе о них рассказывал.

Девушка покраснела.

— Да ты не бойся, они свои в доску,— попытался подбодрить ее Пан.

За чаем он поделился своими планами:

— Надумали мы с Ирой прямо после свадьбы махнуть в Сибирь. Старики ее, правда, немного упирались. Завезешь, мол, нашу дочку и так далее. Но поплакали и

сдались. Бог, говорят, с вами, езжайте, если хотите. А как не хотеть, мне же отсюда край уехать надо.

— Это почему же? — поинтересовалась Ольга.

— Да как тебе сказать, Оленок. Нет, понимаешь, у меня тут человеческого веса. Каждая собака знает, что Пан — это грузчик и на большее не способен. А я, пан или пропал, так прикинул: мешки от меня по доброй воле никогда не уйдут, значит, я от них сбежать должен. Поеду на новое место, может быть, там восьмилетку добью, а потом, глядишь, и в техникум. Ира грамотная, помогать будет...

На днях, купив в киоске у здания треста «Комсомолку», Сергей развернул ее и чуть не ахнул: с первой страницы белозубо улыбался Володька. Под снимком стояла подпись: «Лучший бетонщик «Братск-строя», студент строительного техникума Владимир Лыкин закладывает последние кубометры бетона в створ плотины».

«Молодец, Володька, — подумал Сергей, слушая разухабистый посвист метели. — А у меня, Пан, все расклеилось. Не жизнь — сплошные черепки».

Он глянул на светящийся циферблат часов — без четверти два, — привалился поплотнее к Коварме, поднял воротник куртки и задремал...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Никогда не предполагал Сергей, что Мугоджары и медь сольются для него в одно понятие, что эти крутолобые, невысокие горы станут смыслом всей его жизни. Тему своей дипломной работы он определил четко и однозначно: «Медная минерализация Мугоджар». И теперь по всем вечерам они с Ольгой ворошили старые, еще дореволюционные книги, копались в справочниках, словарях, вестниках Академии наук и геологических институтов.

Геологические работы на Урале начались еще при Петре Первом. Уже тогда знали, что край этот богат всевозможными полезными ископаемыми, уже тогда началось там строительство примитивных горнодобывающих предприятий. Но что удерживало геологов от исследования южного окончания Уральского каменного пояса — Мугоджар? Вот вопрос. Почему они стремились на

север, где климат гораздо суровее, а не на юг? Неужели препятствием служила граница между Россией и Казахстаном? До самых тридцатых годов нынешнего столетия Мугоджары оставались белым пятном на геологических картах. Правда, первая экспедиция здесь побывала в 1889 году. Организовало ее Петербургское общество естествоиспытателей природы. Материалы экспедиции были опубликованы в 1905—1912 годах. В геологическом отношении она приравнивалась к нулю. Первые региональные геологические съемки в Мугоджарах начались только в 1937 году. Делали это геологи Водорезов и Петренко. Этот год и явился годом геологического первооткрытия Мугоджар.

— Ты представляешь, Оля,— заговорил Сергей, отодвигая от себя стопку книг.— Еще четверть века назад никто толком не знал, что такое Мугоджары. А сегодня это родина крупнейшего в мире месторождения хромитов, богатейших запасов никеля, есть там и уголь, и слюда, и золото... Есть медь, но... сотни мелких проявлений, не представляющих промышленного интереса.

— Вот послушай, что я тут вычитала: «По некоторым археологическим данным медь была хорошо известна египтянам еще за 4000 лет до дня рождения Христа». Это что же, за четыре тысячи лет до нашей эры?

— Выходит, так .

— Интересно. Слушай дальше: «Знакомство человека с медью относится к более дальней эпохе, чем с железом. Это объясняется, с одной стороны, более частым нахождением меди в свободном состоянии на поверхности земли, с другой — сравнительной легкостью получения ее из соединений. Древняя Греция и Рим получали медь с острова Кипр, оттуда и название ее — медь, «купрум» по-латыни. Медь в значительной степени получила распространение в природе. В свободном состоянии она встречается в россыпях, попадаются самородки меди до 430 тонн весом...» Ты можешь представить себе такой самородок?

— С трудом.

— А я вообще не представляю. Вот бы нам такой подвернулся, а?

— Да что ты, Оленька? Разве сегодня это находка. Мелочь. Нам бы такой, но еще с четырьмя нулями!

— Жадный ты...

— Угу.— Сергей обнял ее за плечи и притянул к себе.— Оля...

Она прикрыла его губы ладошкой и укоризненно покачала головой.

— Мы же договорились: получаю диплом и в ЗАГС, а потом — к тебе в Мугоджары.

— До твоего диплома еще больше года,— бесцветно процедил Сергей.

— Подождем!

Она всякий раз уходила от этой темы.

Ольга никогда не бывала в лесу зимою. И потому, наверно, все здесь казалось ей таинственным и загадочным, все имело свой скрытый смысл.

То и дело Сергеева лыжня — он идет впереди, за громоздким рюкзаком Ольга видит только голубой помпон на его лыжной шапочке — разрывает замысловатые кружева следов, оставленных на пушистом снегу неизвестными зверьками. Вот здесь, наверное, бежала мышка-полевка, прострочила стежкой снежную простыню, точно на машинке. А эти едва приметные крестики... Кому они принадлежат? Воробью? Синице?

Сергей нырнул под разлапистую крону старого вяза и на минуту скрылся из вида:

— Держи его! Держи! Ату! Ату!

Ольга подняла глаза и оторопела: прямо на нее катится серый клубок, и, не сойди она вовремя с лыжни, перепуганный насмерть косой обязательно врезался бы ей в ноги. Он еще метров десять промчался по лыжне, а потом, видно опомнившись, сиганул в сторону и пропал в зарослях терновника.

Сергей вынырнул вслед за ним, лицо его прихвачено морозцем, в глазах — искорки охотничьего азарта.

— Ушел,— огорченно проговорил он.— Чуть было я его сонного не сцапал, прямо из рук вырвался, а когти у дьяволенка острые.

Он стряхнул с пальцев кровь, и она яркими брусничными капельками застыла на снегу.

— Да ну тебя, Сережка!— Ольга только теперь перевела дух.— Напугал меня, уф!

Они шли в гости к деду Лизвою. Сергей всю неделю только и твердил об этом. Мало-помалу загоралась и Ольга. Ей тоже страсть как захотелось пробежаться по зимнему лесу, увидеть деда Лизвоя, посмотреть, как и чем живут сельчане: она ни разу не бывала в деревне.

Неяркое зимнее солнце, точно рыжий подсолнух, кло-

нилось к земле. Воздух, настоенный на морозе, искрился и переливался, в просветах деревьев подсиненной лазурью плавали невесомые пушинки инея. Где-то каркала ворона да временами что-то ухало. Ольга так, пожалуй, и не узнала бы, что это, если бы вдруг перед ней старая осина не стряхнула свой зимний тяжелый наряд, густо обдав ее серебристой пылью.

Село показалось неожиданно. Побежали с пригорка навстречу добротные дома вперемежку с маленькими землянками, сеновалами, сараями и столпились на краю отвесного яра. Заснеженные окна смотрели в подступающий лес. На отшибе, по правую сторону, тянулись длинные базы, теснились серыми кучками овцы. От сеновала, огороженного плетнями, лениво плелась пара быков, волоча за собой воз сена, временами над возом змеей взвивался кнут и с треском ложился на бычьи спины.

Под яром, окаймленная густым продрогшим тальником, петляла замерзшей лентой река. У проруби стояла чубарая комолая корова, крупные капли воды срывались с ее пушистых губ и, сверкнув радугой в заходящих лучах солнца, падали на лед. Она равнодушно смотрела на Сергея и Ольгу круглыми масляными глазами. Зато ребятишки, катавшиеся неподалеку, побросали свои санки-ледянки, увязались за ними.

— Смотри, без ремней, а держится,— показывал на лыжи белозубый мальчуган, наверняка в отцовской фуфайке, прыгая на одном коньке, прикрученном к валенку вязовой закруткой.

— Ну и что, они небось привинчены,— пояснил ему юркий сорванец, шмыгая носом.

— Куда?

— Закудыкал... К буцам, ясное дело. Правда, дяденька?— обратился он к Сергею за консультацией.

— Нет, брат, не правда.— Сергей отстегнул крючки, высвободил ноги и наклонился, чтобы освободить крючки на лыжах Ольги.

Дорога круто взбиралась на яр, и подниматься по ней на лыжах не имело смысла.

— А ну-ка, братва, идите на помощь, берите,— он указал мальчишкам на лыжи.

Ребятишки бросились к ним. Тот, что скакал на одном коньке, ухватил Ольгины лыжи и уже помчался во весь дух вперед, когда его догнал вихрастый паренек.

— Давай-ка одну.

— Отстань, а то как дам — покатишься.— Но тот и не думал уступать.— Пусти, язва,— сердился белобрысый.

— Давай, кому сказал...

Неизвестно, чем бы это кончилось, если бы не вмешался Сергей и не поделил злополучные лыжи между противниками.

— К кому в гости идете?— обратился к Ольге один из них, вихрастый, стараясь идти с ней в ногу.

— К Лизвою Миновичу,— ответила Ольга.

— А он, поди, в бане,— выпалил маленький голубоглазый парнишка в лисьем треухе.

— Вот и отлично,— откликнулся Сергей.— И мы тоже попаримся...

Дед Лизвой сидел в прихожей в исподнем белье за самоваром. Пот ручьями катился по его распаренному лицу и прятался в негустых зарослях расчесанной бороденки. Он сосредоточенно дул на блюдце и пил густой чай, не обращая ни малейшего внимания на вошедших Сергея и Ольгу.

— Ты что, дед, или гостям не рад?— проговорил Сергей, сбрасывая на пол тяжелый рюкзак.

Руки старика дрогнули, блюдце со звоном полетело на стол.

— Что это мне, окаянному, ровно глаза затмило!— он обнял Сергея, расцеловал, прошелся своей мягкой бородой по лицу Ольги и вдруг повысил голос:

— Духара! Язви те, примай гостей. Слышь, ай не слышишь!

— Чего те, оглашенный?— дверцы горницы растворились, и на порог выкатилась круглая, как мяч, старушка.— Осподи! Пресвятая богородица,— она торопливо перекрестилась и попятилась назад.

— Очумела баба. Совсем из ума выжила. Чего ты перед ним крестишься, не икона чать...

Старушка, кажется, пришла в себя и будто на колесиках подкатилась к Сергею, ткнулась ему головой в грудь, всхлипнула. Сергей расцеловал ее, вытер концом платка слезы на ее щеках и познакомил с Ольгой.

— И надо же такое,— заговорила старушка, продолжая всхлипывать.— Открыла дверь, гляжу — стоит, чистый Митяй. Вот таким я его, царство ему небесное, во сне вижу. Стоит, улыбается. У меня прямо колени подломились.— Старушка наконец обратила внимание на костюм деда Лизвоя, дернула его за широкий рукав ру-

бахи:— Сраму-то на тебя нет, поди, иа старого! Без шаровар перед людьмн...

Дед Лизвой проворно нырнул в горницу и через несколько мннут вышел оттуда в диагоналевых галифе и белой расшитой рубашке с тонким ремешком с медными бляшечками. Он распахнул дверь.

У входа в горницу стояла большая русская печь, с массой всевозможных ступенек и заступок, где хранились и дрова «на разжижку», и кочережки с ухватами, и стопки спичечных коробков. Одна сторона ее была завешена марлевой занавеской, через которую проглядывала просторная лежанка, застеленная самодельными цветнымн дорожками. По другую сторону стояла деревянная кровать с горой пуховых подушек, у изголовья ее, в углу, обрамленная белым полотенцем с крестиками тускло блестела потухшнмн от времени красками икона с расплывчатым лицом богоматерн, склоненной над младенцем. Под иконой едва теплилась лампадка. Вплотную к маленьким оконцам прнткнулся старый неуклюжнй стол с резнымн ножками, а в левом углу — такой же комод неопределенного цвета. На окнах — тюлевые занавескн, висящие на самодельных гардинах.

— Теперь, я, значит, так думаю,— дед усадил Ольгу на днван, Сергей сел на стул у окна, а бабка пристроилась у входа на скамейке.— Перво, значится, наперво, надо в баньке ополоснуться, а после уже за стол.

— Я, наверное, не буду, дедушка,— запротестовала Ольга.

— Нет, милая. С дороги, значится, она, банька-то, в самый что нн на есть раз. Очённо даже хорошо,— и, заметив Ольгино смущение, успокоил:— Да ты не сумлевайся. Банька у нас по-белому, и веничек березовый — первый сорт, такой вам, градским, и во сне не привидится. Окупнешься, ровно заново на свет народншься...

— Чего ты прицепнлся?— вступилась за Ольгу бабка Духара.

— А нничего и не прицепился,— отпарировал дед. — Я же только предлагаю, а предлагать завсегда можно.

— Ну, хорошо, хорошо,— вконец смутилась Ольга.— Я согласна.

— Вот оно н верно,— обрадовался дед.— Снчас я тебе веннчек подберу, а бабка проводит. Парку, значится, потребуется, плесни водички на камешки, а то, может, простыла банька маленько.

Ольга быстро разделась в предбаннике и отворила

дверь. В лнцо пахнуло таким жаром, что она невольно отшатнулась. Клубы пара окуталн ее, словно облака, стылн на холодной кошме ногн, но она ннкак не решалась переступнть порог.

— Ступай, ступай, мнленькая,— старушка подтолкнула ее своей теплой мягкой рукой н прикрыла дверь.

После бани дышалось легко н свободно. Ольга выскочнла в предбанннк, влезла в свой спортивный костюм. У входа ее поджндал Сергей. Ни слова не говоря, он закутал ее в огромный тулуп и, как сноп, понес в избу.

В горннце бабка Духара уже накрывала на стол. Она то н дело ширяла длннным ухватом в черную беззубую пасть печн н какнм-то чудом находила там то лоснящнйся от копотн чугун с ароматным борщом, то молочную кринку с зажарившнмся каймаком, то сковородку с золотистобокой рыбой. Дед Лизвой явился в комнату с красными озябшимн рукамн, с большой мнской, доверху наполненной тугнмн помидорамн и пупырчатымн огурцами. Из-за пазухи у него торчало запотевшее горлышко нестандартной бутылкн с мутноватой жидкостью.

«Самогон»,— догадалась Ольга.

— Эк тебя угораздннло, чнсто нечнстый,— заворчала бабка.— Все паучьи хвосты по погребу собрал. Идн-ка, ндн-ка, не трясн тут,— она махнула на него рукой, н дед проворно выскочил в прнхожую.

— На другой раз сама полезешь, а я погляжу...— огрызался он оттуда беззлобно.

За стол селн, когда совсем стемнело. Бабка зажгла большую внсячую лампу, н робкие тенн заплясалн на стенах. Дед Лизвой налил по полстакана себе и Сергею, Ольге с бабкой — по рюмке.

— В старнну у нас так говорнлн,— он поднял свой стакан,— не прнмн, господь, за пьянство, а за лекарство, не пьем, осподи, а лечнмся, не через день, а каждый день, не чайнымн ложкамн, а чайнымн стаканамн.

Дед перекрестнл свой стакан, осушнл его разом, крякнул н стал довнть внлкой увертывающийся огурец.

— Из ума, смотри-ка, совсем выжнвает старик,— бабка Духара сначала перекрестнла рот, потом рюмку и отпила глоточек.

— Чего ты в этом деле поннмаешь?— дед наконец поймал огурец.— Водка, я те скажу, самый что нн на есть лучшнй продукт для хорошего человека.

— Оно и видно,— перебила его бабка,— как напьются, так и пошли друг друга валтузить, аж дым стоит...

— А ты как хотела, значится? Человек всю жизнь трудится. Надо ж ему порезвиться, ай не надо?— дед заметно хмелел, лицо его багровело, а язык начал заплетаться.— Надоть. Их-х! И любил же я в молодости покуражиться.— Он прикрыл от удовольствия глаза, вероятно, вспоминая и свою молодость и то, как куражился.— Любил...

— Нашел чем хвастаться,— снова перебила его бабка Духара.

— Ты, старая, помолчи,— прицыкнул на нее дед.— Ну, давай, Серега еще по единой, и расскажу я тебе цельную историю, как хотел единожды твоего отца поколотить.— Дед на сей раз плеснул себе чуточку.— Мужик он был видный, агромадный мужик, кулачищи во!— Дед сложил свои кулаки вместе.— Я перед ним, значится, что лапша перед ополовником. А как выпьем саму малость, сам не знаю, что со мной деется — духарюсь, и все тут.— Дед тряхнул головой, помолчал, будто что-то припоминая, и продолжал:— Были мы, значится, с ним как-то у лесника нашего в гостях, Петра Василича Возкина, хороший был мужик, царство ему небесное, справедливый. Бывало, поймает кого в лесу за порубкой, приведет в село — судите, люди, как положите, так и будет. И судили. Мне, к примеру, за одну оглоблю кнута присудили, так я с энтой поры пять лет в лес не казался.— Дед снова тряхнул головой, видно, спохватился, что повел не в ту сторону, отмахнулся рукой от наплывших воспоминаний, как от назойливой мухи.— Ну, угостил нас лесник. Не так, чтобы крепко, но вполне основательно. Проводил до берега, где будара наша стояла, и поплыли мы с Митяем. Плывем, толкуем о всякой всячине. А меня прямо подмывает поколотить его. Ну, говорю, Митяй, сичас я тебя бить буду. А он хохочет. Сиди, говорит, Лизвой, что это тебе в голову пришло? Да где там! Размахнулся, значится, а он все хохочет, да как плюхну... и топором на самое дно. Увернулся, знать, Митяй, а я и выскочил из лодки...

— Что же дальше?— спросил Сергей.

— А что дальше-то? Очухался я и не могу ничего понять. Положил меня Митяй на землю и вытрясает из меня воду, во силища была! Сто лет, говорит, жить будешь. Я уж думал — каюк тебе, нырнул следом. А ты

под корягу забрался и помалкиваешь. Вот как и исколотил я его, царство ему небесное...

Утром, после завтрака, дед потащил Ольгу и Сергея знакомить со своим хозяйством.

Хозяйство у него было не ахти какое: старая коровешка, две овцы, да десятка три кур. Зато сараев, кладовок, катухов было пропасть; они крепостной стеной окружали дом со всех сторон, оставляя узкий, закиданный снегом коридор на улицу. Повсюду чувствовалась заботливая рука, привыкшая все ставить и класть на свое место. Дед с удовольствием распахивал то одни, то другие двери.

«А тут у меня, значится, овцы живут, а тут...»

Последнюю дверь он отворил осторожно, пропустил вперед себя Ольгу и Сергея. В сероватых сумерках сарая — единственное оконце затянулось коркой мохнатого льда — пахло свежим деревом, стружками и мышами.

«А тут»,— дед не договорил; Ольга испуганно метнулась к двери.

В двух шагах от нее стояли два гроба и массивный дубовый крест.

— Чего ты, милая, испугалась? Это я себе со старухой домовины изготовил...

— Да здесь у тебя целое похоронное бюро,— невесело пошутил Сергей.— Зря ты это, дед, затеял. Жить надо. А гроб всегда успеют сделать.

— А зачем, скажи-ка ты мне, утруждать людей? Я и сам могу себе справу изготовить. А потом и по другому глянь. Помер я, к примеру, а сухой доски во всем колхозе нет. Ну и что тогда? Из сырой колотить станут. А я не желаю в мокроте лежать, не желаю. А это, смотри-ка,— он постучал ногтем по дубовой доске,— звенит! Да мне таковой домовины на тыщу лет хватит.

Дед говорил о смерти таким тоном, каким рассказывал вчера о драке с Митяем. Ольга смотрела на него расширенными глазами и никак не могла понять, отчего у деда такое равнодушие к смерти, ко всему, что с ней связано?

— Дедушка, неужели не боитесь?— спросила она шепотом.

— Чего, милая?

— Да смерти.

— А чего мне ее бояться? Пусть лучше она меня боится. Чего же мне, милая, ее пужаться?— продолжал он после некоторого раздумья.— Я свое отжил. Бог дал —

и людей повидал, и себя показал. Пил, бывало, и счастье кружками и беду большой ложкой хлебал. Все было. Все,— уточнил он.— Я так кумекаю, умирать небось боится тот, у кого за душой ничего не останется. А мне что? Пять сынов вырастил, оженил, двух вот потерял, так на то она и война, моей вины тут нет. Трех дочерей людям отдал, внуков два десятка имею. И сам, слава те господи, не катался катуном по свету. Вот придем в дом-то, я те покажу свою биографию. А чужой век заживать грешно.

Дома дед полез в комод, достал маленький сундучок, окованный по углам зеленой медью.

— Вот тут вся она у меня, биография,— он снял с шеи ключ, открыл маленький висячий замок и вынул алую ленту, на которой было наколото четыре серебряных георгиевских креста.— Эти вот,— он показал на два крайних,— за японскую, в Маньчжурии получил, а эти вот, значится, за счет ерманцев достались. Тащи-ка, бабка, сюда пиджак,— скомандовал он.

— Да будет тебе, ровно дите малое...

— Молчи ты!

Он встал во фрунт и стукнул валенком о валенок.

— Полный георгический кавалер уральский казак Лизвой Минович Чесноков!.. А это,— он достал из сундучка орден Красного Знамени,— сам Василь Иваныч Чапаев вручал, царство ему небесное. А этим орденом Ленина Михаил Иваныч Калинин награждал.

— За что, дедушка?— обилие дедовских наград ослепило Ольгу. Она никак не могла поверить, что этот чудаковатый, сгорбленный, седой старичок был когда-то героем, воевал в Чапаевской дивизии, бывал в Кремле.

— Как это за что? За коней моих. Мой конь по всей матушке Расее гремел. Я ведь целый эскадрон коней за свой личный счет выставил фронту. Сам генерал Доватор на моем коне в тыл к немцу ходил. Аль не веришь?— старик перехватил недоверчивый взгляд Ольги.— А вот и доказательство представляю, смотри.

Он развернул и подал девушке потертое по углам пожелтевшее письмо: «Уважаемый Лизвой Минович!...» и внизу подпись: «Генерал Доватор».

— Так-то милая, а ты спрашиваешь, боюсь ли я горбатой... Только вы, смотрите же,— неожиданно перевел дед Лизвой разговор,— умру я небось скоро, так не погордитесь, приезжайте проводить меня...

Вернувшись в город, они остановились у дома, прежде чем разойтись,— стояли и молчали. Ольга любила эти минуты, доверчиво клала голову на грудь Сергея и он прижимал ее к себе.

— Сожми кулак!— вдруг сказала она.

— Зачем?— удивился он.

— Сожми скорее!

Ничего не понимая, Сергей сжал кулак, Ольга приставила к нему свой и поразилась — ее был чуть ли не в три раза меньше.

— Сережка,— она взяла в ладошки его кулак,— ведь это у тебя такое большое сердце. А мое, смотри, по сравнению с ним — мышонок.

Сергей разжал кулак и рассмеялся:

— Мал золотник, да дорог,— и коснулся ее руки губами.

Форточка над ними распахнулась, и мать негромко позвала:

— Оля! Уже поздно...

Мать ждала у двери; долгим пристальным взглядом оглядела дочь с ног до головы и только тогда пропустила ее в комнату. Она была чем-то расстроена, но Ольге не хотелось спрашивать, к тому же ей было больно оттого, что мать за ней подглядывала.

— Что это за парень был с тобой?

— Сергей,— коротко ответила Ольга.

— Овражный?— уточнила мать.

— Да, Овражный... Но я думаю, что вовсе не обязательно было подглядывать за мной, я уже, слава богу, не маленькая.

— Мне нужно поговорить с тобой, Оля.

— Не сегодня, ладно?— попросила Ольга.— Уже поздно. Я хочу спать.

Она прошла в свою комнату, свет зажигать не стала. Быстро сбросила с себя костюм и спряталась под одеяло. Мать постояла у двери, но войти не решилась...

Проснулась Ольга от прикосновения чьей-то руки. Не открывая глаз, она догадалась, что на краешке дивана сидит мать и, как в детстве, разбирает ее разбросанные по подушке волосы. Ольга прижалась щекой к ее красивой руке и вдруг почувствовала себя маленькой-маленькой. И так светло и радостно стало на душе, что она еще

крепче зажмурила глаза и тихонько рассмеялась. Мать слегка потрепала ее по щеке.

— Выросла ты у меня, Олька. А я и не заметила,— легкая дымка грусти набежала на лицо матери.— Выросла,— повторила она в раздумье.— И скоро, наверное, упорхнешь... Да,— она чуть помедлила,— я хочу спросить, какие у тебя отношения с Овражным?

Ольга внимательно посмотрела на мать. В ее глазах было столько беспокойства, что она не смогла скрыть от нее правду.

— Я люблю его, мама.

— Понимаю... Все девчонки любят. Я тоже влюблялась раз десять. А потом все проходило...

— Как проходило?— удивилась Ольга.

— А так, любовь приходит и уходит, а люди остаются.

— Зачем ты так говоришь, мама? Ведь любовь бывает одна — одна на всю жизнь...

— Это только в книжках так пишут. А в жизни, дочка, все иначе. Я вот в девчонках любила без памяти одного, души в нем не чаяла. Бывало, вечера не дождусь, лечу к нему, как на крыльях. Все кажется, шло на лад. Прислал он сватов, а отец их даже на порог не пустил. Дед у тебя был с характером. Позвал меня и говорит: «Отдам за Женьку Дичкова, хошь вой, хошь не вой — такова моя воля». Поревела я, поревела да и стала женой твоего отца. Поначалу страшно было, а потом привыкла. И до сих пор отца благодарю за это. Выйди я за того парня, весь век бы копейки считала, да мазутные рубахи его стирала. А так вот уже тридцать лет прожила.

— А как же любовь?— недоуменно спросила Ольга.— Выходит, что ты папу никогда не любила.

— Любила. И сейчас люблю.

— Ну а как же ты могла любить папу, если говоришь, что без памяти любила того... другого?

— Старая любовь умерла, новая народилась...

— Не знаю... Но мне кажется, что это уже не любовь, а суррогат какой-то. Бэу, как говорит Сергей.

— Что еще это за «бэу»?

— Бывшее в употреблении.

— Много твой Сергей понимает... А ты хорошо его, дочка, знаешь?

— А что?

— Мне же твоя судьба не безразлична. И я, как мать, имею, наверное, право знать, с кем моя дочь встречается.

— Разумеется. Только подглядывать за мной не нужно. И беспокоиться тоже. Сергей хороший...

— Хороший,— в раздумье повторила мать.— А вот Алексей Нилович имеет на этот счет несколько иное мнение...

— Не слушай ты его, мама. Куделькин — славный старикашка, но не может простить Сергею одного: тот имел неосторожность задать ему такие вопросы, на которые Алексей Нилович не мог ответить. В отместку за это Куделькин взял и засыпал его на экзаменах, без стипендии оставил, пришлось Сергею идти работать кочегаром. Помнишь, жара у нас страшная была, это он кочегарил.

— Как кочегарил?

— У него никого нет. Отец с братьями погибли на фронте, а мама с сестрой умерли.

— А где он живет? На что учится?

— У старушки одной, в подклети. Маленькая комнатка, а рядом курятник и петух горластый. Учился, в основном, на стипендию, летом прирабатывал. А когда бывало туго, шел грузить...

— Почему ты говоришь — учился?

— Да потому, что он за четыре года окончил институт и сейчас пишет дипломную.

— Да...— мать задумалась.— Невеселая картина. Невеселая. Давай прикинем: сошлись вы с этим самым Сергеем,— Ольгу покоробило от этих слов,— а что дальше?

— Как что? Уедем в партию и будем искать нашу Мать-жилу. Мы же геологи.

— Пока я жива, ни в какую партию... Не думай даже об этом. Отец в городе место приличное найдет. Это первое. А второе, допустим даже, что уедете вы в партию. Он, насколько я понимаю, гол как сокол. Пойдут дети, и что ты с ними будешь делать? Это только в сказках сказано, что с милым и в шалаше рай.

— Будем работать, и все будет.

— Не так это просто — с пустого места начинать. Скажу тебе прямо, не нравится мне все это. Я не для того тебя двадцать лет растила, чтобы ты потом по партиям нужду мыкала.

Ольга уже пожалела, что разоткровенничалась с матерью.

Перрон напоминал разворошенный муравейник. Гудящая людская лавина спешила в разных направлениях, сталкивалась, цеплялась пузатыми сетками, чемоданами, смеялась и пела, плакала и целовалась.

Овражный уезжал. Дипломную работу он защитил на пять и теперь уезжал в Мугоджары.

Сергей запретил Ольге приходить на вокзал — он не любил проводов. И она не собиралась нарушать его запрета. Все произошло помимо ее желания.

Проснувшись, как от толчка, Ольга села в постели и почувствовала вдруг такую ужасающую пустоту в душе, что ей стало страшно. С тревогой глянула на часы — половина седьмого. До отправления поезда — сорок пять минут. Она быстро натянула первое попавшееся под руку платье, причесала волосы и со всех ног бросилась на вокзал. Что она скажет Сергею? А ничего — все уже сказано. Она, может быть, даже не подойдет к нему, а то еще, чего доброго, он рассердится.

Вклинившись в бурлящую толпу, Ольга поначалу растерялась. И только отчаяние при мысли, что она не увидит Сергея, что поезд уйдет раньше (диктор по радио объявил: до отправления поезда осталось две минуты), чем она протолкнется к восьмому вагону, придало ей силы, помогло вырваться из потока. Натыкаясь на узлы и чемоданы, лавируя между встречными, она бежала по платформе...

Тепловоз протяжно загудел и мягко тронул состав с места. Ольга стала как вкопанная — опоздала! Мимо плыли зашторенные окна, распахнутые двери тамбуров, кондукторы с желтыми свернутыми флажками.

Нет, она не видела Сергея. Но всем существом чувствовала: он где-то рядом, может быть, в двух шагах.

— Се-ре-жа!

Усатый старик кондуктор в проплывающем мимо вагоне испуганно прикрыл флажком лицо. А потом попятился в глубь тамбура, а из-под его руки вынырнул Сергей, и не успела Ольга опомниться, как он оказался рядом с ней.

— Я хочу... сказать... спасибо за то, что ты есть, слышишь: есть, просто есть, спасибо...

— Сережа!— она обхватила его за шею и стала целовать...

Он бросился вслед уходящему поезду... На самом конце платформы («Не догонит, не догонит»,— прижимая к груди руки, со страхом шептала Ольга) он ловко

вскочил в тамбур последнего вагона и долго, пока его не заслонил встречный поезд, махал ей рукой.

И чтобы не разреветься, она торопливо сбежала с платформы, пересекла вокзальную площадь, села в первый подошедший автобус — ей было все равно куда ехать, только бы не домой.

Отвернувшись к окну, чтобы скрыть от окружающих душившие ее слезы, Ольга думала о том, что Сергей так и не догадался, почему она не согласилась приехать на преддипломную практику в Мугоджары.

— Так надо, Сережа. Так надо, милый. Ну, не сердись, пойми, ей-богу, надо...

— Что значит надо? Что тебе мешает приехать?

Ну разве скажешь ему, что мешает он, что ради него она останется. Мать, едва лишь Ольга намекнула, что поедет на практику в Мугоджары, закатила скандал.

— Кончилось мое терпение! Завтра же иду к Ивану Михайловичу (Иван Михайлович — секретарь обкома партии, отец лечил его, а мать была накоротке с его женою), на коленях буду просить, чтобы он нашел управу на твоего Овражного!

Поздно вечером к ней зашел отец:

— Знаешь, дочка, не связывайся с ней. Перебежит черной кошкой дорогу хорошему парню, запачкает его репутацию... И будет он потом всю жизнь попрекать тебя. Год — срок небольшой. Получишь диплом, а там вольная птица — ищите с Сергеем свою Мать-жилу...

Автобус неожиданно подкатил к дому, в котором Сергей снимал комнатку. Ольга вскочила с места и заспешила к выходу.

«Интересно, ключ он увез с собой или оставил?» — подумала она, направляясь к калитке.

Ключ лежал на своем обычном месте, за стрехой над дверью. Ольга отперла замок, прошла в комнату. Здесь все напоминало о Сергее, словно он вышел на минуту и вот-вот вернется. Ольга забралась с ногами на скрипучий диван, раскрыла книгу.

«А что, если бы сейчас вошел Сергей? Что бы он сказал? И что бы ответила я?»

Придумывая разные варианты вопросов и ответов, Ольга незаметно для себя забылась...

...Лавина камней с грохотом неслась прямо на Сергея. На тесном пятачке негде было укрыться, он сжался в комок, затаил дыхание и... открыл глаза.

Коварма что было мочи колотил руку об руку, оглушительно топал промерзшими сапожищами. Мелкой ажурной стружкой сыпался с потолка кабины колючий иней.

За обмерзшим окном стоял новый день — серый, гудящий, пуржистый.

— Кончай ночевать!— протрубил Коварма.

Сергей облегченно перевел дух, вытянул ноги, разломил плечи. Задеревеневшее тело прошило ледяными иголками.

— Заморозил, в бога мать. Бр-р-р!— передернулся Григорий Степанович.— Включай свою керосинку.

— Отвключалась,— Наянов повернул ключ зажигания, стрелка на щитке приборов, показывающая уровень горючего в баке, даже не шелохнулась, будто ее припаяли к нулю.

— А ты попробуй, попробуй,— настаивал Коварма,— может, и схватит.

— Не берет, пробовал уже,— Максимыч нажал на стартер, мотор вздрогнул, простуженно чихнул и скуляще заскрежетал.

— Дела... Придется, видно, на самообогрев переходить.

Коварма двинул плечом Максимыча, тот влепился в дверцу кабины, а потом всей тяжестью повалился на Сергея.

— Полегче ты,— недовольно заворчал Наянов.

— Чего полегче? Давай двигайся. Сидишь тут, дрожжами торгуешь...

Минут сорок они месили глубокий снег у вездехода. Коварма схватывался бороться то с Максимычем, то с Сергеем, ломал их так, что кости трещали.

— Отпусти, холера,— стонал Наянов,— к твоей бы силе да голову еще!..

Коварма не принимал подковырок, хохотал, гонялся то за одним, то за другим. Наконец, вдоволь надурачившись, он достал паяльную лампу, разогрел консервы, нарезал сало, поделил на троих буханку хлеба.

Только теперь Сергей почувствовал звериный голод. «Куда же все-таки завез нас Максимыч? Ребята, наверно,

уже с ног сбились в поисках.— И, нащупав в нагрудном кармане приказ, подписанный Синеглазовым, подумал:— В партию уже сообщили о моем увольнении? Борзицкий и Синеглазов теперь звонят во все колокола. Как же, избавились. Ведь я для них не только нежелательный, но и вредный элемент. Кость в глотке с самого начала».

Сергей горько усмехнулся, вспомнив первые шаги своей геологической карьеры в Мугоджарах...

...Общее собрание работников экспедиции подходило к концу, когда слово взял главный инженер треста, первый заместитель управляющего Синеглазов.

— Нам стало известно,— он посмотрел на Тулупова,— что кое-кто в вашей экспедиции намеревается снова забивать государственные средства в отработанную Карасуатскую впадину. От имени руководства и партийной организации треста я говорю вам — хватит! Для всех совершенно очевидно, что эта площадь бесперспективна, и мы не позволим транжирить государственные деньги,— Синеглазов подчеркнул последние слова.— В том случае, если это будет делаться без нашего ведома, мы будем вынуждены привлечь виновных к самой строгой партийной и государственной ответственности.— Синеглазов еще несколько секунд постоял на трибуне и с достоинством пошел на свое место в президиуме.

— Слышал, студент?— Лобов толкнул Сергея.— Дела-то дрянь. Колокольчики уже сработали,— и, видимо, заметив отчаяние Овражного, дружески похлопал его по спине.— Ты, главное, не отчаивайся. В случае чего просись ко мне в партию. Может, что и сообразим...

Тулупов тяжело мерил шагами кабинет. Был он не в духе. Широкие лохматые брови насупились.

— Им стало известно... Они не позволят...— отрывисто бросал он, посасывая трубку.— Вот оно как в жизни получается: мы с тобой еще и двумя словами не успели перекинуться насчет впадины, а информаторы уже оповестили. Шустряки, ничего не скажешь. Вынуждены будут привлечь к ответственности... Знаем...

В прошлом году Тулупову за то, что он после долгих и безуспешных поисков разрешил купить за наличный расчет в рабкоопе стекло и олифу для ремонта бараков

в Берликской партии, объявили строгий выговор с последним предупреждением.

— Так уж повелось, отвечает тот, кто рискует и дело делает... Бездельника и трепача к ответу не призовешь — не за что. Они всегда в середняках — не плохие и не хорошие. Удобно... Спокойно... Выгодно...

Тулупов, видно, забыл о Сергее и размышлял вслух. Сергею стало неудобно.

— Михаил Иванович, направьте меня, если можно, на любую должность, но только в партию Лобова,— напомнил он о себе.

— Именно туда я и хотел тебя направить. Давай оформляйся геологом и помни — уговор наш в силе. Но выждать малость придется...

Месяц прошел незаметно. За работой Сергей забывался, благо работы хватало, но нет-нет да и всплывала в памяти Карасуатская впадина.

И Тулупов, и Лобов упорно отмалчивались.

«Да и кому охота,— думал Сергей,— наживать неприятности?»

С каждым днем ему казалось, что мечта отодвигается все дальше и дальше. И когда он уже почти потерял надежду и решил обо всех своих неприятностях рассказать в письме Ольге, в палатку к нему заглянул Лобов.

— Ты минут через десяток забеги ко мне, дело есть.

В конторке кроме Андрея сидел Коварма.

— Начнем с тебя, Григорий Степанович,— заговорил Лобов, едва Сергей пристроился на скрипучей лавке.— Надо скоренько проколоть на двадцать пять-тридцать метров в двух-трех местах Карасуатскую впадину. Как ты на это смотришь?

— Запросто,— отозвался Коварма.

— Ясно. При одном условии: никто — ни в партии, ни в экспедиции — не должен знать, что мы там бурим. Иначе с меня голову снимут, а с него,—Лобов указал глазами на Сергея,— штаны, а с тебя прогрессивку.

— Это, Андрей Маркыч, Коварме не подходит,— Григорий Степанович швырнул в угол окурок.— На прогрессивку я обещал Клавке кофту купить...

— С Клавкой, Григорий Степанович, пора закругляться. Ну, что ты в самом деле, у тебя уже дочери невесты. Есть такая думка, что руда, которую мы здесь ищем, там лежит, понимаешь?

— Что ж ты раньше молчал?— загорелся Коварма.— Если так, хрен с ней, с прогрессивкой. Когда выезжать?

— Завтра на планерке я объявлю,— начал вводить его Лобов в свой замысел,— что вы с Овражным приступаете к разбуриванию Тасбулакской площади. А поскольку это самый дальний участок, то ты, Григорий Степанович, скажешь, что тебе нужно проверить станок, запастись горючим, продуктами и т. д. Я для виду буду нажимать, но ты не сдавайся. Короче, завтра делаешь полную профилактику самоходке, берешь все необходимое, там я приготовил тебе из НЗ пару алмазных коронок, не забудь. И в ночь в путь, прямо к Султану. А с утра начнете. Но больше чем на десять-пятнадцать дней не рассчитывайте, это предел...

Сергей долго подыскивал место для первой скважины. Султан ходил за ним тенью:

— Зачем, сынок, новую бурить будешь?— наконец обратился он к Овражному.— Пускай в старую скважину, хорошо пойдет.

— А ведь это идея, аксакал. Вы знаете, где они?

— Как не знать. Конешно, знаем. Айда за мной.

Старик привел его к тем скважинам, которые четыре года назад пытались пробурить, но так и не пробурили.

Коварма подогнал самоходку, установил ее на лапы и запустил мотор. Снаряд провалился сразу на шесть метров. Первый керн — дымчатые диабазы. Станок работал на славу, снаряд на глазах уходил вглубь.

— Везет нам, Митрич — посмеивался довольный Коварма,— видать, на разлом попали.

Сергей вспомнил профессора Иванова и его тектоническую теорию.

— Видишь, как чешет, уже на четырнадцатый метр пошли. Такими темпами в два счета до Америки добуриться можно.

Но к вечеру темпы упали. Снаряд заелозил на месте, будто забуксовал.

Коварма пробовал прибавлять обороты — мотор не тянул, глох. За два последних часа прошли всего-навсего пять сантиметров. Сергей приуныл. Этак за десятидневку и до двадцати метров не доберешься, а руда, по всем подсчетам, была где-то за двадцатью пятью.

«Если бы ближе, то ее непременно бы подцепили той скважиной, которая дошла до плановой отметки»,— думал он, укладываясь спать в горнице у Султана.

Смущали его и дымчатые диабазы, они, как известно, не содержат меди.

«А может быть, это просто-напросто покрывало, экранирующий слой?»— мелькнуло в голове, и он провалился в тяжелый сон.

Весь следующий день снаряд гулял по диабазам. Сергей внимательно рассматривал керн, ища в нем хотя бы малейшие вкрапины халько пирита. Халько пирита не было.

Перед самым заходом солнца он отправился к Султану выпить чашку кумыса.

— Не нашел?— поинтересовался старик.

Сергей покачал головой.

— Будет,— заверил тот.

Сергей маленькими глоточками пил кумыс, растягивая удовольствие. Гудели от усталости руки и ноги. Ничего удивительного, наломался с непривычки.

«Часа через два пошабашим»,— решил он, поднимаясь с кошмы.

Дверь с грохотом распахнулась.

— Митрич! Пляши, руда!— заорал Коварма, сияя от счастья.

Сергей выхватил из его рук обломок керна и впился в него глазами. В зеленовато-желтом плотном столбике явно проглядывали тонкие, словно кровеносные сосуды, прожилки порфиритов.

Да, это была руда! Самый настоящий медный колчедан, чем-то отдаленно напоминающий паюсную икру, только не черного, а золотистого цвета.

— Ура!— в тон Коварме заорал Сергей и повис у него на шее. Он целовал его в колючую щеку. Коварма хохотал, отбивался.

Наконец, немного успокоившись, они уселись на кошме и закурили.

— Пусть аксакал мчит к Лобову,— предложил Коварма.

— Э-э нет, подождем чуток,— остудил его пыл Овражный.— А может, этой самой руды кот наплакал?

— Зачем так говоришь?— обиделся Султан.— Джез коп, оте коп[1].

---

[1] Меди много, очень много *(каз.)*.

Андрей примчался в полдень и сразу к ящику с керном. Долго ласкал обломок керна в руке, прищелкивая языком, и не мог от радости выговорить слова.

— Чего молчишь?— не вытерпел Сергей.— Что теперь будем делать?

— Какой метр по руде шуруете?— спросил Лобов.

— Седьмой...

— Вот это да! Ну, студент, памятник тебе поставить надо. Грузи весь керн в машину и к Деду.

В кабинете у Тулупова шло совещание.

— Танюша! Я вас категорически приветствую...

— Тише, Андрей!— замахала на него руками секретарша.

— Выручишь, Татьянка?— продолжал шепотом Лобов.— Я сейчас пару слов чиркну Михаилу Ивановичу, передашь?

— Ты же знаешь, не любит он этого. Ругаться будет.

— Нет, сегодня не будет. Точно тебе говорю.

Секретарша покрутила в руках записку и нерешительно вошла в кабинет. Вернувшись через минуту, она сказала:

— Что ты ему там написал, прямо на глазах расцвел наш Дед?

— Секрет фирмы, Танюша,— усмехнулся Лобов и вошел в кабинет.

Сергей подхватил ящик с керном и бросился за товарищем.

— Извините, Михаил Иванович,— Лобов взял из рук Овражного ящик и поставил его на стол начальника экспедиции.— Руда!

Руда! Это волшебное слово подняло всех с мест, каждому непременно хотелось подержать в руках плотные столбики керна.

— Какая скважина подцепила?— первым пришел в себя Борзицкий.— Шестьсот вторая?

— Нет, первая.— Лобов смерил Борзицкого взглядом с головы до пят.— Самая первая, та, которую вы не добурили на Карасуатской впадине...

Борзицкий побледнел. Бросил керн в ящик, точно ожег пальцы.

— Семь метров по руде прошли,— продолжал пояснять Лобов,— а конца ее пока что не видно.

Тулупов вышел из-за стола, неуклюже, по-медвежьи сдавил в объятиях Овражного, шепнул на ухо: «Молодчина. Поздравляю». Затем крепко обнял Лобова...

...Рано утром приземлился вертолет. Первым соскочил на землю Амиров, сухощавый коренастый казах, с узкими острыми глазами и совершенно белой головой.

— Где находка?— заговорил он с легким акцентом, пожимая поочередно всем встречающим руки.

Управляющий трестом долго любовался керном, рассматривал его под лупой, вертел и так и сяк.

— Ты прав, Михаил Иванович,— наконец обратился он к Тулупову,— редкая руда. По содержанию должна быть богатейшая. А где же самовольщики-первооткрыватели?

— Вот, знакомьтесь.

Амиров еще раз крепко пожал руки Овражному и Лобову.

— Да, Михаил Иванович, ты спрашивал, что с ними делать?— проговорил он.— На первый раз, я думаю, по окладу обоим из фонда, а там посмотрим.

— Булат Амирович, так нас трое,— подал голос Лобов.

— Ах да. Бурильщику дадим два среднемесячных. А теперь поехали на место. Сам хочу керн достать на память...

Три дня провел Амиров в Карасуатской впадине. Раз пять в день он наведывался к геофизикам, которые появились вслед за ним и теперь круглосуточно вели «стрельбу», покрывая геофизической съемкой то одну, то другую площадь, поторапливал их.

И как только геофизики представили первое заключение о наличии рудной аномалии, Амиров дал команду перегнать сюда три станка ЗИФ-350 из Джаман-Кайрактинской партии. По его просьбе были подняты все старые отчеты, и по вечерам он вместе с Тулуповым, Синеглазовым и Борзицким определял места закладки скважин.

Михаил Иванович предложил сформировать здесь новую поисково-разведочную партию. Амиров горячо ухватился за эту идею.

— Техники мы вам подбросим,— пообещал он.— Днями подходят новые станки ЗИФ-500, мощные машины. Мы планировали кинуть их в Каратобинскую экспедицию. Ну, а коли живая руда объявилась здесь, выделим для вас еще два-три станка. Да три с Джаман-Кайракты на днях подойдет, на первый раз, я думаю, достаточно. А как с кадрами будет?— спросил он Тулупова.

— Технический персонал у нас есть,— ответил Михаил Иванович.— Потрясем другие партии, там сплошь и рядом отличные мастера. А вот с инженерами-геологами не густо, почти всюду недокомплект. Да и начальника партии я на сегодня не вижу.

— С геологами, говоришь?— Булат Амирович задумался.— Да, это проблема.— Он покусал тонкие губы.— А если так. На первых порах здесь одного геолога хватит. Ставим старшим геологом партии Овражного.

— Но он же, Булат Амирович,— вмешался в разговор Синеглазов,— только со студенческой скамьи. Практики никакой, а работа здесь предстоит сложная.

— Вот пусть и набирается практики. Не боги горшки обжигают. Решено. А кого же в начальники? Может, Лобова? Парень он энергичный.

— Это невозможно, Булат Амирович,— горячо запротестовал Борзицкий.— Мне думается, что мы не станем в ущерб Джаман-Кайрактинской партии создавать новую. Я вообще против этого дела: та партия стабильная, проверенная, она бы могла с успехом обработать и эту площадь.

— Нет, Валерий Павлович, так не будет,— возразил Амиров.— Я считаю, что здесь должна вести поиски самостоятельная партия. Три года мы копаемся на тех площадях, и пока ничего. Если и этот сезон окончится безрезультатно, то с будущего года мы перебросим все силы сюда. Здесь руда налицо. Семнадцать метров прошли по руде — это вам не фунт изюма. А начальника партии найдем.

— Возможно, Баркина сюда перебросим?— предложил Синеглазов.

— Нет уж, избавьте,— решительно возразил ему Тулупов.

— Не будем спорить. О кандидатуре начальника мы подумаем.— Амиров дал понять, что разговор на эту тему окончен.— Тебе, Михаил Иванович, нужно не откладывая готовить предложения. И в первую очередь срочно решать вопрос со строительством здесь времянок и производственной базы. Без этого зимою мы не сможем вести разведку. Овражному,— Амиров уперся взглядом в Сергея,— двадцать третьего представить в трест самый подробный отчет об истории открытия. И еще одна просьба ко всем,— он чуточку помедлил,— пока о находке никому ни слова. Нужно самим хотя бы ориентировочно убедиться, что мы здесь подсекли.

В последнее время Борзицкий стал уделять Сергею самое пристальное внимание. Он заглядывал в кабинет, где Овражный трудился над отчетом, интересовался, как идут дела.

— Вы не стесняйтесь, Сергей Дмитриевич, заходите ко мне. Если нужно, можем посадить к вам на подмогу из любого отдела. Сам когда-то начинал, знаю, как это нелегко — писать первый отчет.

— Спасибо, Валерий Павлович.

— Мои консультации потребуются — и я к вашим услугам...

Чаще других забегал к нему начальник отдела кадров Стахов.

— Потеешь?.. Везет же людям!— не скрывал зависти Стахов.— Предшественников своих небось насмерть разделал?

— Зачем же?

— Вот именно незачем, Сергей Дмитриевич. Ведь в принципе ни специалисты академии, ни Валерий Павлович Борзицкий не отрицали наличия меди на Карасуатских площадях.

— Конечно,— соглашался Сергей.

— А раз так, то я бы на твоем месте справедливости ради обязательно подчеркнул бы это в отчете.

— Можно и подчеркнуть.

— Вот-вот, подчеркни. Найти — это еще полдела, главное — сделать месторождение.

Наконец отчет был готов. Сергей внимательно вычитал его после машинки и понес на просмотр к Тулупову. Михаил Иванович усадил его против себя, покряхтел и принялся за чтение. Сергей наблюдал за выражением его лица и потихоньку радовался: было видно, что отчет Деду нравится. Но вдруг Тулупов жирно подчеркнул карандашом два абзаца:

— Угодничаете, молодой человек,— и гневно глянул на Сергея.

— В чем дело, Михаил Иванович?

— Будто сами не знаете! «О наличии меди в Карасуатской впадине,— прочитал он с издевкой,— указывали в своих отчетах»... Указывали? А какого же рожна они не искали ее, почему положили крест на впадине? А вы их в первооткрыватели тащите.

— Михаил Иванович!

— Короче, так: убирай эту ложь! И вместо нее скажи, как было. И еще. Почему же ты о старом Султане

забыл? Нехорошо. Его роль в открытии отметь непременио.

Когда Сергей пришел с отчетом вторично, в кабинете Тулупова сидел Борзицкий. Был он зол, холодно гляиул на вошедшего Сергея и торопливо иаправился к выходу.

— Сердиться изволит,— посмеивался Тулупов.— Спал и видел себя в первооткрывателях, а тут не вышло.

Он тщательно прочитал отчет, подписал его и вызвал секретаршу:

— Отправьте сегодня же.

«Вот так я и нажил себе врагов в лице Синеглазова, Борзицкого и иже с иими,— думал Сергей, сидя в нахолодавшем, заиндевевшем вездеходе, посреди метельной степи.— С этого дня и началось...»

ГЛАВА ШЕСТАЯ

...Начальником партии все-таки иазначили Баркина. Толстый, неповоротливый, с вечно лоснящимися жирными губами, он не спешил вникать в дела, по целым дням слонялся с фотоаппаратом по окрестностям, по ночам проявлял пленки, а потом отсыпался. В геологии смыслил мало, нередко путался в элементарных вопросах. Говорил медленно, подолгу катал слова во рту.

Андрей Лобов предупреждал при встречах Сергея:

— Этого субчика тебе Синеглазов не случайно подсунул. Не было еще такой партии, где бы Баркин не развалил дело.

— Слушай, на кой шут его вообще держат?— возмущался Сергей.

— Умеет иачальству угодить. Запечатлеть его на память иа лоне природы. Рыбалочку, охоту организовать. Сам, если потребуется, вместо утки под пулю встанет,— на избитом оспой лице Лобова появлялась презрительная мина.— Словом, темный мужичок, гаденький. Так что, держись...

Легко это сказать: держись. Собранный из разных партий коллектив сживался трудно. Подчас из-за пустяков вспыхивали ссоры. Аварии на буровых из-за недосмотра и безответственности вошли чуть ли не в систему, план бурения изо дня в день не выполнялся. Строительство общежития и временной производствеииой базы, без которой и думать иечего о разведке в зимиих

условнях, затягивалось. Задержка со стройматерналами стала хроннческой, нанятая на стороне брнгада щабашннков то н дело простаивала и требовала расчета.

Временамн Сергею казалось, что он угоднл в гнгантскую бетономешалку, и нет ннкакой возможности нз нее выбраться. А тут еще письма Ольги...

Она то просила напнсать ей длинное-предлинное пнсьмо, на что он ответнл короткой запнской на обороте подвернувшегося под руку бланка: «Нашел Мать-жнлу. Кручусь волчком. Целую, мнлая»,— то требовала, чтобы он непременно приехал, н тогда Сергей просил Володькураднста отбнть два слова: «Не могу».

В редкне свободные мннуты он пытался напнсать ей обстоятельное письмо, но на второй нли третьей фразе его непременно перебнвали, прнходилось откладывать до другого раза, а другого раза просто не было.

Для него стало прнвычным засыпать в кабнне машнны, пока она шла от одной буровой до другой, завтракать вечером, а обедать с буровнкамн на рассвете, писать, подсчитывать в уме н отвечать на вопросы одновременно. За какне-то полтора месяца он исхудал до неузнаваемостн, зарос жесткой черно-бурой бородой, глаза ввалнлись.

А тут еще Баркин. После того как Баркин укатнл однажды на водовозке на охоту н без воды простояли почти суткн буровые на 13 и 17 скважннах, Сергей разругался с ннм окончательно, дал в экспеднцию раднограмму.

Тулупов потребовал Баркнна к себе. Вернулся тот темнее тучн, долго смотрел на Сергея бессмысленным взглядом, а потом с трудом закатал во рту голышн слов:

— ...искалншь значн...— Сергей перевел для себя: «Фискалишь, значнт»,— ...у гльдн, пожалет.. бы не прншло... «Ну, гляди, пожалеть бы не пришлось»,— догадался Овражный.

— Посмотрнм!— Сергей вышел из палаткн начальннка партнн.

...В тот вечер Сергей решил бросить все дела, вывеснл даже на двери палатки лоскут бумагн, на котором крупно начертил: «Хоть час не входнте! Занят!!!»— и засел за письмо.

Последнее письмо Ольгн показалось ему сухим и равнодушным, будто напнсано под чью-то днктовку. Не

было в нем обычных «большой мой», «жаднющий», «кашалапый».

«Ладно, милая, не сердись,— от этих слов стало так светло на душе, что он даже прикрыл глаза,— сейчас я тебе напишу все, все про нашу Мать-жилу...»

В палатке мягко звучала музыка.

Сколько безудержных горячих слов накопилось в душе! Странички тетради легко покрывались строчками, мысли рождались непринужденно.

Неожиданно в палатку ворвался буровой мастер Никита Хайбоша.

— Беда, Сергей,— Хайбоша достал из объемистого кармана рабочей куртки алмазную коронку.— Порода зверь, не терпит алмаз. Смотри вот, крошится,— указал пальцем выщерблинку на коронке.— Остался кусочек матрицы в забое. Поедем, посмотрим, что будем делать.

До самого утра пытались ликвидировать аварию. Спускали в скважину магнит — не взял. Пытались раздавить оставшийся в забое кусочек матрицы долотом — безуспешно. Летела резьба, обрывались штанги, на «поимку» которых требовалось немалое время. При очередном обрыве, когда на востоке уже зарумянилась заря, Сергей разбудил спавшего в кабине водовозки шофера и поехал в лагерь. Со слипающимися глазами ввалился в свою палатку, ухнул не раздеваясь на раскладушку.

«А где же письмо?»— пошарил он безразличным взглядом по столу и провалился в тяжелый сон.

Проснувшись, Сергей вспомнил о письме. На столе его не было. Куда могла деться тетрадь? Перерыл все в палатке — нет, как провалилась.

«Что за чертовщина?— думал он.— Неужели я утерял ее где-то в суматохе? Да нет же. Она оставалась на столе. И ручка была. Ручка здесь, а где же тетрадь?»

Сергей все отчетливее чувствовал, как тело его раздается ввысь и вширь, наливается каменистой тяжестью. Усилием воли он стряхивал с себя это необычное состояние, но оно тут же наваливалось снова.

— Хорошего понемножку... Померзли и хватит. Вылазь!— скомандовал Коварма.

Наянов открыл дверцу и нырнул в белое месиво.

— Идем, Митрич, костер разводить.

Коварма вручил Максимычу огромную лопату, из тех, что в народе называют «бери больше, кидай даль-

ше», и заставил его разгребать снег с подветренной стороны вездехода.

— Давай, давай,— поторапливал он Наянова,— это тебе не буги-вуги зубами откалывать.

А сам забрался в кузов тягача, выкатил из глубины его деревянный бочонок с солидолом.

— Куда ты его?— спросил Максимыч.

— На шашлык, куда же еще?

— Постой! На буровых же ни грамма солидола нет.

— Будем мы, и солидол будет.— Коварма пихнул бочонок в снег, одним махом раскурочил ящик с запасными частями.— Держи, Митрич,— подал он Сергею охапку дощечек.— Разжигай костер!

И принялся крушить длинное деревянное сидение вездехода.

Сухие чурки, обмазанные солидолом, горели жарко. К костру невозможно было подступиться. Палило на руках кожу, а пальцы все так же не повиновались: коробилась, дымилась одежда, а холодящий озноб не покидал тело. Коварма, поминая всех святых, набросал в погнутое ведро горящих головешек и, утопая в нанесенных вокруг вездехода сугробах, потащил его в кабину.

— Брось баловать, сожжешь машину,— пустил ему вдогонку Максимыч.

— Бабушку свою учить будешь,— отозвался Григорий Степанович.

Вернулся он с тремя банками тушенки и буханкой хлеба. Банки побросал в костер, а хлеб кинул на лопату и сунул ее в пламя. Через несколько минут банки начали стрелять. Наянов выкатывал их, Сергей открывал.

Стало наконец жарко. Развязали шапки, распахнули куртки. Пристроились на баллонах вокруг костра. Ели не спеша, с аппетитом. И если бы не ветер, можно было бы еще продлить удовольствие. Расправившись с мясом, в тех же банках накипятили снегу. Пили обжигаясь, долго. Нет ничего вкуснее и живительнее кипятка на морозе!

В кабине было тепло и угарно. Открыли на секунду дверцы, и ветер выхватил смрад. Сергея потянуло в сон. Он закрыл глаза. Снилась ему какая-то несуразица: то он пытался пролезть между двух камней, извивался ящерицей, раздирал в кровь локти, больно обдирал бока, а зачем — непонятно; то бежал, задыхаясь, за машиной, которая пылила где-то у самого горизонта; то со всех сторон одновременно на него смотрели глаза — си-

ние-пресиние, с поволокой, такие знакомые... Но чьи они? Чьи? Так и не отгадав, чьи это глаза, он проснулся.

...Она приехала в тот самый момент, когда Коварма — везучий человек!— примчался с первым после аварии на буровой Никиты Хайбоши керном. То, что не могли сделать за сутки, он каким-то чудом провернул за три часа.

Девушка в пропыленных бриджах легко выпорхнула из кабины-вездехода, заложила руки за голову, потянулась, смахнула пестрой косынкой пыль с лица.

— А красота-то у вас здесь какая, Максимыч!

— Ага,— отозвался Наянов, копаясь в моторе.

Сергей, провожавший Лобова, осекся на полуслове, остолбенел: в жизни не видел девушки такой красоты!

— Ну, студент,— перехватив его взгляд, усмехнулся Лобов,— еще одна петля на твою шею.

Девушка, набросив на плечи косынку, решительно направилась к ним.

— Здравствуй, Андрюша,— заговорила она радостно глуховатым, приятным голосом.— Ты-то как здесь оказался?— Протянула Лобову руку и, не дожидаясь ответа, перевела взгляд на Овражного.— А это, наверное, мой новый начальник? У-у-у, какой страшный,— надула она щеки.— Борода вам, Сереженька, не идет, сбрейте сегодня же.

Сергей нахмурился и грубовато отрубил:

— Во-первых, я вам не Сереженька — это на будущее запомните. Во-вторых, приберегите ваши полезные советы для других...

Девушка смутилась. Молча достала направление и протянула его Овражному.

«Нина Александровна Белова,— прочитал Сергей,— направляется в Карасуатскую геологоразведочную партию младшим геологом». Внизу стояли размашистая подпись Тулупова и число.

— Вот вам палатка,— Сергей указал на соседнюю со своей палатку,— там у нас, правда, временное кернохранилище, но места хватит. Раскладушка есть, спальный мешок и все прочее, надеюсь, вы прихватили?

Сергей пытался говорить официальным тоном и чувствовал, что у него это плохо получается.

— Сегодня устраивайтесь, отдыхайте, а завтра приступите к работе. Максимыч!— обратился он к продол-

жавшему копаться в моторе Наянову.— Помоги, пожалуйста, Нине Александровне устроиться.

— Благодарю,— холодно кивнула Белова и скрылась в палатке.

Лобов хлопнул Сергея по плечу, нырнул в свой запыленный газик и укатил.

Сергея, как обычно, закружила повседневка.

У строителей был на исходе цемент, а отправленный еще утром на базу самосвал до сих пор не возвращался. «Надо запросить радиограммой, в чем дело?»— пометил Овражный в своей записной книжке. Повариха тетя Маша сообщила, что крупы осталось на одно варево.

«Вечно у нее так, доведет, будто раньше не могла предупредить»,— думал Сергей, делая в книжке новую пометку.

«Вчера что-то забарахлила электростанция, сидели весь вечер без света»,— еще пометка.

А когда Володька включал рацию и выходил на связь с экспедицией, Сергей сидел тут же, перечитывал поступающие радиограммы, писал на обрывках бумаги свои ответы, которые радист отстукивал в эфир. После радиосеанса ехал по буровым и, вернувшись, как всегда, далеко за полночь, сваливался на раскладушку.

...Будильник затрещал ровно в шесть. Сергей легонько стукнул его по «затылку» и поднялся. Прихватив полотенце и мыло, он отправился на речку.

Обогнув скалу, он увидел Нину. Она стояла на самом краю уступа. Сергей вдруг мысленно поставил рядом с ней Ольгу.

— Доброе утро, Нина Александровна!— окликнул он ее, не чувствуя в душе недавнего волнения.

Она повернула к нему лицо, улыбнулась.

— Здравствуйте, Сергей!— и тут же, видно, вспомнив вчерашнее, смешно надула губы, насупила брови.— Давай, Сергей, с тобой договоримся раз и навсегда. Называть меня по имени и отчеству я тебе запрещаю. Это раз.— Она явно копировала его вчерашнюю интонацию.— Называть тебя на «вы» и по отчеству — тоже не буду. Это два. А в-третьих, сколько тебе лет?

— Какое это имеет значение?— попробовал отшутиться Сергей.

— Имеет. Так сколько же?— настаивала она.

— Двадцать пять.

— А мне двадцать два. Как видишь, разница невеликая. А если вспомнить Лермонтова, помнишь? «Сем-

надцатилетняя девушка,— говорил он,— гораздо благоразумнее двадцатипятилетнего мужчины».— И решительно закончила:— Так что ты для меня Сергей, а я для тебя — Нина. Договорились?

— Допустим.

— А теперь последнее. За вчерашнюю фамильярность прости. У нас с Андреем старые счеты — просто хотелось подурачить его.

Сергей расшнуровал кеды, разделся, выждал, пока образуется новая воронка, и кинулся прямо в центр её. Стремительная сила подхватила его и стала закручивать в глубину, а он вырвался из воронки и вынырнул далеко у противоположного берега.

Первое, что он увидел,— готовую к прыжку Нину. При его появлении она отпрянула от свисающего серой громадой уступа.

— Сумасшедший!— сердито крикнула она.— Все порядочные люди занимаются самоубийством без свидетелей.— И пошла, не оглядываясь, по тропинке.

Октябрь зачастил дождями. Серенькие беспросветные тучи плотно занавесили небо, повисли над самой землей и вот уже вторую неделю неустанно пересевали мелкую колючую изморозь. Набухла, отяжелела земля, умылись горы, помчались по балкам и оврагам бесшабашные ручьи, вздулась, освирепела река.

Овражный на чем свет стоит клял погоду. Водовозки и бензовозы не могли пробиться по раскисшим дорогам к буровым. Тягач не успевал обслуживать бригады всем необходимым, хотя Наянов сутками не выпускал из рук баранки.

Посланные три дня назад из экспедиции два трактора на подмогу до сих пор не появлялись, видно, где-то сели по дороге. Общежитие все еще не было готовым (застряли вместе с тракторами окна и двери), и люди мерзли в промокших летних палатках. Продукты были на исходе. Сергей уже дал команду тете Маше, чтобы она до минимума урезала порции. Буровики ворчали.

«Ничего, перетерпят,— думал Сергей, возвращаясь поздно вечером пешком с пятнадцатой буровой.— Посылать Максимыча за продуктами все равно не буду, встанут без него все станки, и вылетит в трубу план бурения. Придут же наконец эти чертовы тракторы...»

Ветер сначала легонько мазнул его сырой лапой по

щеке, потом хлестнул больнее и вдруг, будто разогнавшись, так толкнул в грудь, что он едва не опрокинулся навзничь.

«Только этого еще не хватало...»— и не успел до конца додумать свою мысль, как сорвавшийся ураган захлестнул горы.

Инстинктивно чувствуя, что ему не устоять против взбесившейся стихии, Овражный пластом бросился на грязную землю и закрыл руками уши.

Ураган продолжался не более двух-трех минут, ветер стих так же неожиданно, как и начался.

Когда Сергей поднял голову, то увидел над собой разодранные в клочья тучи и среди них, словно капли на стекле, чистые омытые дождем звезды.

В лагере царил переполох. Часть палаток слизнуло ураганным ветром. Нина сидела в его палатке за столом, дула, как маленькая, на оцарапанную руку и плакала. У входа стояла ее сложенная раскладушка, рядом чемодан и спальный мешок.

— Ай-ай-ай! Такая большая и плачет,— пошутил невесело Сергей.— И не стыдно?

— Нет, не стыдно. Где я теперь ночевать буду?

— У меня... А потом что-нибудь придумаем,— успокоил ее Сергей.

Он придвинул свою раскладушку вплотную к набухшей стенке, с трудом втиснул рядом раскладушку Нины.

— Устраивайся, я покурю,— и вышел на улицу...

Когда он вернулся, Нина спала, или, скорее всего, притворилась спящей. Не глядя на нее, он потушил свет, осторожно перебрался через ее раскладушку и нырнул в свой спальный мешок.

Поводов для торжества и праздничного ужина было достаточно. Седьмое ноября: впервые партия выполнила месячный план бурения; перебрались из холодных палаток в новое общежитие; и, наконец, студенты Ильин и Ким закончили практику и завтра отправлялись в институт. Овражный разрешил Максимычу и Коварме добыть «горючего», а тете Маше, приставив к ней на помощь Нину, заказал ужин.

Коварма, в новой рубахе и отутюженных брюках, командовал «парадом».

— Куда ты, разиня, рыбу прячешь?— покрикивал он на тетю Машу.— Она ведь первая закуска.

— Да некуда макароны поставить, Григорий Степанович,— оправдывалась та.

— Тащи долгоногих назад, без них обойдемся.

Окинув в последний раз хозяйским взглядом, все ли на месте, он остался доволен.

— Ты, значит, Михалыч, сюда садись,— и, хлопнув дергавшего его за рукав маленького Ванятку, внучонка поварихи, беззлобно заворчал:— Да погоди ты, сейчас и тебя пристрою.

— Мы, чур, с Ниной Александровной,— в один голос заявили Ильин и Ким.

— Стоп! Стоп!— придержал их Коварма.— Эти места заняты до самого Тифлиса. Все мы уже сидели рядом с Лександровной, а сегодня Митрича и Ванятку тут посадим. Их очередь.

— Григорий Степанович,— окликнул его Сергей.— Я охотно уступаю свое место ребятам. Они сегодня у нас на особом положении, ведь завтра мы их провожаем.

— Э-э-э, нет,— уперся Коварма.— Обществом решено и проголосовано. Садись, Митрич!— Он поискал кого-то глазами.— Слышь, что ли, Сидорыч,— обратился он к Баркину, на груди которого висел фотоаппарат,— ты уж, пожалуйста, сымай, смотри, как следует, так, чтобы память была...

Вечер прошел славно. Много пели, шутили, дурачились, плясали. Разошлись далеко за полночь.

Сергей не стал включать свет. Прошел к тумбочке, взял с нее маленький портрет Ольги, сел на скрипучую раскладушку и долго при свете луны рассматривал ее лицо...

Тулупов, не предупреждая, приехал рано утром. Сергей собрался на буровые, когда увидел приткнувшийся к электростанции заляпанный грязью газик и самого Тулупова, не спеша прогуливающегося по прихваченной первым серебристым морозцем траве.

— Михаил Иванович, что ж вы так? Хоть бы предупредили...

— Понимаешь, какое дело,— начал оправдываться Тулупов, пожимая Сергею руку,— не собирался я к вам вовсе. Если по-честному, то даже и думки такой не было. Да что-то ночь сегодня какая-то взбалмошная получи-

лась. Ворочался, ворочался — не усну. Вот и решил прогуляться, степью подышать, от бумажек хоть на денек избавиться. Хорошо тут у вас, просторно... Старею, Сергей Дмитриевич, старею,— вздохнул он,— оттого, видать, и не спится, оттого и в степь тянет.

Из дверей общежития выглянула Нина. Увидев Тулупова, она вприпрыжку бросилась к нему.

— Михаил Иванович! Какими судьбами? Здравствуйте.

— А-а-а, Нинуля,— Тулупов по-отцовски расцеловал ее в обе щеки.— Как ты тут? Эта гвардия,— он скосил хитровато глаза на Сергея,— тебя не обижает?

— Да что вы, Михаил Иванович!— зарделась Нина.— Я сама семерых обижу.

— Правильно. С ними только так и не иначе. А в случае чего,— он подмигнул Нине,— шепни мне на ушко, я им покажу макаркиных телят...— Тулупов круто повернулся к Сергею и огорошил его неожиданным вопросом:— Как же это так получается, Сергей Дмитриевич, одна у вас дивчина в партии, и вы ее не бережете?

— Почему не бережем?— не понял Сергей.

— А потому и не бережете. Тебе, скажем, сам бог велел вставать чуть свет, а ее с какой стати такую рань поднял?

— Да никто меня не поднимал, Михаил Иванович,— горячо вступилась Нина.— Просто-напросто дел у нас много, никак не успеваем, вот и приходится вставать ни свет ни заря. Это уже вошло в привычку.

— Так... Так... В привычку, значит. А где же в таком разе Баркин? Подчиненные на ногах, а начальства я что-то не вижу, или у него дела нет?

— Баркин наш профсоюз уважает,— улыбнулась Нина.— Его раньше девяти не увидите.

— Ясно... Вы его приберегайте,— горько пошутил Тулупов,— а то не дай бог мужик надорвется, беды потом не оберемся... Что молчите — выкладывайте, как тут у вас и что?

— Туго, Михаил Иванович.

— Знаю. А ты как хотел? Начинать на пустом месте всегда туго. Но вы молодцы, месячный по бурению выполнили. Со скрежетом, наверное?

— Больше чем со скрежетом,— заметил Сергей.

— Не скромничай, Сергей Дмитриевич, не люблю. Главное есть, и ты это знаешь: коллектив родился. Понимаю, не терпится: и то хочется, и это позарез надо, а

возможностей — кот наплакал.— Тулупов сдвинул на затылок шапку и поскреб мизинцем лысину.

— Да какие тут возможности!— загорелся Сергей.— Вы вот обвинили нас, что не бережем Нину. Так дайте наконец нам человека на камералку.

— Легко сказать — дайте. А где его взять, ты не подскажешь? Давай вот посчитаем с тобой: в экспедиции десять партий,— для убедительности Михаил Иванович поднял на уровень груди обе руки.— За два года к нам направили,— он загнул три пальца,— всего трех геологов, а ну-ка, попробуйподели, если почти все партии неукомплектованы?

— А как насчет кернохранилища?— поинтересовался Сергей.— Тоже все в тумане — ни денег, ни проекта.

— Вот тут ты ошибся,— повеселел Тулупов.— Этот вопрос прояснился, сам Булат Амирович нажал — проект готов, деньги выделены, днями начнем завозить материалы. С мастерской, правда, пока не все увязано, но надежды на увязку есть.

— Может быть, пока суть да дело, подбросите нам хоть один токарный станок?— попросил Сергей.— Замучились мы с этой рухлядью.

— Токарный? Постой-ка,— прикинул Тулупов.— Ага. Что-то на подходе у нас есть, подбросим, пожалуй. А сейчас, как и запланировано, по буровым...

Солнце карабкалось из-за увала. Косые лучи его румянили бродячее облачко, тонули в пучине темно-синего бездонного неба. Степь в первом инее горела фейерверком, слепила. Тулупов молча вел машину. Некрасивое грубоватое лицо его похорошело.

— А ведь половине человечества,— заговорил он в печальной задумчивости,— не суждено видеть всей этой земной красоты. Представляешь, проживет человек целый век в каменном мешке. За всю жизнь так и ни разу не увидит толком настоящего восхода, траву в серебре, не услышит жаворонка. Страшно, правда?

Подъехали к буровой Ковармы. Григорий Степанович в распахнутой телогрейке, забрызганных рыжей грязью брюках и огромных растоптанных «кирзачах» стоял привалившись к косяку открытой двери и тоже, видно, любовался восходом. За басовитым рокотом работающего станка он не расслышал шума подъезжающего газика и вскинулся лишь тогда, когда Тулупов резко засигналил.

— Дремлешь, Григорий Степанович?— пошутил Тулупов.

— Ага. Пригрелся, как кот на солнышке, и дремлю,— в тон ему ответил Коварма.

— Как она, жизнь молодая, ни в кого здесь еще не влюбился?

— Шутник ты, Иваныч. В кого ж прикажешь Коварме влюбляться, разве вот в нее?— он похлопал ладонью по штанге.

— Ладно, Григорий Степанович,— посерьезнел Тулупов.— Шутки по боку. Дела как?

— Идут помаленьку. Прошлый месяц на двести два процента сделали. Митрич премию обещал, да что-то помалкивает,— Коварма скосил длинные глаза на Сергея.— Может, уже раздумал?

— Премия будет,— ответил за Сергея Тулупов.— Я приказ подписал. И в приказе по экспедиции отметил тебя, как лучшего мастера. Так что поздравляю.

— Благодарствую, Иваныч. Только знаешь,— Коварма подмигнул Сергею,— ларька в партии хоть какого-никакого завалящего до сих пор нет.

— Ох же и черт ты!— крякнул Тулупов.— Я, что ли, по-твоему, торговать в этом ларьке буду?

— Зачем же ты, Иваныч? Ты начальник, тебе не положено. Договорился бы с торгашами. Давай так. Коварма этот месяц план пробурит на 250 процентов делает, а ты, Иваныч, насчет ларька провернешь. Идет?

— Да пойми ты, Григорий Степанович, не от меня это зависит...

— А ты по начальству походи.

По дороге на следующую буровую Тулупов как бы между прочим поинтересовался:

— Бражничает, наверное, Коварма?

— Изредка бывает.

— Да... Создала природа чудо,— то ли восхищенно, то ли осуждающе проговорил Тулупов.— Если только по работе судить, то ему уже давно надо Героя присваивать. Нет у нас ни в экспедиции, ни в тресте более добросовестного трудяги. Года три назад — только что начали Джаман-Кайракту разбуривать — пурга там разгулялась страшная. А он на самой дальней точке стоял. Четыре дня не могли к нему на буровую пробиться. И он все эти дни — голодный, неспавший, представляешь?— бурил. Сорок с лишним метров по породе одиннадцатой

категории прошел. Рекорд, можно сказать, поставил.— Тулупов остановил машину, достал свою короткую трубку и серебряную табакерку.— Позвонил я ребятам в газету,— продолжал он, набивая трубку,— рассказал, заинтересовались. Приехали двое. Неделю, наверное, вокруг Ковармы ходили. Отличный сделали очерк, дали на первой полосе с портретом. А он,— Тулупов махнул рукой и замолчал.

— Что же он?— не вытерпел Сергей.

— Собрал всех своих бражников и давай обмывать. Ну и не хватило, видно. А тут чабан по соседству приехал, лошадь у ворот привязал. Забрался Коварма на нее и галопом в магазин, прямо на лошади в торговый зал вломился, чуть людей не подавил... Пришлось потом с прокурором района объясняться. Все бы можно понять,— ворчал Тулупов, закуривая,— если бы, скажем, делалось это по злобе или какому-то там умыслу, так нет же! Удаль купеческая...

На каждой буровой у Тулупова были свои старые знакомые. Старика Лохова он долго расспрашивал о том, как поживает его многочисленное семейство.

— Танюшку-то помнишь, Михаил Иваныч?— цвел в улыбке Лохов.

— А как же не помню. Это та рыженькая, лягушатница...

— Эге, лягушатница,— искрился радостью Иван Михайлович.— Ты эту самую лягушатницу теперь не достанешь.

— Так уж и не достану,— подзадоривал старика Тулупов.

— Точно тебе говорю. Она у нас кандидат как этих... биологических наук. В институте работает. Такая расфуфыря стала, приедет домой, я и то не знаю, как с ней нужно — на «ты» аль на «вы» разговаривать...

— А Николай, служит?

— Служит. В каждом письме тебе поклоны шлет.

— Спасибо.

— Это тебе спасибо, Михаил Иваныч. Не вытащи ты его из той кутерьмы, сидеть бы ему в тюрьме. Писал недавно, ефрейтора, сказывает, дали.

— Ну, от ефрейтора и до генерала недалеко,— пошутил Тулупов.

— До генерала, может, и далековато,— не принял шутки Лохов,— а к человеку, я считаю, малость поближе.

— Верно считаешь, Иван Михайлович...

У Никиты Хайбоши пили чай — крепкий, душистый, заваренный шиповником. Тулупов катал в ладонях горячую кружку и исподволь «разжигал» хозяина (бригада Хайбоши в прошлом месяце из-за аварии не выполнила плана бурения). Никита делал вид, что не замечает подковырки.

— Да не крути ты, не крути,— наседал на него Тулупов.— Обогнал тебя Коварма?

— Это мы еще посмотрим,— отпирался Хайбоша.— Цыплят по осени считают.

— Просчитался ты, Никита. Точно тебе говорю.— Тулупов с шумом отхлебнул из кружки.— Коварма тот месяц на двести с лишним сделал и в этом двести пятьдесят процентов плана обещает.

— Везет же, черту,— выдохнул Хайбоша.

— Да и не везением он берет, а мастерством. Понимаешь, высоким мастерством.

— Так что ж, прикажете на старости лет к нему в подмастерья идти?

— А может, и сходить? Зазорного тут ничего не вижу. Люди за опытом да мастерством за тысячи километров ездят. И не просто люди, а классные мастера. Чураться тут нечего — одно дело делаем...

В лагерь вернулись уже затемно. Баркин, видно, караулил — не успел еще Тулупов остановить машину, как он открыл дверцу со стороны Михаила Ивановича.

— Здравствуй, Матвей Сидорович,— проговорил Тулупов,— не спишь еще?

И как ни уговаривал Баркин отведать гуся, которого в честь его приезда зажарила Матрена Саввишна (жена Баркина), Михаил Иванович наотрез отказался.

— Матрене Саввишне скажи спасибо. Устал я сегодня, не до гостей. К тому же еще утром,— он посмотрел на Нину,— ей вот чаек заказал. Сам понимаешь, неудобно.

— А-м може... о... еденим... аек и гуся? (А может, объединим чаек и гуся?) — сделал последнюю попытку Баркин.

— В другой раз как-нибудь, Матвей Сидорович,— неопределенно пообещал Тулупов.— А сегодня мы с Сергеем Дмитриевичем по-холостяцки быстренько поужинаем да и на боковую. Так что не волнуйся, отдыхай.

В комнате Сергея, заставленной ящиками с керном,

Тулупов разделся до пояса, долго плескался под умывальником, потом растерся докрасна полотенцем, набросил рубашку и подошел к тумбочке. Осторожно взял портрет Ольги.

— Она?

— Угу,— подтвердил Сергей.

— Когда последнее письмо отправил?

— Не поверите, Михаил Иванович, ей-богу, минуты свободной нет.

— Ты это брось,— посуровел Тулупов.

— Сергей, ты неисправим,— широко распахнула дверь Нина.— Ну все же остывает! Неужели за столом поговорить нельзя?

— Нинуля! Не расстраиваться. Идем,— заспешил Тулупов.

— Да ну вас...

После ужина, за чаем, Тулупов, поглядывая на Нину, предупредил Сергея:

— Смотри, Сергей Дмитриевич, ты за нее мне головой отвечаешь. Был у меня хороший друг — Александр Павлович Белов. Геолог и человек, который ни разу в жизни не сподличал, всегда оставался самим собой и ругался самым страшным образом: «Я вам покажу макаркиных телят». Погиб трагически в Заполярье. Вечная ему память. А ее,— он указал глазами на Нину,— я утерял. Лет пять по всему Союзу разыскивал. А она тут, в соседней экспедиции, горе мыкала. Так что имей в виду, обижать ее никому не позволю...

В последнее время все шло как нельзя лучше. И тем не менее Сергей чувствовал себя прескверно. Какая-то необъяснимая тоска давила его по ночам, предчувствие чего-то недоброго бродило следом. Причиной тому было молчание Ольги. Она с некоторых пор совсем перестала писать. Перестала, и все тут. Только теперь Сергей понастоящему оценил ее письма. Это они помогли ему сплотить разношерстный коллектив, вдохнуть жизнь в новую партию, хорошо или плохо, но наладить ее работу. В каждом его успехе, в каждом успехе партии была невидимая, но существенная частица Ольги, потому что все, чем он мучался, все, что он делал,— было прежде всего для нее и ради нее.

А Ольга молчала...

Последнее письмо, которое он написал сразу же после отъезда Тулупова, вернулось назад, перерубленное наискосок жирным штемпелем: «Адресат выбыл».

Катились серенькие дни. Были они, как листья тополя, похожи один на другой.

В половине восьмого Ольга вставала, прибирала в своей комнате, молча завтракала и уходила на работу. Часами копалась в старых пожелтевших пыльных и ломких отчетах экспедиции, разыскивая и подбирая нужные материалы для дипломной. Обедала в столовке. А после шла в химлабораторию и до самого вечера просиживала за анализами. Но чем бы она ни занималась, что бы ни делала, одна неотступная мысль преследовала ее: есть ли сегодня письмо от Сергея?

Самым изнурительным для нее был последний час работы.

Втиснувшись в переполненный автобус, Ольга ехала через город к главпочтамту, бегом поднималась по ступенькам к окошечку с надписью: «До востребования». Подавала студенческий билет и ждала: «Пожалуйста» или «Нету, девушка».

Сергей писал часто. И всякий раз, получив письмо, Ольга брела в городской парк, разрывала конверт и залпом прочитывала письмо. И только потом, пристроившись на скамейке, начинала вчитываться в каждую строчку.

Какие это были письма!

По письмам Ольга перезнакомилась почти со всеми из Северо-Мугоджарской экспедиции. А чудака Коварму узнала бы сразу. И уже не любила Борзицкого. Тулупов тоже не нравился.

«Какой это начальник экспедиции,— думала она,— если настоять на своем не может, кого-то боится. Держится небось за свое кресло руками и ногами»...

Зато пришелся по душе начальник отдела кадров старичок Стахов. «Голос у него тихий, елейный,— писал Сергей,— разговаривать с ним неприятно, так и кажется, что он опутывает тебя».

«Не все же должны басить,— мысленно возражала она Сергею.— И кричать, даже по делу, тоже совсем не обязательно».

В последнее время Сергей, видно, хандрил. И, конечно же, чтобы не расстраивать ее, усиленно пытался скрыть это. Но она угадывала его истинное настроение. Она просила, умоляла его написать все как есть, ничего-ничего не скрывая, а в ответ:

«Бурим с Ковармой нелегально Карвпадину. Пока пустые диабазы без малейших признаков руды. Только ты не тревожься, руда близко, я это сердцем чую. Целуют тебя Мугоджары и я крепко. Сергей».

Ольга долго изучала этот наспех варванный из записной книжки листок, со следами рыжей грязи по краям, и глухая тревога захлестнула ее душу.

Как будущий специалист она понимала, что значит бурить нелегально, и отчетливо представляла себе, чем это может кончиться для Сергея, если в тресте узнают о неплановых работах раньше, чем он успеет подсечь руду.

А что если Сергей просчитался? Нет, этого не может быть, не может быть... А все-таки? Не там, где надо, заложил первую подпольную скважину, и вдруг — ведь может же такое случиться!— снаряд пройдет мимо рудного тела. Что тогда?

Почти до утра она писала Сергею письмо. Рвала исписанные страницы и начинала снова.

Она думала:

«Свалится на Сергея неудача, а мое письмо будет ему опорой, хоть маленькой, но опорой».

Но что-то — то ли не было слов, то ли сильная тревога за любимого — мешало ей выразить на бумаге все, что она думала и чувствовала.

Ольга жила как во сне в ожидании ответа. И дождалась: Сергей в двух словах сообщил, что нашел Мать-жилу, и снова замолчал. Теперь уже — надолго.

Сергей был, конечно, прав (любимые неправыми не бывают), когда писал, что «догонять все-таки лучше, там хоть что-то от тебя зависит». Но он чисто по мужски — мужчины, как известно, народ нетерпеливый — не мог, а может, и не хотел понять самой сути ожидания. Ждать — это надеяться. А что значит жить без надежд?

«То же самое, что и с пустыми надеждами»,— больно уколола себя Ольга.

И память услужливо повела ее к тому почтовому ящику, который стал символом краха всех ее надежд и ожиданий.

...В тот вечер Ольга, как обычно, побывав на почте и услышав от старушки стереотипное: «Нету, девушка», отправилась домой пешком по знакомым с детства улицам.

Уже вовсю хозяйничала осень.

Любуясь буйством, неожиданностью красок, грустя

об уходящем лете, Ольга незаметно подошла к своему дому. Помедлила у крыльца, где они обычно стояли с Сергеем, коснулась рукой массивной облупленной колонны, вздохнула и вошла в подъезд.

Ни тогда, ни сейчас она не может объяснить себе, почему ей вдруг захотелось заглянуть в их почтовый ящик.

Открыв ящик, Ольга увидела серый самодельный конверт, на котором корявыми буквами пониже адреса было написано: «Дечковой Оли».

«Тоже мне, грамотей,— подумала она,— в двух словах две ошибки. Кто же это такой?»

Обратного адреса не было. Ольга повертела в руках плотный конверт. Неожиданно взгляд ее уперся в почтовый штемпель отправителя. «Мугоджар...»— не дочитала она, и все в ней похолодело.

— Сережа!

Но что это? Что это?

В конверте, сцепленные ржавой канцелярской скрепкой, лежали несколько любительских фотографий какой-то девушки. Ольга осмотрела их — нигде ни словечка.

Говорят, что женщина не способна по достоинству оценить красоту другой. Может быть, и так. Но есть красота, которая не нуждается ни в чьих оценках.

Поразительной красоты девушка смотрела со снимков на Ольгу, как бы говоря:

«Ну, разве я виновата, что природа наградила меня всеми своими прелестями?»

— Боже мой! Какая же она, должно быть, неотразимая в жизни!

Девушка, в джинсах и кофточке в горошек, стояла у замшелой скалы и грустно-грустно смотрела вдаль, еще снимок — она смеялась, да так искристо-заразительно, что Ольга невольно улыбнулась ей.

«А все-таки с какой целью и кто прислал фотографии этой девушки?— думала Ольга, поднимаясь по лестнице к себе на четвертый этаж.— Чтобы я позавидовала? Ну, хорошо, я позавидую, а что из этого?»

На следующий день, вечером, старушка наконец-то вручила ей письмо от Сергея.

Сергей писал о делах, которые «шли в сто раз хуже, чем просто плохо», сетовал на то, что с начальником партии ему «крупно повезло»— редчайший экземпляр бездельника», и только в конце о себе:

«Если бы ты знала, как я одичал без тебя, как мне не

хватает тебя — родная моя, милая! Ты мерещишься мне на каждом шагу... Все эти беды были бы полбедами, если бы ты была рядом, если бы я мог хоть изредка коснуться твоей руки!»

Ольга вчитывалась в эти долгожданные строчки — и улавливала в них незнакомые нотки то ли физической и моральной усталости, граничащей с безразличием, то ли...— она никак не могла подобрать слова.

«А может быть, отчужденности?— мелькнула внезапная безжалостная мысль.— Ну, чего я придумываю,— попрекнула она себя.— Какая еще отчужденность? Прости меня, Сережа. Большой мой, прости. Я так люблю тебя, так по тебе соскучилась!»

Ничего, кажется, не изменилось после письма Сергея: та же работа, тот же автобус до главпочтамта, та же натянутая обстановка в доме, но все, решительно все приобрело иные, светлые оттенки. Дипломная, каждую фразу которой она еще вчера буквально вымучивала, теперь писалась без напряжения, в автобусе ей непременно кто-нибудь уступал место, и даже дома, с матерью, у них нет-нет да и появлялись общие темы для разговора.

И вдруг...

Вернувшись как-то с работы, Ольга услышала в прихожей обрывок едкой материнской фразы:

— ...боится здесь и в кино сходить, а он там совсем недурно проводит время.

— Оно и видно, как недурно,— устало проговорил отец, шелестя газетой.— Так недурно, что и не узнаешь...

«О ком это они?»— подумала Ольга, входя в зал.

— А-а-а!— преодолевая замешательство, воскликнула мать.— Легка на помине. Полюбуйся-ка своим красавцем.

На столе лежал такой же аляповатый самодельный конверт, а рядом с ним стопка фотографий, сцепленных огромной канцелярской скрепкой. Ольга потянулась к снимкам и натолкнулась на усталый, настороженный взгляд какого-то обросшего незнакомца. И только присмотревшись внимательно, она с трудом узнала Сергея.

— Боже мой! Сережка!..

Сергей, видно, спорил или ругался с кем-то (от его собеседника остался на фотографии только полумесяц козырька фуражки), гневная складка рассекла его сросшиеся брови, губы были упрямо сжаты.

— Оригинал... Прямо-таки пират с королевского брига,— сказала мать.

— Представь себе, оригинал!— зло бросила Ольга.— Я запрещаю тебе, слышишь, вскрывать и читать письма, адресованные мне! Ты не имеешь никакого права...

— Как это не имею? Я мать...

Схватив конверт и фотографии, Ольга бегом пустилась в свою комнату.

— Нашла какого-то проходимца,— неслось к ней из зала.— Он там по разным девкам мотается...

— Перестань,— сердито оборвал ее отец.— Как тебе не стыдно!

— Мне еще и должно быть стыдно,— пуще прежнего распалялась мать.— А ей нет, по-твоему? Ест мой хлеб и еще на меня же и кричит.

Ольга взяла стопку фотографий, выдернула скрепку. Только теперь стал доходить до нее истинный смысл брошенной матерью фразы: «Он там по разным девкам мотается...»

На всех снимках, за исключением первого, Сергей был запечатлен с той, редкостной красоты, девушкой, фотографии которой она обнаружила недавно в своем почтовом ящике.

Ревность захлестнула Ольгу, подняла с тахты: теперь она видела перед собой не просто прекрасную незнакомку, а черную соперницу.

«Перед такой невозможно устоять,— и сама испугалась столь сурового приговора.— А как же я? Наши встречи, наше прошлое?»

Это было, пожалуй, самое сумбурное письмо в ее жизни. Она ничего не могла объяснить Сергею. Да и как объяснишь ревность, если он никогда не давал повода к ней. Ольга знала, что многие девчонки в институте тайком вздыхают по нему и искренне завидуют ей. Да что там девчонки! Ленка-капризуля, ее лучшая подружка, и та влюблена в него.

В чем его можно упрекнуть? В том, что он ходит по одной тропе и сортирует керн вместе с этой девушкой? Так это же его работа. Не будет же он бегать от людей...

А может быть, в том, что она любит его? Хорошо, любит, но он-то причем? Откуда известно, что он отвечает ей взаимностью? Нет, нет, надо увидеть его, только тогда станет все ясно; увидеть, увидеть непременно!..

«Сережа! Нам надо встретиться,— торопливо заканчивала она.— Встретиться обязательно!— Она трижды

подчеркнула последнее слово.— Получишь это письмо и сразу же приезжай. Слышишь, приезжай немедля, приезжай хоть на час, хоть на 10—15 минут. Это очень важно, крайне важно для нас обоих. Я жду тебя, большой мой, очень жду, милый».

Через несколько дней Ольга получила короткую, как выстрел, телеграмму: «Приехать не могу».

Страшные мысли закружились в голове. Ни минуты не раздумывая, она прямо с главпочтамта кинулась на вокзал, с твердым намерением сейчас же уехать к Сергею. Только бы не опоздать, только бы не опоздать!

Первый поезд отходил лишь на следующее утро. Ольга решила ждать.

Постепенно чувство реального возвращалось к ней. Перво-наперво она пересчитала деньги — двадцать рублей с копейками, это чуть больше того, что надо на билет в один конец.

«А если там,— она даже для себя не решилась уточнять, что же там,— не буду же я просить у них денег на обратную дорогу!»

Ольга представила, как воспримут ее отъезд дома. Да и на работе — что о ней подумают на работе?

Холодный ветер разметал направо и налево запорошенную опавшей листвой улицу. Низкое небо клубилось черными, лохматыми тучами, роняло крупные капли дождя. Где-то на окраине надрывно выла собака. Ольга, с трудом переставляя ноги, брела к дому.

— Да, опоздала,— горько выдохнула она, столкнувшись в прихожей с поджидавшей ее матерью,— опоздала...

— Чуяло мое бедное сердце,— страдальчески запричитала мать, смахивая платочком слезы.— Говорила я вам, говорила, убеждала — не слушали.

У стола, заваленного какими-то фотографиями, сидел отец.

— Что случилось, папка?— кинулась к нему Ольга.

Отец покусал губы и отвел взгляд.

— Судя по этому, дочка... Да... Судя по этому,— рука его легла на фотографии,— Сергей наш... женился.

— Неправда! Не-прав-да! Слышишь, неправда...

— Я тоже так думал, но...

— Какую вам еще нужно правду?— снова запричитала мать.— Ты только посмотри, посмотри,— она подсовывала Ольге то один, то другой снимок.— Вот свадьба.

Точно: свадьба. На фотографии — смеющиеся Сергей

и та, знакомая уже, поразительной красоты девушка в центре длинного стола, со всех сторон к ним тянулись руки с рюмками. Под снимком уже знакомой рукой было написано: «Свадьба».

— А это,— мать ударилась в слезы,— сразу видно, что у людей нет ни стыда, ни совести, если позволяют фотографировать себя в таком виде. А вот и первая брачная ночь,— объявила мать, подавая Ольге очередную фотографию: Сергей и девушка спали на поставленных рядом раскладушках...

«Не верю! Не верю!..— А через миг:— Сережка, милый, что ты наделал?»

...Измученная мыслями, так ничего и не решившая для себя Ольга как-то под вечер направилась к дому, в котором Сергей снимал комнатку, именно там, в комнатке, она хотела написать письмо.

Нет, она ни в чем не собиралась упрекать Сергея, только сказать ему, что и после всего случившегося любит его.

Сумеречно и ненастно было на улице. Колючая изморозь; в хрупкий ледяной наряд кутались голые ветки деревьев, солнечными осколками плавала и тонула в лужах опавшая листва. Прикрываясь зонтом от встречного промозглого ветра, Ольга неожиданно представила себе жарко натопленную, тесно заставленную ящиками с керном комнатушку общежития, Сергея в постели с молодой женой, читающей вслух ее письмо.

В душе Ольги все перевернулось. Они никогда не получат ее письма. Никогда! Никогда!

Впрочем, кое-что они получат. Она вернет им фотографии...

В начале зимы Сергей получил тяжелый пакет от Ольги. Сердце забилось. Он вскрыл бандероль, там — толстый аляповатый пакет, на котором рукой Баркина было написано: «Дечковой».

Он вытряхнул из него пачку фотографий и машинально начал просматривать их. На одной задержал изумленный взгляд. На снимке был изображен он, Сергей Овражный,— лежал в одних трусах на раскладушке, а рядом с ним — Нина в распахнутом халате и без лифчика.

— Не было этого!— крикнул он.

Он сразу понял все.

«Не было этого, Ольга! Не было. А-а! Какое это теперь имеет значение?»

Сергей бегом кинулся в коридор. Рванул на себя дверь конторки, стал на пороге, облегченно вздохнул. Баркин, как обычно, сидел за своим столом, что-то мусолил в тетрадке.

Нина побелела и бросилась к Овражному.

— Что случилось?

Прыжок — и Сергей возле Баркина. Страшный удар свалил его на пол. Нина повисла на руке Овражного. Он грубо оттолкнул ее. Он бы, наверное, убил Баркина, если бы не подоспел Коварма и не сцапал его в свои медвежьи объятия.

— Митрич! Ты что, в тюрьму захотел?!

От этих грубоватых слов почему-то стало легче.

— Пусти-ка, Григорий Степанович,— Овражный повел плечами, и Коварма разжал руки.— Мне теперь все равно.

Стоило только коснуться головой подушки и закрыть глаза, как поднимался невидимый занавес, и он видел Ольгу.

«Сережка!— слышал он так, будто она была рядом.— Кашалапый, большой мой...»

Сергей включил свет, глянул мимоходом на портрет Ольги, оделся, потихоньку выбрался из общежития и пошел пешком на сорок седьмую буровую.

Висела в небе полная луна. Припорошенные снегом перекати-поле напоминали громадных ежей, вышедших на охоту. Буровая вышка призывно подмигивала тусклым огоньком.

Старик Лохов (это была его смена) встретил Сергея у входа на буровую.

— Раненько ты сегодня, Сергей Дмитриевич,— проговорил он, привычно посасывая длинный сивый ус.

— Не спится, Иван Михайлович.

— Дак как же оно спаться-то будет?— понимающе кивнул Лохов, вытирая ветошью замасленные руки.— Беда, сказывают, у тебя,— он поднял на Сергея глаза.

— Да... Беда...

— А ты ее, сынок, вот так,— Лохов сжал свой заскорузлый кулак.— Да покрепче. На твоем веку, Сергей Дмитриевич, бед еще пропасть сколько будет. Главное — не дай ей поднять головы, чтобы она, не дай бог, вот

сюда,— он похлопал себя по шее,— не села. Гиблое это дело, задавить, сатана, может. Сенька!— окликнул он дремавшего на ящике помбура Рябова.— Дуй домой, смена тебе пришла.

— Чего?— не понял со сна Семен.

— Спать, говорю, иди. Мы тут с Сергеем Дмитриевичем без тебя управимся.

Едва только закрылась за Рябовым дверь, Иван Михайлович посадил на нос старомодные очки, протер ветошью шкалу, фиксирующую глубину проходки, долго разглядывал на ней последнюю цифру, подсчитывая, шевелил губами и наконец, сбросив обороты станка, проговорил:

— Поднимать будем. Больше полметра прошли.

Сергей натянул рукавицы, подтащил поближе замок для перехватки свечи и ключ для разводки.

— Готово.

Лохов прибавил газу, и стальная свеча сначала нехотя, а потом все быстрее, быстрее поползла вверх.

— Стоп!— скомандовал Сергей.

Иван Михайлович застопорил. Лязгнула муфтой о замок свеча, обдала Сергея грязными брызгами и закачалась из стороны в сторону. Привычными, короткими движениями Сергей раззвенил первую шестиметровую штангу, отставил ее в сторону от скважины, легко навернул колпак на трубу.

— Пошел!

И снова свеча поползла вверх... Разобрать триста метров свечи — нелегкое дело. Здесь даже опытные помбуры и то зачастую выматываются. После тридцатой штанги Сергей почувствовал, что сбился с привычного ритма, ключ как-то враз потяжелел в руках, а штанги стали неподъемными.

— Поспешай, поспешай, Сергей Дмитриевич,— подгонял Лохов.— Время у нас с тобой — деньги. Шевели, шевели ключом проворнее.

Но вот наконец и сам инструмент. Сергей оттащил его в сторону, обмыл водой из шланга и стал осторожно выбивать керн. Лохов укладывал отполированные тюбики в специально приготовленный ящик, хмыкал, покусывал ус.

— Видать, все-таки дохлая,— заключил он.

Сергей заново пересмотрел весь поднятый керн. Нигде даже признаков руды.

«Как же так,— думал он,— сорок шестая рудная, со-

рок пятая и все последующие по кольцу — тоже, а эта совершенно пустая, будто не метры ее отделяют, а сто километров, не меньше. Неужели мы с Тулуповым просчитались и Борзицкий прав, что рудное тело падает не на восток, а на запад?.. А возможно, разлом и крутое падение на глубину?»

— Смотри не смотри, ничего не высмотришь,— спутал его мысли Лохов. До плановой отметки, я вот тут прикинул, двадцать три сантиметра осталось. Как — добуривать будем или так закроем — все равно ведь дохлая?

— Еще метров на пятьдесят заглублять надо, Иван Михайлович.

— На пятьдесят так на пятьдесят. Тебе виднее. Давай в таком разе опускать снаряд — время-то не ждет.

Что верно, то верно,— время не ждало. За окном уже рассвет.

— Ну как, устал?— спросил Лохов, когда они, опустив снаряд и запустив станок, вышли из будки покурить.

— Есть немного.

— Помяни мое слово, будешь спать как убитый. Ни один сон или еще чепуха какая к тебе не заявятся. Потому как вся эта ерундистика усталости, как черт ладана, боится...

А его уже разыскивал Максимыч на своем вездеходе.

— Слышал — Баркина выгнали!

Это поразило Сергея.

— Выгнали или сам ушел?

— Ага, сам!— ухмыльнулся Наянов.— Там после твоего ухода, Сергей Дмитриевич, такое было — и смех, и грех.

— А что?— поинтересовался Сергей.

— Да тут в двух словах не скажешь,— привычно, не спуская взгляда с дороги, начал рассказывать Максимыч.— В общем, ушел ты, а Гришка, смотрю, топор точит. Чего, спрашиваю, за топор взялся? Иди, говорит мне, тащи сюда Баркина, скажи, мол, Коварма выпить с ним хочет. Я было возражать: нашел-де, с кем пить. Но ты же его характер знаешь, уперся — не своротишь. Короче, пригласил я Баркина. Налил ему Гришка полный стакан, пей, говорит, Сидорыч. Ну, тот с радости и дербалызнул. Шарит это глазами по столу, чем же, мол, закусить? А Гришка тем временем топор потихоньку достал и на стол выложил: давай, говорит, Сидорыч, рассказывай, какого подлеца под Митрича подпустил. Тот,

значит, и так и эдак, откручиваться стал, к двери пятится. А Гришка говорит: даю тебе, Сидорыч, а сам на часы смотрит, две минуты на размышление. Только смотри, чтобы, все как на духу было. Не скажешь — Коварме тюрьма, а тебе ящик из сырых досок. И топор к себе подтягивает. Взвыл тут Баркин. Рассказывает, значит, нам, что послал твоей дивчине какие-то карточки. Гришка его за шкирку: а ну кажи, какие там карточки? Посмотрели мы их — срам один. На всех, Сергей Дмитриевич, ты да Нина Александровна в самых неподходящих позах. «Как сделал?»—Коварма спрашивает. Тот про монтаж какой-то. Не поняли мы толком. «Зови сюда Лександровну»,—приказывает мне Коварма. Знаю, что спорить с ним бесполезно,— позвал. «Было?»— спрашивает он ее и карточки показывает. Побелела Нина Александровна, что тебе стена, и ушла. «Ну вот что,— отрубил Коварма,— завтра чтобы духу твоего тут не было. Понял? И если ты хоть кому и где сболтнешь, что Митрич побил тебя или что-то в этом духе, вот тебе крест,— и перекрестился,— ты Коварму знаешь, из-под земли достану и голову вот этим топором отрублю». Вот так, значит, он, Баркин, сам-то и ушел,— закончил, посмеиваясь, Максимыч.

В морозной синеве горбились вдали, покачивались, словно на волнах, Мугоджары.

Вскоре Сергей был в радиорубке. Сунул радисту листок из записной книжки.

«Тулупову. Срочно,— застучал ключом Володька.— Считаю необходимым бурить сорок семь до отметки триста пятьдесят. Ваше согласие? Овражный».

«Поймет или не поймет, почему?»— думал Сергей, бегло просматривая поступившие вечером радиограммы.

Минут через двадцать Володька вручил ему ответ: «Согласен. Тулупов».

«Понял!»— обрадовался Сергей и вышел из рубки.

В тесном коридоре общежития монотонно жужжала стиральная машина, Нина сортировала белье по цветам и тихонько напевала.

— Сергей, есть у тебя что стирать, давай.

— Спасибо. Сам выстираю,— отрубил он.

«За что человека обидел?— кольнула неприятно мысль.— Так ей и надо».

— Сергей, я хочу спросить тебя: за что ты меня ненавидишь? Может, ты думаешь, я специально позировала этому Баркину?

— Не надо об этом,— попросил Сергей.

— Нет, надо... Надо, Сережа. Мы не можем работать вместе, жить в соседних комнатах и прятаться друг от друга. Мы, к сожалению, не улитки. Скажи прямо, я уеду. Хотя... Хотя мне будет нелегко. Ты понимаешь,— голос ее стал глуше, на ресницах повисли росинки слез,— я вот с таких лет в полевой партии,— она коснулась рукой своего колена,— после гибели папы мне не везло, я по какому-то року судьбы все время попадала в те партии, которыми командовал Баркин или подобные ему, никогда ничего не находили и ели хлеб даром. Так почему, почему я теперь должна уезжать отсюда?

Сергей не ответил.

— В тебе есть что-то от моего отца. Я не знаю что — может, эта жестокость или жадность к жизни, а может... моя мать тоже вышла замуж за другого. Нет, не знаю. Только с ним тоже всегда было интересно... Значит, мне уезжать, да?

— Пока не сделаем месторождение, никто отсюда не уедет. И ты в том числе. Понятно? Ты, помнишь, сказала, что мы просто будем товарищами по работе?

— Помню...

— Так вот, давай ими и останемся. Товарищами по работе,— уточнил он.— А если заметишь, что память хватает меня за горло, отойди подальше от греха. Так оно будет лучше. Все!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Андрей Лобов, новый начальник партии, приехал в самый разгар неурядиц. Сорок седьмая встала на ремонт — двигатель забарахлил. На пятьдесят первой авария — оборвалась штанга и осталась вместе с алмазной коронкой в забое. Строительство ремонтной мастерской застопорилось, где-то снабженцы «замыкали» тавровые балки для перекрытия. Словом, наступал тот самый период, неизбежный почти для всякого не ставшего еще на ноги производства, когда вдруг без всяких видимых, казалось бы, причин, начинает не ладиться то одно, то другое. Сергей по восемнадцать-двадцать часов в сутки колесил от буровых на базу, с базы по ремонтным мастерским совхозов, а оттуда опять к буровым или строителям.

— Укатали тебя, студент, крутые горки,— пошутил Лобов, крепко пожимая его руку.

— Подожди, и тебя укатают,— пообещал Сергей.— Куда запропастился?

— Эге, брат. Я в писарях был.— На рябоватом лице Лобова появилось хитроватое выражение.— Мешка два наверняка бумаги переписал, пока наконец не рассчитался,— ухмыльнулся он.— У нас же как? Почесал за ухом — пиши бумагу, а то не поверят, взял на три копейки — на пять копеек бумаги испиши, отчитайся. Это тебе не что-нибудь,— Андрей подмигнул Овражному,— а забота об экономии государственных средств. Так-то. Ну а ты как тут живешь?

— Похвастаться нечем.

— Ясно. Полоса невезухи?

...Поздно вечером, когда, объехав все буровые, они вернулись в лагерь и пили чай в комнате Нины, Сергей поделился с Лобовым одолевавшими его сомнениями:

— Кажется мне, Андрей, что упустили мы большую медь. Только где она у нас меж пальцев проскользнула, никак не соображу. Вот смотри,— он развернул поданную Ниной карту.— Это,— Сергей обвел круг,— оконтуренное рудное тело. По логике, здесь вот,— он обвел новый круг, вписав в него сорок седьмую и пятьдесят первую скважины,— оно должно разрастаться вширь. Так или не так?

Лобов не спешил с ответом. Он внимательно просматривал геологические разрезы пород, изображенные на карте.

— Если считать,— наконец заговорил он,— что геологическое строение пород отражено верно, то лучшего, пожалуй, места для разрастания месторождения не придумаешь.

— Вот и мы так считали,— вводил его в курс дела Овражный.— Да что там считали, были убеждены, что сорок седьмая и пятьдесят первая,— он показал на карте точки скважин,— укажут нам путь к основному месторождению. На поверку же вышла осечка: сорок седьмая совершенно дохлая, на пятьдесят первой прошли сто метров, и тоже ничем не светит.

— А может быть,— предположил Лобов,— где-то здесь,— он провел черту между сорок седьмой и пятьдесят первой скважиной,— неучтенный разлом и крутое падение тела на глубину? Как ты на это смотришь?

— Думал я уже об этом,— ответил Сергей.— Дед разрешил забурить сорок седьмую на пятьдесят метров

глубже плановой отметки. Тридцать прошли — ничего утешительного.

— Даже хвосты не подсекли?

— В том то и дело, что нет.

— Н-да-а...

— А знаете что,— подала Нина новую мысль, а если разлом не вертикальный, как мы предполагаем, а вот такой, понимаете?— Она провела продольную черту между сорок седьмой и пятьдесят первой скважинами и вывела ее на карте прямо к общежитию.

— И руда по этому разлому идет прямо под твоей койкой,— в тон ей пошутил Лобов.

— Нет, кроме шуток, Андрей! Почему ты исключаешь такой вариант?

— Ничего я не исключаю,— посерьезнел Андрей.— Раз такое дело, нужно проверить все догадки и предложения.

— А как ты думаешь, Андрей,— снова спросил Овражный,— мог сюда повернуть рудный горизонт?

Сергей указал на запад.

— Теоретически мог,—после некоторого раздумья ответил Лобов, а практически на девяносто восемь и девять десятых нет, не мог.

— Борзицкий утверждает, что рудное тело падает не на восток, а на запад.

— Борзицкий,— поморщился Лобов,— из тех, что оторваны от реальности. Практики он за пятнадцать лет так и не набрался. Короче, так. Сейчас, мне кажется, надо подождать, чем нас порадуют сорок седьмая и пятьдесят первая,— он постучал карандашом по точкам на карте.— А если ничем, то надо будет разобраться с этой вот горловиной,— карандаш его побежал от 47 скважины до 51 и дальше на восток.— Будем просить Деда, чтобы разрешил заложить здесь две-три контрольные скважины. Возможно, ими подцепим жилку. А нет, так придется проверить и твой, Нина, вариант...

В коридоре загрохали кованые сапоги. Хлопнула дверь комнаты, и Коварма (Сергей узнал его по голосу) хрипло спросил:

— Не знаешь, Митрич дома?

— Недавно подъехал,— ответил Наянов,— у Нины Александровны, кажется, с Андреем чай пьют. Ну как, ухватил?

— Ухватишь ее,— прорычал Коварма.— Точно прикипела, стерва... Опять сорвалась.

— Мечик, знать, плохо навернули.

— Пло-хо!— издевательски растянул Коварма.— Папиросы у нас есть?

Он пошарил в тумбочке, закурил и продолжал в более спокойном тоне:

— Мечики ни к черту не годятся. Понимаешь, очистило на нем резьбу, гладенький стал, точно капустная кочерыжка. Зверь, а не порода,— снова заклокотал Григорий Степанович.— Алмаз не терпит, а Коварма, значит, должен терпеть?.. И ты тут еще,— набросился он на Максимыча,— дрыхнешь и тоже мне — пло-хо... Пойти к Митричу, что ли,— закончил он,— может, что присоветует?

...Через несколько минут Сергей, Лобов, Коварма, пожелав Нине спокойной ночи и прихватив запасные мечики, уехали на буровую.

Все самые худшие опасения Сергея оправдались. Ни сорок седьмая, ни пятьдесят первая, ни еще три контрольные скважины на горловине ничего интересного не вскрыли. Правда, последние две подсекли подобие хвостов, но содержание руды в керне было самым незначительным, что не давало никаких оснований предполагать, что они являются ответвлением той, оконтуренной, богатой по содержанию медной линзы.

Несколько месяцев тяжелых изнурительных поисков не дали положительных результатов.

Почти еженедельно в экспедицию шли толстые пакеты то из треста, то из министерства, в которых предлагалось принять «самые необходимые», «самые экстренные», «самые безотлагательные меры», чтобы выправить положение с выполнением задания по приросту запасов в Карасуатской партии,— в противном случае, подчеркивалось обычно в конце бумаг, виновные в срыве государственного плана будут привлечены «к самой строжайшей ответственности». Тулупов регулярно переправлял эти циркуляры то Лобову, то Овражному.

Наконец, когда в тресте и в министерстве убедились, что их строгие бумаги не срабатывают, в партию нагрянула авторитетная комиссия во главе с заместителем министра Козыревым и главным инженером треста Синеглазовым.

Три дня изучали состояние геологической службы партии, копались в документации, требовали то одну, то

другую справку, а затем Синеглазов пригласил радиограммой все руководство экспедиции. Вероятно, решил Сергей, надумал провести расширенное совещание. И не ошибся.

— Итак,— открывая совещание, проговорил Синеглазов, явно любуясь собой,— после детального изучения геологической и хозяйственной деятельности партии...

«С какой стати хозяйственной?— подумал Сергей.— Ведь они хозяйственных вопросов не касались».

— ...наша комиссия вынуждена констатировать тот факт, что из-за безответственного отношения руководства партии государственный план прироста запасов на текущий год оказался сорванным. Печально, но это факт, товарищи.

Сергей заметил, как насупился Тулупов.

«Стоило ли сюда приезжать?— усмехнулся он мысленно.— Этот факт можно было зафиксировать, не выходя из кабинета».

— Как и тот факт,— Синеглазов перевел взгляд с Лобова на Овражного,— что нынешнее руководство партии оказалось не на высоте...

— Простите, Евгений Самуилович,— не вытерпел Тулупов,— мне бы не хотелось, чтобы этот разговор шел на таких тонах, с такой поспешной категоричностью в выводах.

— Я вас не понимаю, Михаил Иванович,— усмехнулся Синеглазов.— Вы что же, надеетесь еще вытянуть план прироста запасов?

— Нет, я на это не надеюсь,— грубовато рубанул Тулупов.— План рухнул, это так же точно, как дважды два четыре. Но в том, что это случилось, виноваты прежде всего мы с вами.

На лице Синеглазова застыл немой вопрос: я-то, мол, здесь при чем?

— Мы проявили безответственность. Не зная повадок и характера нового месторождения,— пояснил свою мысль Тулупов,— мы всюду, где только можно, звонили о его сказочных богатствах, создавали себе дутую, преждевременную славу.— Тулупов в упор смотрел на Борзицкого, а тот, низко склонив голову, что-то чертил на листе бумаги.— Вот почему я прошу и настаиваю — не делать столь категоричных выводов о деятельности руководства партии. На мой взгляд, они сделали все воз-

можное. План бурения, как вам известно, несмотря на массу организационных и технических неувязок, они не в пример другим партиям нашего треста,— съязвил Тулупов напоследок,— перевыполнили.

— В данном случае, говоря о безответственности, я имел в виду серьезные упущения, допущенные в составлении проекта буровых работ,— возразил ему Синеглазов.

— А вот это уже,— побагровел Тулупов,— похоже на то, что вы намерены найти стрелочника и переложить со своих плеч на его плечи всю меру ответственности. Предложенный Овражным проект буровых работ утвержден мною, вами, министерством. Если он не годен, почему же мы дали ему «добро»? И вообще, мне кажется,— с трудом гася в себе вспышку гнева, закончил Тулупов,— прежде чем делать какие-то выводы, необходимо выслушать мнение руководителей партии.

Сергей коротко обрисовал создавшуюся обстановку, высказал свои догадки и предположения о дальнейших путях поисков, об имеющихся трудностях.

А Лобов всех огорошил:

— Я думаю, товарищи, покатались на энтузиазме и хватит! Энтузиазм, бесспорно, дело хорошее, но в наш век техники, если под него не подвести соответственную базу, то грош ему цена. Вот вы, Евгений Самуилович, сказали, что детально ознакомились с хозяйственной деятельностью нашей партии. И ее техническими возможностями. Извините, я что-то не заметил этого знакомства.

— Факты, факты,— сказал Синеглазов.

— Пожалуйста. Сколько угодно,— обрадовался Лобов.— В партии сейчас работает семь станков и совершенно отсутствует ремонтная база. Это же курам на смех — у нас нет штатной единицы слесаря. Каждый бурильщик в случае поломки вынужден сам вставать за токарный или сверлильный станок. А если ему завтра палец или руку оторвет, кто будет отвечать? Я или он?— Лобов кивнул на Сергея.— А может, она?— он указал на Нину.

— Так, так... А мы-то здесь при чем?— пожал плечами Синеглазов.

— Как это при чем? Штатное расписание партий составляет и утверждает трест, и в том числе вы непосредственно,— наступал на него Лобов.— Как же вы состав-

ляли его? Или вам неизвестно, что станки ломаются и их надо ремонтировать?

— Все это довольно сложно, товарищ Лобов,— увернулся от прямого ответа Синеглазов,— не только, скажу вам, от нас зависит...

— А от кого зависит то,— наседал Лобов,— что мы с грехом пополам построили коробку ремонтной мастерской, а тавровые балки перекрытий, по вашему личному указанию, загнали в Бескарагайскую партию, где до сих пор, я сам видел, они валяются без дела? А от кого зависит то, что трест вот уже два месяца не может нам выделить полтысячи листов шифера, чтобы покрыть кернохранилище? И мы вынуждены, вот видите,— он указал на штабеля ящиков по углам,— хранить кери где придется. И наконец, неужели за полтора года существования партии у треста не хватило силы укомплектовать ее кадрами техников-геологов?

Стояла тишина.

— Наша партия — единственная в тресте, которая работает на живом месторождении,— горячо продолжал Лобов.— Нам нужна деловая помощь, поддержка. А вы то и дело пугаете нас...— он потряс кипой бумаг,— а теперь вот усиленно ищете виновников...

После ершистого выступления Андрея всем вдруг захотелось курить. Заместитель министра Козырев взял под руку Синеглазова, и они первыми вышли на улицу.

...Продолжалось совещание в более спокойном тоне, без взаимных наскоков и обвинений.

— Насколько я понимаю,— водил указкой по разложенной на столе карте Козырев,— партии на будущее необходимо расширить круг поисков. Медь могла улизнуть и сюда,— он повел указку на запад,— и сюда,— указка поползла на юг.— Но, судя по всем имеющимся в нашем распоряжении данным, она все-таки, вероятнее всего, где-то здесь,— он обвел широкую площадь на востоке.— На опоисковании этого района, на мой взгляд, нужно сосредоточить особое внимание.

— Я придерживаюсь того же мнения,— поддержал Тулупов.— И вполне возможно,— он глянул на Белову, и она под его взглядом густо покраснела,— что точнее всех нас, мужчин, определила Нина Александровна. Она, например, утверждает, что здесь вот,— он ткнул пальцем в карту,— произошел не секущий, как мы считаем, а продольный разлом, и медная река идет прямо под

се койкой. Вот так — под койкой и нигде больше,— пошутил Тулупов.— Кто знает, а вдруг она действительно права — ведь в геологии все возможно?

— У меня на этот счет,— вклинился в разговор Борзицкий,— несколько иные соображения. Мне думается, что основное месторождение все-таки здесь,— он обвел полукруг на западе,— а то, что мы сегодня имеем, всего-навсего отросток.

— Не встречал еще такого,— забурчал себе под нос Тулупов,— чтобы отростки на гору карабкались.

— А почему бы и нет?— вступился за Борзицкого Синеглазов.— Возьмите к примеру Ветровское месторождение, там именно так получилось.

— Так и не так,— не согласился Тулупов.— Вы забываете, Евгений Самуилович, что там совершенно иная геологическая обстановка. А впрочем, конечно, теоретически и этот вариант мы не должны сбрасывать со счета.

— А вы почему же молчите?— глянул на Овражного Козырев.— Искать-то все-таки вам придется.

— Я уже сказал и могу еще раз повторить, что абсолютно убежден: рудное тело падает на восток и искать его нужно только здесь,— Сергей отметил на карте район, затушеванный редкими линиями.

...Совещание продолжалось до самого вечера. Синеглазов заверил, что критика товарища Лобова будет непременно учтена и трест примет все меры, чтобы поправить упущенное.

Что касается дальнейших поисков, то согласились с предложенным Сергеем проектом, в котором главный упор делался на опоискование восточных площадей. Вместе с тем было решено заложить ряд скважин на западе, юго-западе, юге и юго-востоке.

— Силен же ты, бродяга. Нагнал на гостей страху,— сказал Сергей и хлопнул Лобова по плечу, когда последняя машина с начальством скрылась за поворотом в снежном туннеле.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Сухие чурки потрескивали, сыпали веером искры. Ветер подхватывал их, перемешивал в снежной круговерти и швырял в черноту. Коварма, Максимыч, Сергей об-

ступили костер, попеременно совали в пламя то руки, то ноги, ловя мимолетное тепло.

Какое это блаженство — костер в буранной степи! Живое пламя — в черной бездне холода. Тепло — в продрогшем насмерть теле. Тот, кто испытал это, знает: в такие минуты к людям приходят самые неожиданные мысли.

— Митрич, а Митрич,— подал голос Коварма,— объясни-ка мне, что такое старость?

— Старость?

— Да, старость.

— Общее одряхление организма.

— Так... А когда она наступает?

— У каждого в свое время.

— Мгу. Ну а как, по-твоему, Коварма — старый или нет?

— Думаю, что нет.

— Верно, Митрич, думаешь. Хотя, если прикинуть, то черт-те сколько уже отшагал, в шестой десяток забрался. А нет у меня до сих пор в душе ни одной паутинки старости. И кажется мне, что Коварма такой же, как и тридцать лет назад.

— Ты почаще в зеркало глядись,— подковырнул его Максимыч.

— Чего ты со своим зеркалом,— обозлился Коварма.— Я тебе не про рожу, а про душу толкую. Понимать надо. А в ней я — ну ни чуть не изменился! Кажусь себе молодым, и все тут. Почему так, Митрич, получается, а?

— Не знаю, Григорий Степанович.

Дрова были на исходе. Наянов собрал оставшиеся полешки, сложил их на гусеницу и прикрыл брезентом. Сергей принес из кабины ведро, вытряхнул из него пепел, набросал в него свежих углей.

— Ну что, пошли на отсидку?— предложил Коварма.

— Подожди,— придержал его Максимыч.— Спать теперь надо по очереди, а то чего доброго... Давай жребий.

— Верно, согласился Коварма. Достал коробок спичек, обломал две спички, присоединил к ним третью, с головкой.— Так, значит, кто вытянет самую короткую, первый дежурит, подлиннее — второй, целую — третий. Смена через час.

Первым досталось дежурить Наянову. Забравшись в кабину, Коварма с Сергеем устроились поудобнее и тут же уснули.

Тепло и дрема морили Максимыча. Зевота ломала скулы, глаза слипались. Он курил одну за другой сигареты, пытался напевать свою любимую песню, еще военную, про огонь в тесной печурке, но сон одолевал. Стрелки часов, казалось, не двигались. Боясь заснуть, Максимыч приспустил боковое стекло, холод потеснил сон, но не надолго...

«Вот леший, да откуда он взялся?— думал Максимыч про того конопатого солдата, которого в сорок втором схоронили под Сталинградом.— Слушай, ты же мертвый»,— убеждал он его.

А конопатый хохотал: «Это еще бабушка надвое сказала...»

— Митрич! Митрич! Слышь, что ли?!

Сергей с трудом открыл глаза, за обмерзшим стеклом вихрилось серое утро.

— Чего это с ним?— Коварма, будто ватную куклу, изо всех сил тряс Наянова.

— Ну чего ты на меня таращишься? Проспали Максимыча...

Костер умирал. Больше поддерживать его было нечем. Пурга не унималась третьи сутки.

Все, что способно гореть,— было сожжено. Коварма уже начисто «раздел» вездеход — не оставил на нем ни одной деревяшки. А сегодня утром, когда они едва-едва разбудили Максимыча, бросил в костер новый комплект резины, который Сергей с величайшим трудом достал для водовозки на базе треста.

Коварма с ожесточением рубил на куске брезента промерзлую до звона буханку хлеба — топор отскакивал, сыпал искристыми крошками. Максимыч выкатил из золы банку тушенки и никак не мог ухватить ее негнущимися руками.

Сергей вскрыл банку — мясо толком не разогрелось, сверху кусками плавал жир. Ели молча.

— Так что будем делать-то, Митрич?— оборвал молчание Коварма, повернув к Сергею обросшее заиндевелое лицо.

— Пожалуй, надо идти. Дальше ждать рискованно.

— Вот и я тоже думаю...

— Да куда же идти?— возразил хриплым, простуженным голосом Максимыч.— Куда? Вон оно как дует, под носом ничего не видно.

— А ты под нос не смотри, чего там интересного?— не удержался от подковырки Коварма.

— А вы что предлагаете, Максимыч?

— Да как что, Сергей Дмитриевич. Заберемся сейчас в кабину, запалим паяльную лампу, там еще немного бензина осталось...

— Прикимарим. И прямо без пересадки на тот свет,— в тон ему вставил Коварма.

— Типун тебе на язык,— огрызнулся Максимыч.— Посудите сами, Сергей Дмитриевич, ведь машину в степи завсегда отыскать проще, чем человека. А уйдем мы от нее, где нас искать будут?

— Да пойми ты,— перебил его Коварма.— Окочуримся мы, в бога мать, в твоей машине. Уснем — и с приветом. Ты же сегодня чуть не отправился — места нам с Митричем в первом ряду занимать?— снова подковырнул он Наянова.— А пойдем, не сегодня так завтра на жилье выйдем, на летовку, на лесок какой-никакой — все равно не пропадем.

— Ладно. Идти так идти,— сдался Максимыч.

Сергей уложил в рюкзак остатки продуктов: две булки хлеба, пять банок тушенки, кусок растресканного ноздреватого сыра. Бросил туда же блок сигарет и три коробка спичек. Коварма взял рюкзак Наянова. Запихал в него свою старую хозяйственную сумку («Да брось ты ее»,— хрипел Максимыч), брезент, обрывок сыромятного ремня, топор и паяльную лампу.

— Ну что, двинули?

— Давай, Гришка, по старой привычке присядем, перекурим на дорогу,— предложил Максимыч.

Выкурили по сигарете. Поднялись с корточек. Сергей первым вышел из-под укрытия вездехода и зашагал в кромешную белую тьму.

— Держись, Митрич, так, чтобы ветер все время в спину дул,— посоветовал Коварма, ступая след в след за Максимычем, прикрывая его своим огромным телом.

Максимыч надсадно закашлялся. Сергей остановился и повернулся к нему. Сухое костлявое тело Наянова отчаянно колотилось, будто он наступил на электрический провод. По впалым щетинистым щекам бежали мутные слезы.

— Постой-ка,— облапал его сзади Коварма.— Открой рот, ну — кому говорю!

Он набрал полную грудь воздуха и, припав к посиневшим губам Максимыча, выдохнул в него. На секунду глаза Максимыча остекленели, он захлебнулся, судорожно задергал острым кадыком.

— Носом, носом дыши! — И, стянув с себя теплый шерстяной шарф, Коварма закутал его лицо по самые глаза.

— Тоже мне лекарь-самоучка,— хрипел из-под шарфа Максимыч.— Чуть не задушил.

— Слышишь, Митрич?— лукавые морщинки собрались у длинных глаз Григория Степановича.— Еще сердится. Нет бы сказать Коварме спасибо, ведь наверняка забыл, когда и кто его в последний раз целовал.

— Шел бы ты со своим поцелуем...

— Я бы шел,— подмигнул Сергею Коварма.— Да вот ты раскаркался тут на всю степь, пришлось остановиться. Послушать, как же, интересно.

Максимыч что-то заворчал в ответ, но Григорий Степанович перебил его на полуслове:

— Хватит, наговорились, как меду напились. Тронули. Давай-ка, Митрич, я теперь впереди пойду.

Он поправил лямки рюкзака и, глубоко проваливаясь, побрел по снежной целине.

Спина Максимыча только что была перед глазами. И вдруг — его не стало.

«Что за черт?» — подумал Сергей и тут же полетел куда-то вниз.

— Ослеп, что ли, этот Коварма?— хрипел рядом с ним Наянов, выбираясь из сугроба.

— Ослепнешь, вон она как стелет!— с виноватинкой в голосе оправдывался Коварма, помогая Максимычу подняться.— Смотри-ка!

Он указал наверх, где сплошная лавина снега неслась со скоростью курьерского поезда, заподлицо заделывая рваные края неглубокого оврага.

— Черта с два тут разглядишь.— И, переводя встревоженный взгляд с Наянова на Овражного, Григорий Степанович участливо спросил:— Не зашиблись?

— Благодарствуем за мягкую посадку,— съязвил Максимыч, отряхиваясь.— Может быть, вернемся, повторим?

— Куда тебе повторять,— скосил на него плутоватые глаза повеселевший Коварма.— Ты и так громыхнул мослами, что я, грешным делом, подумал: теперь нам с Митричем их за неделю не собрать.

— А ты без грохота, как ангел, был — и нету. Хоть бы крикнул,— обиженно попрекнул его Максимыч.

— Ну чего ты в самом деле,— с прежней виноватостью заговорил Коварма.— Сам пойми, когда кричать? Ступил я точно в прорубь, не успел очухаться — и вы тут как тут. Ладно, Максимыч, нет худа без добра. Зато передохнем малость в затишке.

Он сбросил рюкзак, достал брезент, расстелил его у подветренной стенки оврага и первым плюхнулся в мягкое ложе.

Едва только Сергей коснулся спиной шуршащей осыпью стенки оврага и вытянул гудящие ноги, как веки его налились тяжестью и начали слипаться. Он с усилием пытался разодрать их, но глаза помимо воли закрывались.

«Так и уснуть недолго,— подумал он, встряхивая головой.— Неужели и сегодня никуда не доберемся?»

...Он шел к берегу, а берег как-то странно удалялся, на глазах ломая и меняя свои очертания. Низкое солнце плавилось, слепило. Раскаленный песок нестерпимо жег подошвы.

«Я больше не могу»,— пожаловалась неизвестно откуда явившаяся Ольга.

Он взял ее на руки. Видел ее глаза, слышал, как стучит ее сердце и... не чувствовал ее, будто она была бестелесна.

«Да это вовсе и не я»,— засмеялась вдали Ольга.

А берег уходил все дальше и дальше. И смех Ольги был все глуше и глуше.

«Куда же ты?»— хотел крикнуть ей Сергей и не крикнул. Ноги в чем-то путались. Он остановился и только теперь заметил, что забрел в какую-то топкую трясину. Холодные скользкие водоросли опутывали его, он срывал их с себя, отбрасывал, но они, как щупальцы страшного чудовища, тянулись к нему снова...

«Сережа!— мать склонилась над ним и трясла за плечо.— Вставай, сынок, на экзамен опоздаешь»...

Сергей открыл глаза. Над ним висел острый снежный козырек. Ветер мастерски обтачивал его, шлифовал, сыпал холодной стружкой прямо в лицо. Сергей передернулся, током прошелся по телу озноб. Неприятно заныли одеревеневшие пальцы на левой ноге. Он задвигал ими и чуть не вскрикнул — точно сунул ногу в кипяток. С трудом ворочая затекшей шеей, покосился на Ко-

варму и Наянова — они, по солдатской привычке сложив друг на друга головы, спали, запорошенные снегом.

— Максимыч! Григорий Степанович!

— А? Чего?— заворочался Наянов.

— Подъем!

— Эх, Митрич, Митрич,— с хрустом потягиваясь, проговорил Коварма с явным огорчением.— На самом что ни есть интересном месте разбудил.

— Водку небось лакал,— съязвил Наянов.

— Не успел, Максимыч... В баньке, понимаешь, был — в такой ядреной. Напарился — я те дам! Выхожу, значит, в предбанничек, тут баба, не пойму какая — жена не жена, такая, знаешь, красивая, стопку наливает и огуречик дает — тугой, пупырчатый. Только я это стопку к губам,— Коварма вздохнул удрученно,— а тут Митрич...

— А я так блины ел.— Наянов провел рукой по губам, будто вытирал их.— Да чудно так. Жена их скидывает со сковородки, а я хватаю, в масло и прямо целиком в рот. Так жму, что она едва печь успевает.

— Где у нас там, Митрич, хлебушек?— спросил Коварма.— Давай хоть пожуем малость. Максимычу что — он блинов нажрался, ему жить можно.

Коварма кое-как разрубил неподатливую буханку, аккуратно собрал в пригоршню крошки.

— Держи, Митрич,— сыпанул он в ладонь Сергею промерзших хлебных осколков,— а это,— подвинул к нему кусок,— за пазуху спрячь, пусть оттаивает. Ну, а ты-то будешь?— глянул он, посмеиваясь, на Наянова.— Или после блинов на чернуху не тянет?

Максимыч, не отвечая, сунул под полушубок свою горбушку и поднялся.

И опять ветер подталкивает в спину, и вязнут по колено в сугробах ноги, а вокруг снова белый беспросветный мрак.

А Сергей продолжал вспоминать...

...У входа в общежитие горела разноцветными огнями вмороженная в сугроб елка. Гремела музыка. Толпились, покуривая, рабочие, выбритые, в свежих сорочках, наглаженных костюмах.

«Так тебе и надо, пижон,— подумал Сергей, ставя «обслужку» впритык к котельной,— не отутюжил с утра брюки, теперь будешь копаться».

Он выключил зажигание, глянул на часы — без двадцати одиннадцать. Выбрался из кабины и заспешил в свою комнату.

— С наступающим, Сергей Дмитриевич!

— Спасибо. Вас также. Всех благ в новом году.

— Всех не надо,— пошутил кто-то.— Двух бы только...

— Каких же?

— Побольше руды и соответственно прогрессивки.

— Будет и то и другое.

В своей комнате Сергей стянул тяжелые сапоги, сбросил рабочую рубаху и начал умываться.

— Сергей Дмитриевич,— дверь приоткрылась, и в проеме показалась голова недавно принятого шофера с водовозки,— Лохов велел передать: руду подняли...

Много на свете слов. Хороших и разных. Но нет для геолога-поисковика более желанного, более красивого слова, чем слово «руда». Оно впитало в себя все: и тягость палаточного неуюта, и страсть поиска, и труд до седьмых мозолей, и необъятную синь просторов, и горечь несбывшихся надежд, и пьянящую радость победы.

Руда — поистине необыкновенное слово. И недаром оно стоит в созвездии главных понятий — Хлеб, Вода, Воздух, Нефть, Уголь,— без которых немыслима жизнь.

— А что он еще сказал? Сергей поспешно натягивал только что скинутые брюки.

— Да ничего больше. Передай, мол, Сергею Дмитриевичу, что руду подняли. И все.

Сергей сунул ноги в сапоги, поймал за рукав куртку и, посторонив топтавшегося в дверях шофера, бросился к Лобову. Тот брился перед зеркалом.

— Кончай. Поехали. На пятьдесят шестую, Лохов руду поднял!

— Чего? Откуда ей там взяться?

— Теоретики преподносят новогоднюю пилюлю практикам,— съязвил Сергей.

— Подожди ты,— Лобов смахнул полотенцем мыло с лица.— Толком что-нибудь объяснить можешь?

— Рад бы. Но, к сожалению, сам ничего не знаю. Знаю только, что подняли руду.

— Во-о дела!— на лице Лобова застыло полнейшее недоумение.— А может быть, это новогодняя хохма?

— Да брось ты... Поехали!

Пятьдесят шестая скважина была самой крайней на западе. Еще при закладке (Сергей всячески оттягивал и так бы, пожалуй, и не заложил ее, если бы не настойчи-

вые напоминания Борзицкого) Лобов окрестил ее бесполезной теоретической модницей. Большинство из того, чем они располагали, говорило за то, что искать здесь улизнувшую медь — попусту тратить деньги и время. Один шанс из тысячи. Это даже по теории вероятности равно нулю. И вдруг... руда.

«Но есть же, черт возьми,— думал Сергей,— и в геологии свои законы и каноны, на основе которых строится вся методика поиска?! А разве Синеглазов и Борзицкий не знают их?— возразил он себе.— Наверняка, получше нас знают. И в методике — еще как разбираются. Ведь обосновывают же они свои доводы, пусть не всегда веско, но тем не менее обосновывают. А мы (имею в виду себя и Лобова) даже не удосужились хотя бы для себя детально проанализировать их. Мы чаще всего просто отрицаем их доводы. Так легче, для этого большого ума не надо. Вот и доотрицались».

Старик Лохов, заложив ногу на ногу, сидел на скамье и внимательно из-под старомодных очков рассматривал обломок керна. Рядом с ним, облокотившись на стол, помбур Семен Рябов читал какую-то растрепанную книгу. Натруженно гудел мотор станка. Пол буровой временами вибрировал, позвякивали в углу запасные штанги.

— Иван Михайлович!— окликнул Лохова Овражный.— С наступающим вас!

— Спасибо. И вас также!— прокричал в ответ Лохов.— Вот она,— он подал Сергею обломок керна, где диабазы рассек медный колчедан.— Только, значится, в нее врезались,— пояснил Лохов,— и поднимать стали. Знать бы, повременить могли.

Сергей передал керн Лобову. Тот долго рассматривал его, ковырял в нем ногтем и даже пробовал на зуб.

— Что скажешь, Андрей?

— А что тут говорить? Первоклассная руда. Богатейшая...

— Пролетели мы с тобой, друг лапчатый.

— А это еще как знать... Давно снаряд опустили, Иван Михайлович?

— Давненько уже. А ну, Семен,—повернулся Лохов к помбуру,— глянь, сколь прошли?— и сунул по привычке в рот сивый ус.

— Двадцать пять сантиметров.

— Поднимем?— предложил Лобов.

— Дак куда же спешить?— возразил Иван Михайлович.— На полметре и поднимем.

Таинственное исчезновение Овражного и Лобова, видно, не прошло незамеченным. А может быть, и шофер с водовозки с кем-то еще поделился новостью. Как бы то ни было, но через полчаса на буровую Лохова заявились в парадных костюмах все свободные от смены мастера и помбуры во главе с Ковармой.

— Ну, где тут руда?— Григорий Степанович подхватил грязный ящик с керном и выставил его на стол.— Чего, Михалыч, молчишь — показывай!

— Экий ты бузотер, Гришка!— рассердился Лохов.— Куда приволок, поставь на место. Вон она, у Андрея Марковича.

— Это и все?— не поверил Коварма.

— Дак я ж и говорю — только врезались...

— Врежу я тебе,— пообещал Коварма,— если ты настоящей руды не поднимешь.

— А это какая тебе? Не настоящая?

— Это не руда, а кошкины слезы...

А кусочек руды тем временем ходил по рукам. И каждый старался задержать его подольше. Он, казалось, согревал, роднил всех этих, таких разных людей.

Мрачный прогноз Ковармы подтвердился. В поднятом общими усилиями керне еще семь сантиметров было руды, а дальше шла пустая порода.

— Так где же твоя руда?— ворочая цыганскими глазами, наступал на Лохова Коварма.— Где? Подсек мышиный хвостик, а людям весь праздник испортил.

Прикинув по вахтенному журналу пройденный метраж, Сергей задумался. До проектной отметки оставалось пробурить всего-ничего — два с лишним метра. Это — по-хорошему — на сутки работы. И скважину надо закрывать. А ведь может случиться, что подсеченное оруднение только предвестие большой руды, которая лежит где-то ниже?

— Слушай, чего ты там морокуешь?— позвал его от двери буровой Лобов.— Поехали. Спать хочется.

— Знаешь что, давай продырявим ее метров на двадцать-тридцать сверх плановой отметки.

— Да кончай ты! Кому это надо?

— Нам, Андрей. Понимаешь, убедиться надо. Чтобы не было как сегодня: а вдруг.

— Смотри, тебе виднее. Но я бы не стал давать лишний козырь теоретикам.

— Ничего. Будем играть в открытую.

На утро Сергей продиктовал радиограмму Борзицкому: 56 скважина. С глубины 247,41 до 247,54 поднят керн с интенсивным орудением. Прошу согласия бурить скважину до отметки 275».

Через час радист вручил ему ответ: «Согласен. Желаю удачи. Борзицкий».

Но удачи не было...

Равнина кончилась. Потянулся горбатый мелкосопочник. Идти становилось труднее. В лощинах снег доходил до пояса, на обледенелых пригорках ошалелый ветер валил с ног. Сергей с Ковармой все чаще менялись местами, а шли все медленнее.

И только память по-прежнему спешила — ей нипочем ни пурга, ни бездорожье.

...Январь выдался на редкость снежным. Почти каждый день вьюжило. Дороги к буровым — двух-трехметровые снежные туннели переметало ежечасно. Два стареньких бульдозера не успевали расчищать их. Бензовозы и водовозы зарывались выше кабин. Возникали пробки. Простаивали буровые из-за нехватки воды и горючего.

Лобов и Овражный на своих двоих мотались круглосуточно. С легкой руки Ковармы их называли «начальниками по совместительству» и «штатными подменными». Так оно в принципе и было. Они подменяли всех: и выбившихся из сил шоферов, и поморозившихся бульдозеристов, и приболевших буровых мастеров. Они были и грузчиками, и слесарями, и электриками, а чаще всего — снегокопами и толкачами. Нередко случалось, когда то один, то другой из них заявлялись среди ночи, поднимали всех, кто был способен держать лопату, и вели на выручку забуксовавшей машине.

В эти трудные дни Нина, кроме камеральных, вела все геологические работы. Она принимала и закрывала 52, 53, 54 скважины, которые не только не нащупали руды, но и не обнаружили предполагаемого поперечного разлома и тем самым намного усложнили дальнейшую разведку основного рудного тела. Она часами копалась в ворохах геологических разрезов площадей, поднимала все данные аэросъемки, геофизиков — сравнивала, сопоставляла, анализировала. По ночам же, случалось до

зари, корпела над составлением всевозможных отчетов, докладных, справок, которые каждодневно запрашивали из экспедиции.

Наконец, погода установилась. Нарушенный производственный цикл постепенно стал входить в свою обычную колею, приобретать стабильную ритмичность. Отоспавшись вдоволь, каждый из них — Лобов, Овражный, Нина — занялся своими неотложными делами. А их за это время накопилось немало.

Андрей с головой ушел в строительство жилья и производственной базы, Нина расчищала завалы в камералке, а Сергей, обеспечивая фронт работы буровых, делал наметки будущих поисков на тот случай, если и последний вариант — Нинин вариант с продольным разломом — не укажет путь к большой руде.

Заново просматривая все материалы, он как-то взял новый проект буровых работ на текущий год, нашел карту поисковых площадей, раскрыл ее.

«Постой-ка, а это что за ерунда?— взгляд его уперся в точку с пометкой «67 скважина».— Почему она у нас вдруг картировочная? Чушь какая-то. Закладывать семидесятиметровую скважину на предполагаемом разломе? Кому это в голову пришло?

Чем дальше Сергей изучал уже утвержденный проект, тем больше находил в нем несуразиц и изъянов. А когда осмыслил его в целом, то выругался с досады, закурил и, прихватив с собой книжку проекта, пошел в контору, где Лобов что-то диктовал Нине.

— Слушай, деятель, ты последний проект буровых работ перед тем, как визировать, смотрел?

— Смотрел. А что?

— Ничего ты не смотрел — вот что.

— Ты сегодня не с той ноги встал?— ухмыльнулся Лобов.

— Это ты вот здесь,— он потряс книжкой,— левой ногой приговор всем нам подписал и доволен.

— Подожди, Сережа,— посерьезнел Лобов.— Какой приговор? Давай разберемся...

— Какой смысл теперь разбираться? Теперь только пахать впустую.

— Да объясни ты...

— Где мы планировали в этом году искать основное рудное тело?— Сергей развернул карту поисковых площадей.

— Ну, здесь же, конечно,— указал Лобов на восток.

— А искать, судя по завизированному тобою проекту, будем здесь,— Овражный накрыл широкой ладонью площади на западе.

— Чего ты придумываешь?— возразил Лобов.— Смотри, на востоке у нас десять, а на западе, как и договаривались, восемь скважин.

— Правильно. Но зато на западе из восьми семь поисковых и только одна картировочная, а на востоке — поисковых всего шесть, а остальные четыре картировочные. А теперь посмотри на их расположение. Мы считаем, что где-то здесь,— он провел кривую на карте от шестьдесят первой до шестьдесят седьмой скважины,— продольный разлом. И хотим подсечь его. Так?

— Так,— согласился Лобов.

— А чем же мы его нащупаем, если проектом здесь предусмотрены скважины глубиной семьдесят пять метров? Ты-то не хуже меня знаешь, что именно тут надо бурить как минимум до отметки триста пятьдесят. Как же ты визировал такую ересь?

— Да...— тяжело вздохнул Лобов.— Дела...

А потом, мы же с тобой, помнишь, договаривались что выносим одну поисковую скважину за сетку поисков. Вот сюда, во впадину.— Сергей ткнул пальцем по ту сторону речушки Карасу.— Где она, эта скважина?

— Как где?— Андрей потянулся к карте.— Слушай, ну, честное слово, была! Борзицкий еще предлагал убрать, а я сказал: ни в коем случае...

— Была, да сплыла...

— Что же теперь делать-то, ребята?— удрученно спросила Нина.

— А это пусть он думает,— кивнул на Лобова Сергей.— Он же визировал.

— Ну чего ты — визировал, визировал!— обиделся Андрей.— И ты бы с таким же успехом завизировал. Спросил же еще как человека: Валерий Павлович, вы все наши предложения учли? А как же, коллега,— передразнил он Борзицкого,— все до единого. Вот только насчет последней скважины и разговор был. А так глянул — все, кажется, в ажуре. Было мне там время разбираться, куда он и какие загнал...

Сергею стало неудобно за собственную резкость. Конечно же, Андрей прав. Ведь подписали же проект помимо Лобова десятки специалистов. Подписали с полной уверенностью, что он отражает истинное положение ве-

щей. И Тулупов утвердил. Кого-кого, а его-то не заподозришь в симпатии к Борзицкому.

— Ладно, Андрей. Не было этого разговора. Давай думать, как теперь выкручиваться. Если придерживаться проекта, то через неделю, самое большее — через десятидневку шестьдесят первую надо закрывать. Рассчитывать на то, что она на запроектированной глубине даст нам какой-то козырь в руки, наивно.

— Точно так же, как и на то, что Борзицкий согласится перевести ее из картировочной в поисковую,— продолжал его мысль Лобов.— Был бы на месте Тулупов,— мечтательно произнес он,— в два счета бы все эти узелки развязали.

— Но Тулупова нет. И будет он где-то в середине февраля. Не поставим же мы на прикол буровые.

— Ясное дело, не поставим. Так что ты предлагаешь?— спросил Лобов.

— Надо всеми правдами и неправдами убеждать Борзицкого. Доказывать. Настаивать.

— Скажу тебе наперед — мертвое это дело.

— Другого выхода просто нет.

— Нет выхода, и это не выход,— снова тяжело вздохнул Андрей.— Ну да шут с ним — попытка, говорят, не пытка...

Весь вечер они в самых дипломатических тонах составляли подробнейшую радиограмму Борзицкому. В ней не было даже намека на то, что в проекте допущены ошибки или неточности, что не учтены их предложения — после драки кулаками не машут. Они принимали проектное задание в целом, но просили перевести шестьдесят первую и шестьдесят седьмую скважины в поисковые только потому, что за последнее время получены новые данные о стратиграфии разведуемого района, которые обязывают в интересах дела внести поправки в утвержденный проект.

Утром радиограмма была передана в экспедицию. Через три дня, не дождавшись ответа, Сергей попросил радиста вторично отстучать ее слово в слово. И снова молчание...

Тем временем шестьдесят первая и шестьдесят седьмая скважины приближались к запроектированным отметкам. Закрыть их — значит, навсегда оставить нерешенным вопрос о продольном разломе, значит, утерять то единственное звено, которое в геологии нередко ока-

зывается своеобразным мостиком от неудачи к удаче, от поиска — к находке.

Продолжать бурить в нарушение проекта? Но это же ЧП! Строгач с занесением — в лучшем случае. А в худшем — и с прокурором познакомишься.

На вечерний сеанс связи в радиорубку вслед за Сергеем пришла Нина, за ней Андрей. Радист уже принял целую гору радиограмм, но той, которую ждали, так и не было.

— Стучи, Володя,— Сергей начал диктовать радисту.— Борзицкому. Молния. В третий раз прошу согласия на перевод известных вам скважин в поисковые. Почему не отвечаете? Вынуждены считать ваше молчание за согласие. Лобов. Овражный.

— Ловко ты его,— потер от удовольствия руки Андрей.

Минут тридцать ждали ответа. Аппарат молчал.

— Вот же пижон,— не вытерпел радист и застучал ключом: «Валька, ты куда деваешь наши радиограммы?»

«Старик,— отвечал ему тот из экспедиции,— все идут по назначению. И последняя на столе у Борзицкого».

«Пойди и скажи ему, слышишь,— отстукивал Володька,— что мы на связи и ждем ответа».

Минут через десять экспедиционный радист передал:

«Был, сказал. Он поморщился и махнул рукой. Привет. Связь прекращаю...»

Андрея почему-то больше всего обидело не то, что Борзицкий так и не ответил на их радиограммы, и даже не то, что он махнул рукой, а то, что он поморщился.

— Тоже мне,— ворчал он всю обратную дорогу,— сидит там в мягком кресле и еще морщится. Видите ли, от великих дел оторвали — он поморщился... Давайте рискнем на зло тем, кто морщится?— неожиданно предложил Лобов.

— Спасибо, Андрей. Рискнем.

— За что спасибо-то? Идеалист ты, Серега,— хмыкнул Лобов.— Ведь если нас засекут раньше, чем Тулупов появится, и если вообще вокруг шум поднимут, то в первую очередь к ответу тебя потянут и на тебе отыгрываться будут. Мы с Ниной так, в пристяжных пройдем, а ты в роли коренника окажешься. И не потому, что ты старший геолог, а потому, что ты у них, как чирей на мягком месте. Сковырнуть тебя ой как им хочется!

— И все равно рискнем.

— Не сносить тебе, Азамат, головы,— вспомнила Нина любимого Лермонтова.

— Да что вы запаниховали?— развеселился Сергей.— Выше головы, тогда их носить легче. Знаете, о чем я думаю? Уж если рисковать — давайте на полную катушку. Днями нам надо перетаскивать буровую Хайбоши. Ставим ее вон там,— он указал на впадину за речкой.— На том месте, где и планировали, за сетку поисков. Расчет прост: разница в рельефе здесь где-то двести с лишним метров. Пока шестьдесят первая и шестьдесят седьмая будут нащупывать разлом, то за счет этой разницы, можем, если медь все-таки там, подцепить ее. Как вы на это смотрите?

— Я «за»,— горячо поддержала его Нина.

Медленно, с невероятным трудом Максимыч вытаскивал из сугробов ноги, неуверенно, словно ходули, переставлял их, горбился, валился всем телом то в одну, то в другую сторону. Во всем его облике появилось нечто ватное, вялое, а каждый жест кричал о нечеловеческой усталости.

Но он пока еще шел.

Сухой надрывный кашель все чаще душил его, казалось, в груди у него что-то со скрежетом рвется, вот-вот разнесет его на части.

На последнем перекуре Максимыч поминутно позевывал, клевал носом и, не дотянув до рта сигареты, засыпал.

— Максимыч!— негромко окликал его встревоженный Коварма.— Ты чего это, брат, раскурылился?

Тот с усилием открывал глаза и ничего не отвечал.

— Ты давай-ка поешь. Оно лучше будет.

Григорий Степанович разогрел паяльной лампой консервы, вскрыл банки, достал из-за пазухи свою горбушку хлеба.

— На-ка держи.

Но и ел Максимыч нехотя, через силу, то и дело роняя горбушку с мясом в снег.

— Я те побросаю,— маскируя грубостью наплывающую нежность, ворчал Коварма.— Давай-ка сюда руки.

Он распахнул куртку, пиджак, поднял толстый свитер и засунул длинные негнущиеся руки Наянова себе под мышки.

— Щекотать будешь — по шее получишь. Ноги-то озябли?— Максимыч отрицательно покачал головой.—

Врешь небось? Дай-ка, Митрич,— указал глазами на недоеденный кусок.— А ну, ешь!

Пока Коварма отогревал и насильно кормил Наянова, Сергей натаял в пустой банке снега и бросил туда пригоршню распавшегося на куски сыра.

— Вот теперь чайком с сыром побалуешься,— Коварма поднес к губам Максимыча закопченную, дымящуюся банку,— и совсем петухом запоешь. Дуй, смотри, обваришься.

Наянов, обжигаясь, жадно глотал кипяток, губы его побелели, на лбу выступила крупная испарина.

— Ну что, наелся, напился?—Григорий Степанович выпустил из-под мышек руки Наянова.— А теперь и побороться не грех.

Он ухватил Максимыча за пояс и так затряс его, что Сергею показалось — Наянов рассыплется.

— От-тпусти, хол-лера-а...

— Порядок! На-ка, покури,— Коварма подал ему зажженную сигарету,— и будем трогать потихоньку...

Максимыч затянулся раза два, передернул плечами, поднялся.

— Пош-шли,— нескладно выдавил из себя он.— Хо-хо-лл-дно...

Вот так же нескладно, как и говорил, он шел теперь впереди Сергея.

...Анонимное заявление на Овражного Синеглазов, замещавший Амирова, уехавшего в долгосрочную командировку за рубеж, поручил проверять комиссии во главе с начальником отдела кадров экспедиции Стаховым.

Сергей не знал — хорошо это или плохо. Каких-либо недоразумений, споров или взаимного непонимания между ними за время работы не было.

Лобов же, едва только Стахов объявил о своей миссии, сразу помрачнел, ощетинился.

— Ты чего это будто крапиву проглотил?— спросил его Сергей, когда Нина повела гостей размещать по комнатам.

— Плохи наши дела, Серега,— мрачно отрубил Андрей.

— Не так страшен черт, как его малюют,— пошутил Овражный.

— Это, Серега, не черт. Это аллилуйщик. Ты его не

знаешь. Стахова, если завтра в рай с проверкой послать, он и там мешок дерьма наберет. Так все обставит, так преподнесет, что и всемогущему господу богу ничего не останется, как немедленно подать в отставку. А нам с тобой и подавно.

— Не паникуй, как-нибудь отобьемся.

— Был ты идеалистом и останешься им,— махнул безнадежно рукой Лобов.— Да ты что, не видишь?— он поднял тяжелый взгляд на Овражного.— Тебе уже замену привезли.

— Какую замену?— уставился на него Сергей.

— А такую — самую натуральную. Ты не догадываешься, почему это вдруг обошли Тулупова? Почему состав комиссии определял сам Синеглазов — ему что, больше делать нечего? И почему, наконец, в ней оказался своячок Борзицкого — Лесин? Тоже мне величину нашли, авторитет. Все тут, Сергей, ясно. Не знаю, как со мной, а с тобой вопрос уже решен. Под любым предлогом освободят. А на твое место Лесина посадят. Они знают, что не нынче, так завтра, но мы медь большую подцепим. Вот и окажется неклятый и немятый Лесин в первооткрывателях...

Стахов так загрузил всех членов комиссии, что те, бедолаги, по целым дням не выбирались из кернохранилища, ворошили старые отчеты, сидели сутками на буровых. Сам Федор Васильевич по-хозяйски обосновался в конторке и через Ванятку, внучка поварихи, приглашал к себе на беседу поочередно всех свободных от смены мастеров и рабочих. Разговор заводил издалека, хитрил, строил ловушки, всячески пытался выведать что-либо компрометирующее Овражного.

И одного только не знал Стахов, что все приходившие к нему уже заранее были проинструктированы Ковармой, и потому вели себя крайне осторожно, на вопросы отвечали однотипно: «не знаю», «не был», «не видел».

По всем вопросам Стахов требовал от Сергея объяснительные. И тот вначале писал их одну за другой, а потом плюнул.

— Некогда мне этой чепухой заниматься! Проверяйте. А как кончите, я по всем возникшим вопросам объяснюсь.

— Да ты не нервничай, не сердись, Сергей Дмитриевич,— юлил перед ним Стахов.— Сам понимаешь, всякое дело порядка требует...

Сергей чуть было ие налетел на Максимыча. Тот, раскачиваясь циркулем, иикак ие мог вытянуть завязшую в сиегу иогу. Полуобияв Наяиова за талию, ои забросил его руку к себе иа плечо и повел, как водят тяжелобольиых.

— Вот и я говорю, всякое дело порядка требует,— сиова услышал Сергей угодливый голос Стахова.— Видишь, как оио получается, не сумел ты иавести порядка, и трясем мы тебя...

— А вы так быстро успели определить, сумел или ие сумел иавести я порядок?— поймал иа слове Стахова Сергей.— Классно работаете. И проект приказа на увольиеиие, иавериое, уже заготовили. Где ои, там, что ли?— Овражиый кивиул иа пухлую папку Федора Васильевича.

— Какой приказ, Сергей Дмитриевич? Да это же я так... Просто... К слову...

Стахов трудился...

В справке, составленной им, отмечалось, что все факты, указаниые в аноиимиом заявлении, имели место. А дальше подробиейшим образом расписывались эти самые «факты».

Чего только ие вмеиялось в вииу Овражиому?!

Прочитав справку, Сергей передал ее Лобову и закурил.

— Так вы, Сергей Дмитриевич, объясиеиьице иам,— иапомнил Стахов.

— На клевету, Федор Васильевич, объяснений ие пишут. За иее к ответу призывают.

— А вы ие пугайте, Сергей Дмитриевич. Вы еще вот по этому,— он достал из папки ту иеожиданио пропавшую тетрадь с иедописаииым письмом Ольге и стопку фотографий,— перед членами комиссии обязаны объясииться. Имейте в виду...

Не дослушав, Овражный смахиул со стола тетрадь и фотографии. Они с шумом, будто вспугиутая стая птиц, разлетелись по полу. Оставляя на сиимках рубчатые отпечатки сапог, Сергей вышел из коиторки...

Вскоре после отъезда комиссии Овражиого вызвали в трест.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Черная пуржистая ночь захлестнула Мугоджары. Было в ней что-то зловещее...

Всматриваясь в зыбкую мглистую тьму, вслушиваясь в непонятные шепоты и шорохи, прерываемые монотонным завыванием ветра, Сергей все отчетливее сознавал безнадежность положения.

В душе страх. Страх не за себя. О себе как-то не думалось. Страх за Максимыча.

Силы покидали Наянова. Каждый новый шаг давался ему все труднее и труднее. Ноги отказывались повиноваться. Сколько он еще осилит шагов? Десять, пятнадцать, двадцать?.. А что это даст? Что? Ведь впереди немереные километры. Кто знает, где оно, жилье? Далеко? Близко? Как отыскать его в этой незрячей круговерти, если Сергей давно уже не видит бредущего в двух шагах Коварму, на ощупь угадывает проложенный им след?

И все равно — надо как-то обогреть Максимыча. Обогреть... Только в этом для него спасение. Где и как?— снова и снова спрашивал себя Сергей и не находил ответа...

Неужели это конец?

— Чего ты, Митрич?— спросил рядом невидимый Коварма.

— Запалите лампу, Григорий Степанович.

— Что, совсем пристал наш Максимыч?

— Пожалуй, да...

Коварма, видно, никак не мог в темноте развязать рюкзак. Достав наконец лампу, встряхнул ее — бензин плескался на самом донышке.

— Давай, Митрич, банку,— он снова потряс лампой,— может, хватит чайку ему вскипятить.

Сергей, стягивая рюкзак, выпустил на минутку Наянова, и тот, словно подрубленный, рухнул в снег. На ощупь они протоптали в глубоком снегу просторную траншею, бросили на дно рюкзак, подняли Максимыча, усадили его, а сверху прикрыли от ветра брезентом.

— Хреновые наши дела, Митрич,— пламя высветило обветренное похудевшее лицо Ковармы.— Так хреновы, что дальше и некуда,— ворчал он, подсыпая в банку сухой, как песок, снег.— Все это я к чему? А к тому, Митрич, что должны мы обхитрить пургу. Да что там должны?! Я, к примеру, вот перед ним,— он повернул голову

в сторону Наянова,— обязан. Старый должок за душой ношу. Давай-ка, Митрич, закурим.

И пока Сергей доставал папиросы, разыскивал спички, Коварма тихонько поругивал завозившийся в бедре осколок (какого черта не лежится!) и не думавшую утихать метель (совести никакой не знает!).

— Есть у меня, Митрич,— начал он после глубокой затяжки,— к тебе один чисто мужской разговор. Давно собираюсь с ним, да все как-то случая подходящего не было. А вот нынче, думаю, в самый раз... Оно, конечно, может, и не мое это дело, да и не мне тебя учить — учителей, небось, и без меня хватает, а все-таки скажу я тебе: неважно ты, Митрич, живешь... Как бы это получше выразить — не лицом, а боком по своей дорожке топаешь, по личной дорожке...

— Как это боком?— не понял Сергей.

— Вот так,— пояснил Коварма.— Человек ведь грудью по жизни идет, а у тебя, ты только не обижайся, получается, что боком ты ходишь. На работе тебе цены нет. Но ведь человек не машина, он не только работать должен, а и жить еще. Вот давай на минуту отбросим работу — и что с тобой станется? А ничего — словно нет тебя вовсе на свете. Все это я к чему веду? А к тому, Митрич, что жениться тебе надо.

Сергей в последнее время и сам думал об этом. Житейская неустроенность давала о себе знать. Но он и представить себе не мог, что в его холостяцкую комнатушку, единственным украшением которой был увеличенный цветной портрет Ольги, войдет какая-то женщина, оскорбит память первой любви, неповторимые чувства, которые жили в нем эти годы.

— А потом и так рассуди,— продолжал Коварма,— нехорошо оно с твоей стороны получается: ведь любит тебя Нина Александровна, до смерти любит. Извелась девка начисто. А ты, значит, ноль внимания. А разве она виновата, что любит? Это уж каждому свыше дано. Знаю, скажешь мне: я, дескать, ее не люблю. Может, и так пока. Но нравится она тебе. Я давно подметил, что тянет тебя к ней, только упираешься ты...

— Упираюсь, Григорий Степанович.

— И потому катится мимо тебя жизнь, как вода мимо валуна. Давай так прикинем: скажем, любишь ты ту, что на портрете, может, и она тебя до сей поры любит, хотя, если бы любила, то всякие пакеты с бухты-барахты не стала бы посылать, ну да пусть любит. И вот, значит,

в одно прекрасное время вы встретитесь, разберетесь во всем, мерзавца Баркина поклянете, ну и, предположим, сойдетесь для совместной жизни. Это я так, предположительно. А если в трудную минуту она снова от тебя откачнется?

Коварма присмолил потухшую папиросу и долго курил.

— Мой тебе совет, Митрич,— наконец заговорил он,— пригляднсь к Ине Александровне — золотая вы пара, ей-богу! Может, и проснется там,— он застучал себя кулаком по груди,— то самое, что любовью кличется...

— И мой тоже,— еле слышно прохрипел Максимыч.

«Они еще ничего не знают об Ольге,— подумал Сергей, имея в виду Коварму и Наянова.— Ничего не знают о моей последней встрече с ней,— уточнил он,— и потому думают, что у меня с Ольгой все кончено... Я приехал на совет треста и сразу же кинулся искать Ольгу... Трудная встреча. Трудный разговор. Кажется, она поверила, что меня оклеветали. Они точно рассчитали, они — Баркины, Борзицкие, Синеглазовы. Главное — поколебать веру в себя, в любимого. Они — это и мать Ольги, ее мирок, ее мораль. И они могли победить, и Ольга могла выйти замуж за первого встречного — лишь бы маме подходил. Они точно рассчитали силы — и свои, и Ольгины, и ее матери. И ударили точно. Но не убили нас — ни меня, ни Ольгу,— только ранили, тяжело и надолго. Все надо начинать сначала. Самое трудное — это то, что до нашей последней, вчерашней, встречи была и любовь, и вера, и чистота, и надежда, и мы знаем об этом и помним. И потому нам трудно теперь делать вид, будто у нас ничего не было. Было, и мы помним об этом. Но главное — Ольга снова поверила в меня, в нашу любовь»...

Сергей никогда не предполагал, что его личная неустроенность кого-то в партии беспокоит, заботит. Честно говоря, он даже и подумать не мог, что Коварму, этого острого на язык бражника, и зачерствелого Наянова может волновать его любовь. И он был благодарен им за их участие...

Бензин в лампе кончился. Пламя бессильно затрепетало и погасло. Стало как будто темнее, чем прежде. Сергей не видел собственной руки.

— Хоть в жмурки играй,— ворчал Коварма, боясь

расплескать горячую воду.— Посвети, Митрич, а то я ему вместо рта в ухо налью. Ничего не видно.

Сергей жег одну за другой спички. Григорий Степанович пытался напоить Наянова, но тот захлебывался, стучал о край банки зубами, вертел головой. Вода плескалась за воротник куртки, бежала струйками по длинной шее Максимыча и тут же превращалась в сырой иней.

— Не пьется... Оно, конечно,— балагурил Коварма,— поднеси я тебе что другое, небось бы тяпнул. А это что? Вода и есть вода. Но ничего, Максимыч, ты держись. В этом все,— он передал Сергею банку с недопитой водой.— Сейчас мы тебе зарядочку сделаем.— Григорий Степанович положил Наянова на брезент, встал на колени и начал упружисто разминать грудь Максимыча. После этого он долго разводил и сводил руки Наянова, сгибал и разгибал их в локтях.

— Вот так. Теперь отдохни.— Коварма закутал товарища в брезент.— А мы с Митричем чуток пожуем, покурим, и двинем дальше.

Мерзлый хлеб скрипел на зубах, леденил, покалывал десны...

— ...Вы понимаете, товарищ Овражный, что нарушив проект буровых работ, вы тем самым совершили преступление?— Синеглазов особо подчеркнул последнее слово.— Да, да, я не оговорился — именно преступление.

— Понимаю. Но только я не совершал преступлений, я исправлял ошибки, допущенные в проекте,— отчеканил Сергей.

— Посмотрите, какая самоуверенность,— театрально развел руками Синеглазов.

— Позвольте, Евгений Самуилович,— тяжело поднялся с кресла Тулупов.— Мне крайне неприятно, товарищи, говорить об этом,— он обвел взглядом всех членов научно-технического совета, сидящих за длинным полированным столом,— но приходится. Окончательный вариант проекта буровых работ составлял Валерий Павлович. Не знаю уж, как там, с умыслом или без умысла, я думаю,— он перевел взгляд на Борзицкого,— Валерий Павлович сам об этом скажет, в проекте не были учтены предложения руководства партии и вообще предусмотрены поиски рудного тела в совершенно ином направлении...

— Михаил Иванович,— перебил его Синеглазов,—

как вас понимать? Ведь составленный Валерием Павловичем проект утвержден вами.

— К сожалению, это так. Но это не меняет сути дела. В проекте — липа. И Овражный, обнаружив ее, немедленно ставит в известность товарища Борзицкого. Он трижды,— Тулупов покопался в папке, достал копии радиограмм и положил их на стол перед Синеглазовым,— трижды запрашивал согласия Валерия Павловича на перевод картировочных скважин в поисковые и, не получив ответа, поступил так, как ему подсказывала совесть геолога. Я считаю, что в данном случае, если говорить вашими словами, Евгений Самуилович, преступление пытались совершить мы с товарищем Борзицким, и мы заслуживаем наказания, но ни в коем случае не Сергей Дмитриевич, который своевременно предотвратил наши попытки...

Сергей достал из кармана сигареты, закурил. Натруженно ныли избитые ноги, все тело разламывала усталость. Хотелось спать. Вытянуть бы сейчас ноги, подложить кулак под щеку и...

— Хватит, Митрич, передохнули. Пора,— поднялся Коварма.— Значит, сейчас так: ты передом, а я с Максимычем следом.

— Как это — вы с Максимычем?

— А так. Посвети-ка еще,— Коварма перехлестнул лямки двух рюкзаков, усадил на них Максимыча.— Помоги-ка теперь мне, Митрич, забросить его на спину.

— Постойте, Григорий Степанович. Давайте так: одна лямка вам на плечо, другая мне, а Максимыч между нами.

— Это потом, Митрич, потом. Идти нам с тобой еще да идти. По-всякому перепробуем. А пока давай-ка я с ним погуляю.— Коварма взгромоздил на спину Наянова.— Прикрой-ка его там брезентом. Ну, как говорят, с богом.

Сергей ломился через вязкую тьму и в то же время видел себя как бы со стороны — на стуле, у самой двери, в просторном кабинете Синеглазова.

— Вы, товарищ Овражный, наотрез отказались давать объяснения комиссии. Так?

— Да, так.

— Тогда, может быть, нам соизволите объяснить,— съехидничал Синеглазов,— куда все-таки девалось сорок с лишним метров керна с двадцать второй скважины?

— Двадцать вторую мы бурили полтора года назад. И вы, Евгений Самуилович, хорошо знаете наши тогдашние условия. Керн хранился где и как придется. Не исключено, что он утерян. Хотя я в это мало верю. Он все-таки где-то в хранилищах. Просто комиссия в спешке не нашла его. А возможно, его перевезли в экспедицию, тогда и такое у нас практиковалось.

— Да вы не крутите, Сергей Дмитриевич,— скривился в усмешке Синеглазов.— Признайтесь, чего там. Ведь мы тут тоже кое в чем разбираемся. Схалтурили, не добурили скважину на 43 метра, а отчитались — все в норме. Денежки получили, непройденный метраж в выполнение плана загнали. А то — комиссия, спешка, утеряли...

— Мне признаваться не в чем,— чувствуя, что бледнеет, отрубил Сергей.— И вообще, кто вам давал право разговаривать со мной, как с подсудимым? Почему вы приписываете мне все, что вам вздумается?— наседал он на Синеглазова.— Прежде чем обвинить меня в подлоге, вы бы потрудились посмотреть техническую характеристику скважины. Вот она, послушайте.— Овражный достал из кармана сложенный лист, развернул его и, чеканя каждое слово, начал читать:—«Скважина № 22. Пробурена на глубину 247 метров. Отсутствует в наличии керн с отметки 143 до 186 метра...» Как вы себе представляете тот недоруб, о котором вы только что говорили?

— Ну, хорошо, хорошо. А куда же все-таки, Сергей Дмитриевич, девался керн?

— Что — хорошо?— не отвечая на вопрос Синеглазова, спросил в свою очередь Сергей.— Хорошо то, что вы, пользуясь председательским креслом, безответственно бросаетесь словами и клевещете уже не на меня, а на весь наш коллектив? Это — хорошо?

— Знаете ли,— посерел Синеглазов,— говорите, да не заговаривайтесь!

— Я не заговариваюсь. Если кто из нас и заговаривается, так это вы. Сейчас вы непременно потребуете, чтобы я объяснил пропажу трех бочек из-под автола.

— Да, потребую,— пристукнул ладонью по столу Синеглазов.

— Так пусть за них перед вами объясняется товарищ Баркин. Он их получал. А я их в глаза не видел.

Тулупов неуклюже ворочался в кресле, точно сидел на раскаленных гвоздях, косился на Овражного, делал ему разные знаки: «Брось, мол», но тот, не думая о последствиях, рубал напрямую...

Черный снег неожиданно ожил под ногами, сдвинулся и пополз. Сергей отпрянул, присел, оперся на каблуки. Сзади напирал прерывисто дышавший Коварма.

— Стойте, Григорий Степанович!

— Чего там?

«У-у-фф!»— донеслось откуда-то снизу.

— Черт его знает. Скорее всего обрыв.

— Этого добра тут хватает.

Сергей пошарил по карманам, достал спички, засветил. Перед глазами — белое непроглядное месиво. Коварма тем временем отстегнул лямки рюкзаков и пытался выпутать из них похрапывающего Максимыча. Сергей помог ему.

— Отдохните немного, я сейчас...

— Смотри, Митрич, поаккуратнее,— предупредил его Коварма.— Тут так гробануться можно, что потом ни на одном конвейере не соберут.

Осторожно прощупывая каждый метр, Сергей пошел вдоль невидимого обрыва. Ориентиром ему служил ветер, наотмашь хлеставший в правую щеку. По всей вероятности, они брели по волнистому гребню увала, который так вот вдруг оборвался. Через сто шагов Сергей почувствовал, что ноги его глубже увязают в снегу, что он опускается. А еще через триста (как все геологи, Сергей отсчитывал шаги почти машинально) он оказался в каком-то распаде, где ветер выл, точно в аэродинамической трубе.

По собственному следу, все так же считая шаги, Сергей вернулся назад.

— Что, Митрич, выходил?— спросил Коварма, прикрывая рукой от ветра сигарету.

— Распадок какой-то. И ветрище.

— Распадок? Это уже дело. Вот по нему и двинем. Так оно надежнее.

— Как Максимыч?

— Ничего. Пофизкультурничали с ним малость. Хитер — ходить не хочет, а брыкается, как правдишний.

А теперь вон, слышишь,— в мужики выбивается — похрапывает. Так, глядишь, пурга и храпеть научит.

Непросто это — идти в связке. Да еще вслепую. Вначале Сергей никак не мог подстроиться к саженным шагам Ковармы — отставал, путал ногу. И потому Максимыч то и дело наваливался всей тяжестью на него, так что плечо под лямкой надламывалось. В такие моменты Григорий Степанович тянул Наянова на себя, давая ему возможность поправить лямку, сбавлял шаг, приноравливаясь к Сергею. Мало-помалу они «притерлись» друг к другу — пошли ровнее.

Снег на дне распадка был утрамбован. Тугой пружиной ветер подгонял, подталкивал в спину. Идти бы да идти. Но уставшие ноги плохо слушались...

— Надеюсь, этого-то вы отрицать не станете?— снова донесся до Сергея въедливый голос Синеглазова.— Это документ.— Он, показывая, бросал на стол уже знакомые фотографии.

— Нет, не стану. Что было, то было.

— Интересно, как же вы это расцениваете?

— Возможно, в данном случае мы допустили ошибку. Но даю вам слово, и его могут подтвердить все в нашей партии, что пьянки, тем более коллективной, как записано в справке, не было. Был по-человечески хороший, веселый ужин — с музыкой, шутками, песнями, плясками. Нам казалось, что люди этого заслужили.

— И вы организовали его?

— Да, я.

— Все ясно, товарищ Овражный. Вы не только организовывали веселые ужины,— усмехнулся в скобку усов Синеглазов,— но и открыто покровительствовали пьяницам и бездельникам, таким, как Коварма.

— Коварма, к вашему сведению, не пьяница и не бездельник.— Сергея опять вышибло из колеи.— Да, он может выпить в свободное время. Да, он может отколоть и такое, на что другой никогда не решится. Это уже натура. Ее не переделаешь. И в то же время Григорий Степанович — лучший буровой мастер не только в партии или экспедиции, но и в тресте. Назовите мне другого такого, который бы почти на три года раньше срока справился со своим заданием, а план бурения на станок в среднем за прошлый год выполнил бы на 174 процента?

— Вы нас, Сергей Дмитриевич, процентами не пугайте. Мы ведем речь о моральной стороне вопроса.

— Я тоже о ней. Потому что основой морали является, прежде всего, отношение человека к делу, а не отдельные вывихи.

Непривычная тишина. Ветер стих как-то враз, словно где-то прикрыли заслонку. Оглушенные и ошарашенные, Коварма с Овражным остановились.

— Митрич,— громко, как через мощный усилитель, окликнул Сергея Коварма.— Что это, а?

— Кажется, пурга кончилась,— еще не доверяя тишине, отозвался Сергей.— Может, передохнуть решила?

Опустив Максимыча, они несколько минут стояли, ожидая очередного порыва ветра. Но его не было.

Липкая тьма стала сереть. Робко выглянула в просвет искристая звездочка. За ней другая, третья... И вот серебряным табананом[1] выкатилась луна, залила все вокруг льдистым переливчивым светом.

Сергей огляделся. Слева от них зазубренным лезвием уходил ввысь запорошенный ступенчатый утес, справа — приземистой юртой горбатилась сопка, а впереди, где распадок сужался, плавала темнота.

— Кончай ночевать!

Коварма присел перед Наяновым, положил ему на плечо свою тяжелую руку. Максимыч испуганно вздрогнул, с усилием открыл глаза.

— Ну, чего молчишь? Вставай, пляши — выпутались! Правду, Митрич, говорят — век учись. Вот смотри: храпеть научился, а говорить разучился. Бубнит что-то, а что, и сам не знает. Теперь, значит, так,— Коварма поднялся.— Вы тут чуток передохните, а я мигом на этого черта сбегаю,— он указал на вершину утеса.

— Стоит ли, Григорий Степанович?

— Да ты что, Митрич! С него же любой огонек за сто километров видно. Лучшей вышки не придумаешь.

Коварма — двужильный мужик!— зашагал в сторону утеса. Сергей устало опустился на брезент рядом с Максимычем, подпер его спиной, вытянул гудевшие ноги...

---

[1] Табанан — круглая лепешка *(каз.)*.

...Впереди замаячило городище — огромный старинный курган. Слышал Сергей от деда Лизвоя, завзятого сказочника и знатока здешних мест, что в городище татары-маголы (так величал дед монголов) запрятали несметные богатства.

— Лежат они в кованых сундуках,— рассказывал дед Лизвой, пощипывая бороденку.— Сундуки увязаны волосяным арканом.

— Что ж их, дедушка, никто не выкопает?

— Экий ты шустрый!— сердился старик.— Так-таки и выкопаешь? Их ведь нечистый сторожит. Да и не один, поди. Слово волшебное знать надобно,— пояснил он, щуря желтые, точно стертые двухкопеечные монеты, глаза, и продолжал:— Отец мой сказывал, что знал это слово Магометка-татарин. Помер и слово унес...

Сергей уговорил своих сельских друзей Касыма и Турара откопать клад. Те поначалу отказывались.

— Трусы вы, трусы!— стыдил их Сергей.— Знаете, на это золото сколько танков можно построить? Тысячу. А может, и больше.

Наконец, друзья сдались.

По утрам, утащив из дома кто краюху хлеба, кто десяток баурсаков, кто горсть твердого, как щебенка, курта, отправлялись к кургану и пропадали там до темноты. Возвращались домой чумазые, усталые.

— Где тебя нечистая носит?— ворчала мать.

— На рыбалке были.

— А рыба где же?

— Не поймали...

Выпив через край прозрачную, как стекло, похлебку, Сергей заваливался спать. И снились ему сундуки, такие, какой стоял у них за печкой. Только были на них широченные медные обручи, будто на бочках, да громадные ржавые замки.

— Э-э!— ругался Касым.— Ключа нет, как открываем?

Сергей просыпался и долго не мог сообразить, где он и что с ним:

— Мам, а мам!

— Что тебе?

— А сундуки где?

— Какие еще сундуки?

— Ну те... с золотом.

— Да что ты! Христос с тобой,— крестила его мать.— Спи, какое еще тебе золото пригрезилось.

И снова, едва только Сергей закрывал глаза, мерещилось золото. Горы золота. Правда, он не знал, какое оно есть на самом деле, но то, что снилось, напоминало поджаристые вкусные булки, которые мать пекла до войны.

Раскопки кончились враз и, к счастью, благополучно. В полдень, когда кладоискатели выбрались из своей пещеры, чтобы искупаться и перекусить, она вдруг завалилась. Легкое облачко пыли взметнулось в небо, и на месте пологого склона образовалась яма с рваными краями.

— Ой-бай!— воскликнули разом Қасым и Турар и пустились наутек.

Сергею показалось — кто-то глубоко вздохнул и заворочался в яме.

«Нечистый»,— подумал он и со всех ног бросился за друзьями.

У страха глаза велики, а ноги быстры. Километра три, пожалуй, отмахали они, пока не оправились от испуга.

— У-у-у шайтан!— озирался перепуганный насмерть Қасым.— Рог видел?

И хотя Сергей не успел рассмотреть ни самого нечистого, ни рог, он охотно поддакивал другу:

— Такой вострый рог, такой вострый — вострее и не бывает!

...Кто знает, может быть, кладоискательству и обязан он тем, что стал геологом?

Давно знакомое, надсадно скребущее душу предчувствие чего-то недоброго разбудило Сергея. Он прошелся затуманенным взглядом от подошвы до вершины утеса — Ковармы нигде не было. Догадка иглой прошила дремавший мозг. Сложив рупором руки, Сергей закричал что было мочи:

— Ого-го-го! Григорий Степанович!

Многоголосое эхо подхватило его крик и понесло по горам и распадкам. Не дожидаясь ответа, наперед зная, что его не будет, Сергей бросился туда, где утес, сходясь гранями, вытачивался в лезвие...

Коварма лежал, зарывшись лицом в снег, широко распластав руки. Правая нога его, чуть ниже колена,

была как-то неестественно отброшена, почти перпендикулярно к туловищу.

Сергей попробовал осторожно поправить ее: Григорий Степанович застонал, заскрежетал зубами. Он перевернул его на спину. Лицо Ковармы было залито кровью. Промокнув ее снежными тампонами, Сергей увидел, что лоб Григория Степановича глубоко рассечен наискось.

Сбросив куртку и свитер, Сергей стянул с себя рубашку, майку, порвал их на лоскуты и, не чувствуя холода, начал туго бинтовать голову Ковармы. Покончив с этим, убедившись, что кровь остановлена, он поежился, влез в настывший колючий свитер, запахнул поплотнее куртку и заспешил к Наянову.

Максимыч, негромко похрапывая, спал.

Вытряхнув все из рюкзаков, прихватив брезент и обрывок сыромятного ремня, Сергей вернулся к Коварме. Перво-наперво прямо поверх набухшей кровью меховой штанины перетянул что было силы ремнем ногу повыше колена. А потом, не обращая внимания на стоны Григория Степановича, выправил ее; отрезал от брезента длинную ленту и плотно обмотал искалеченную ногу вместе с голенищем сапога. Затем свернул вдвое брезент, проделал в нем четыре отверстия, пропустил в них лямки рюкзаков: получилось что-то наподобие волокушн. С трудом затащив на нее Коварму, Сергей захлестнул его лямками под руки, чтобы не сползал, впрягся в поводок и потащил волокушу к Наянову.

Вот теперь, когда похрапывающий Максимыч и постанывающий Коварма лежали рядом, на Сергея вдруг навалилась такая усталость, такая апатия, что не было ни сил, ни желания даже пошевельнуть пальцем. В мозгу занозой саднила одна мысль — пристроиться к кому-то из них и уснуть.

«Так это же конец»,— предупреждал рассудок.

— Вы, товарищ Овражный,— голос Синеглазова прозвучал так явственно, что Сергей невольно поднял голову,— не оправдали оказанного вам доверия... Вы решили, что вам все позволено... А потому, товарищ Овражный, вы не имеете морального права руководить коллективом...

— Врешь!— стряхивая с себя апатию и усталость, заскрипел зубами Сергей.— Имею... Имею право до по-

следнего шага оставаться человеком. И ты, краснобай, у меня не отнимешь это право.

Он подхватил лямки и поволок Коварму по извилистому распадку.

Отшагав вгорячах метров триста, Сергей остановился, осторожно стащил с волокуши Григория Степановича, подложил ему под голову свои рукавицы и пошел назад, за Наяновым.

Так, попеременно, выбиваясь из последних сил, он и тянул их за собой.

...Искрилась на солнце прихваченная первым морозцем темно-зеленая отава. Они шли по ней с матерью (Сергей снова видел себя маленьким). Мать крепко держала его за руку. А ему страсть как хотелось пробежаться.

— Пусти,— просил он ее.

Но она не отпускала, все крепче сжимая его руку.

— ...Если вы, Евгений Самуилович, признаете эти художества Баркина за документ,— Тулупов бросил гневный взгляд на разбросанные по столу фотографии,— то я вынужден просить членов совета передать их прокурору и возбудить против Баркина уголовное дело. Всякая подделка, а тем более такая подделка, порочащая честь людей,— уголовно наказуемое преступление.

...Ольга смеялась. Смеялась заразительно, беспечно, весело.

— Уморил ты меня, Сережка. Неужели ты мог поверить, что я вышла замуж? Вот потеха.

— Оля! А ты заметила, что муж и жена всегда или почти всегда похожи друг на друга?

— Сочиняешь.

— Нет. Серьезно. Ты приглядись... Вот, двое идут нам навстречу. Похожи, правда?

— Похожи.

— А эти, как по-твоему, муж и жена?

— Может быть. Тоже схожесть есть... Постой-ка, Сережа, значит, мы не будем мужем и женою, ведь мы же совершенно не похожи.

— В том-то весь и секрет, что парень с девушкой

чаще всего непохожи друг на друга, а станут мужем и женой, поживут и приобретают какие-то общие черты внешней схожести. Загадочно, необъяснимо, но факт.

— Вот и погас наш костер.

— Жалко.

— Может, разведем новый, угли еще не остыли?

— Поздно.

— Почему так грустно становится, когда гаснет костер? Будто в тебе что-то отгорело и покрывается пеплом.

— Давай разведем новый костер! И чтобы костры никогда, никогда не гасли...

— ...Прошу записать в протокол совета,— секретарь парткома треста Федор Митрофанович Степанов говорил неторопливым голосом,— мое особое мнение. Ошибки у товарища Овражного, конечно, были. Но допускал он их по молодости, по неопытности. За это, я считаю, мы должны его строго предупредить. Достаточно веских оснований для освобождения его от работы я лично не вижу.

— Митрич!— позвал Коварма, как только Сергей, волоча Наянова, поравнялся с ним.

— Григорий Степанович! Очнулся?

— Знаешь, Митрич,— тяжело продолжал Коварма.— Когда-то командир говорил нам с Максимычем: за компанию подыхают только трусы. Слышь, тру-сы. К чему я? А к тому, что мы с Максимычем свое оттопали. Все, пришли к точке. Оставь нас... Куда ты с нами? Уходи, Митрич... как человека прошу...

Сергей, не отвечая, потянул Максимыча дальше.

И снова перед глазами просторный кабинет Синеглазова, длинный-предлинный стол и члены совета, сидящие за ним.

— Я не понимаю вас, Федор Митрофанович,— Синеглазов испепелил взглядом Степанова.— Мы же, кажется, на парткоме довольно четко определили нашу позицию по этому вопросу.

— На парткоме, Евгений Самуилович, перед нами была бумага, а здесь люди...

— Выходит, вы не доверяете справке комиссии?

Воло

Не в
Шел и во
окончательно
грузчика, приостано
грудь воздуха и рывком

...— И все-таки я верю, что у каж
своя Мать-жила.

— Чудный ты, Сережка,— сказала Ольга.—
вот, к примеру, печника. Где его Мать-жила?

— В печи! В доме у деда Лизвоя стоит печь. Сделана она еще в начале века. А посмотришь на нее — будто вчера сложили. Давно уже нет в живых того печника, но спроси на селе любого, кто был лучшим печным мастером, и каждый ответит: «Дед Чихарь!» А ведь если разобраться, то половина сельчан его и в глаза не видала.

— Ты найдешь свою Мать-жилу, Сережа. Я верю в это.

— Мы найдем ее вместе.

— Может быть... Но смотри же, если вдруг что случится, не забудь поискать и мою Мать-жилу, она будет обязательно где-то рядом с твоей.

«Усольск. Областная больница. Главврачу. Коллектив геологов убедительно просит вас сообщить о состоянии Овражного, Ковармы, Наянова. Начальник партии Лобов».

«Усольск. Областная больница. Ура! Мать-жила в кармане. Внеплановая врубилась в руду. 61 и 67 подтвердили разлом — сплошное оруденение. Победа, братцы, победа! Держитесь! Поправляйтесь скорее! Целую вас, черти! Лобов».

Е

Блинский А. Д.
Б 69 Поклонись Мугоджарам. Повесть. Алма-Ата, «Жазушы», 1977.

144 стр.

События повести происходят в геологической партии, которая ищет медную руду в Мугоджарах, на западе Казахстана. Главный герой произведения Сергей Овражный — человек незаурядных способностей и нелегкой судьбы — вступает в конфликт с группой карьеристов, для которых собственный престиж дороже общественных интересов.
Это придает сюжету драматизм схватки, позволяющий ощутить торжество победы над злом.

Р2

Б $\frac{70302-147}{402(07)77}$ 126—77

ИБ 706

Анатолий Даниилович БЛИНСКИЙ
ПОКЛОНИСЬ МУГОДЖАРАМ

повесть

Редактор *В. Старков*
Художник *М. Шалбаев*
Худож. редактор *Б. Машрапов*
Техн. редактор *Л. Алехина*
Корректор *Е. Шкловская*

Сдано в набор 6/VII-77 г. Подписано к печати 11/X-77 г.
Формат 84×108$^1/_{32}$. Бумага газетная № 3, 9 п. л.,
7,56 усл. п. л. (7,69 уч.-изд. л.).
УГ13614. Тираж 100 000 экз. Цена 45 коп.

Издательство «Жазушы», 480091, г. Алма-Ата, пр. Коммунистический, 105.

Заказ № 1017. Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Совета Министров Казахской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 480046, г. Алма-Ата, пр. Гагарина, 93.

45 к.

